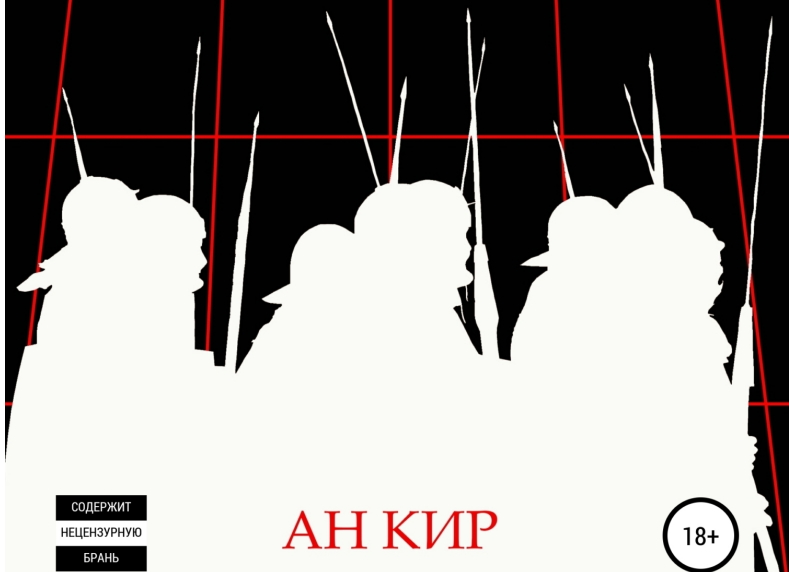

Корпорация «АйДи»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АН КИР

18+

Ан Кир

Корпорация «АйДи»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63800647

SelfPub; 2021

Аннотация

Во время обычной поездки в метро медиаспециалист Глеб Вадатурский обращает внимание на странность – стрелки его часов идут в обратную сторону. Вначале он думает, что с его хронометром произошла поломка. Однако перед тем, как выйти на станцию, он замечает, что часы на мониторе вагона также идут вспять. В один момент привычный мир переворачивается с ног на голову. По улицам ходят обнаженные девицы и клерки, скрывающие лица под масками. Римские легионеры по закоулкам и во дворах пытаются каких-то людей. Управляет всеми процессами в мегаполисе корпорация «АйДи», которая специализируется на разработке и продвижении виртуального контента и материальных благ. Задача компании – постоянно концентрировать внимание потребителей на своих продуктах. Отвлечение пресекается всеми возможными способами. Противостоит «АйДи» ЗАО «Генератор света», которое пытается запустить в потребителях процесс осознания... Все персонажи выдуманные. Содержит нецензурную брань.

Ан Кир

Корпорація "АйДи"

То український Кен Кізі
То він написав
Українську над прірвою у житі

Василь Обломіф

Надпись на рекламном плакате, наклеенном на доске объявления у одесского Оперного театра, с изображением российского певца, позиционирующего себя как протестного, преследующая две маркетинговые цели – популяризировать, точнее не дать угаснуть великому русскому языку на юге Украины, а также распространить билеты на концерт исполнителя среди местных эмо. Да, есть еще третья маркетинговая цель, о которой не говорят, но подразумевают при продвижении любого товара, услуги или контента – предотвратить встречу человека с Богом.

Пост с фотографией и подписью блогера с ником Вашишта на Fbook (группа Адесский RP)

Час пик

Я ехал на работу в вагоне поезда метро, когда случайно обратил внимание на одну странность: стрелки моих часов двигались в обратном направлении. Первое, о чем я тогда почему-то подумал: раз стрелки идут в обратную сторону, значит, я должен ехать не на работу, а назад домой. Сомнительная, конечно, логика. И тогда я вспомнил о персонаже

Фрэнсиса Скотта Фицджеральда Бенджамине Баттоне, который проживал жизнь задом наперед – появившись на свет глубоким стариком, он с каждым прожитым днем становился все моложе. По аналогии шедшее вспять время должно было сказываться на моем возрасте. Значит, я тоже должен был молодеть. С другой стороны, господин Баттон разглаживал свои морщины в условиях обычного течения времени. И тут до меня дошло: часы поломались. Однако я тут же наткнулся на противоречие: как они могут быть сломаны, если стрелки идут четко, отмеряя каждую секунду и вовремя переключая минуты, хоть и в обратном направлении. Я какое-то время пристально следил за циферблатом, и мысленно просчитывал каждое движение секундной стрелки. Погрешности точно не было. При этом я все же постучал по защищавшему циферблат стеклышку, как это делают ничего не понимающие в часовых механизмах люди, таким нехитрым способом надеясь починить сложное устройство. Чуда не свершилось. Часы по-прежнему шли неправильно. Я так сильно погрузился в размышление об этой странности, что

когда раздался металлический голос диктора, объявивший мою станцию, я еще какое-то время не решался выйти из вагона. А потом, резко всполошился – будто спящего человека в воду бросили, при чем в очень холодную, стал энергично пробираться к выходу, расталкивая сонных пассажиров. Буквально за секунду, или даже долю секунды – перед тем как выйти из вагона, я кинул свой взгляд на подвешенный к потолку монитор, по которому во время движения поезда транслировалась реклама, а перед остановкой – название конкретной станции метрополитена и время. От увиденного на экране у меня даже кольнуло в виске. Часы, расположенные в правом нижнем углу монитора, переключились с 9 часов 53 минут на 9 часов 52 минуты.

– Что за черт, – подумал я уже на перроне станции метрополитена, но тут же наткнулся на другую странность. Кроме меня на платформе не было ни одной живой души. За все мои годы жизни я никогда такого не видел – чтобы станция «Золотые ворота» пустовала, тем более, в час пик. Я сглотнул от недоумения, вышел на середину перрона и осмотрелся. Никого. Поезда метро в тоннеле также не оказалось. Когда он уехал, я не понимал.

– Эй, есть кто живой? – зачем-то крикнул я словно среднестатистический американец из низкопробного голливудского фильма ужаса, оказавшийся в подобной ситуации. Но

в ответ широкие коридоры подземелья лишь эхом разнесли мой голос.

В голове возникала невнятная каша из предположений и размышлений о происходящем, от чего мне стало еще беспокойней и страшнее. Я решил как-то отвлечься, и быстро пошел к эскалатору, успокаивая себя, что все это чрезвычайно реальный сон.

– Но, если это сон, – наткнулся я на спасительную мысль, – значит надо себя ущипнуть, чтобы проснуться.

С этими словами я, немного не рассчитав силу, вонзил пальцами правой руки в левое предплечье, и тут же вскрикнул от боли: – Ай, черт. Последнее слово долгим эхом пролетело по залу, угасая с каждым повтором: черт, черт, черт. Но от щипка ничего не изменилось. Я по-прежнему стоял посреди пустой платформы метрополитена в компании стен, арок и люстр. Тогда страх проник в мое сознание еще глубже, и я с бешеной скоростью рванул к неработающему эскалатору. На одном дыхании мне удалось преодолеть чуть больше половины дистанции. А затем, вероятно, адреналин, давший сил в момент нервного напряжения, стал таять в крови, и я сбавил темп. Оставшаяся часть подъема далась мне с трудом. На последних метрах я едва перебирал ногами, пытаюсь совладать с отдышкой, прокачивая спертый воздух подзем-

ки хрипящими легкими. Когда, наконец, ступеньки закончились, и я вышел с эскалатора, меня ожидал очередной неприятный сюрприз. Вместо промежуточного зала перед вторым эскалатором станции «Золотые ворота» я оказался все на том же перроне, с которого так спешил сбежать. При чем, когда я обернулся, чтобы посмотреть, куда ведет эскалатор, оказалось, что он вел туда, куда я так стремился попасть – вверх. Получалось, что весь мой трудный путь был напрасным, как у Сизифа. Бежал ли я вообще. Мистика? Ирреальность? Плод воспаленного мозга? Неужели я стоял на месте, а мой ум создавал иллюзию движения в пространстве. Скажем, как при воздействии на мозг определенных психотропных препаратов. Но поверить в это было нельзя, точнее невозможно. Я вспотел, устал и все еще сопел из-за отдышки. Повернув голову в сторону, я увидел пустой туннель.

– Возьми себя в руки, – обратился я к себе, – да, это странное место. Да, неприятная ситуация. Но пока с тобой ничего дурного не происходит, кроме страха. А страх – это всего лишь состояние сознания, точнее ума, или разума, а значит, его можно контролировать. Надо собраться с духом и пытаться разобраться в происходящем.

Удивительно, но почему-то я задумался над этой довольно таки заурядной фразой – собраться с духом. Согласно этому выражению получалось, что во мне есть некий дух, кото-

рый не является мной, раз мне надо с ним собраться в единое целое, чтобы победить страх. Страх, кстати также был частью меня. Но если страх можно было считать порождением моего ума, или сознания, то дух, было понятно, являлся как минимум равнозначной уму, то есть мне, фигуре, или структуре. Не знаю, как сказать правильно. С другой стороны, как во мне могло быть то, что не является мной. Почему эти мысли пришли мне тогда в голову, я понял немного погодя. Просто других мыслей при первой встрече с собой быть не может. Но об этом чуть позже. В тот момент эти размышления помогли мне переключиться и расслабиться. Глубоко вздохнув, я по-турецки сел на холодный пол и закрыл глаза. Прделав упражнения дыхательной гимнастики, я снова открыл глаза и встал. Теперь мне было относительно спокойно и почти не страшно. Ну, или по крайней мере мне так казалось. Страх никуда не делся, но он как бы спустился на другой уровень моего восприятия, с которого ему было гораздо сложнее влиять на ум. Я огляделся по сторонам.

– Если эскалатор ведет обратно на станцию «Золотые ворота», не исключено, что переход на станцию «Театральная» также выведет меня сюда, – стал размышлять я, – конечно, проверить надо, но если это окажется так, что тогда?

Но что делать тогда, я понятия не имел. Посмотрев на часы, я увидел, что прошло 15 минут с того момента, как я вы-

шел из поезда. В этот раз странности, что часы по-прежнему идут против часовой стрелки, я не предал ни малейшего значения. Даже не задумался. Просто в моей памяти отчетливо выбились цифры с угла монитора 9.52, а сейчас на моих часах было 9.37. Что-то мне подсказывало, что мой хронометр и часы в поезде метро были настроены синхронно, то есть не отставали и не спешили друг от друга ни на секунду. И внезапно меня словно осенило: – за 15 минут на станцию не пришло ни одного поезда. Такого тоже никогда не бывало в час пик. Обычно в это время поезда ходят с интервалом в несколько минут, а то и еще меньше.

– Надо немного подождать, и если окажется, что поезда действительно не ходят, можно будет попробовать пойти в один из туннелей, – смекнул я.

План, хотя это слишком громкое слово для действий, которые я хотел предпринять, был готов, и я решил незамедлительно приступить к его реализации. Вначале надо было проверить переход на станцию «Театральная», а в случае неудачи, исследовать четыре туннеля на станции «Золотые ворота». Дальше я пока не планировал, поскольку в этом не было никакого смысла. На пути к переходу, наверное, из-за арок или цвета стен, а может просто потому, что я находился в метрополитене, мне вспомнилась то ли вторая, то ли третья часть фильма «Матрица» с Киану Ризвом. Его герой –

Нео также оказался заложником подземки – станция метрополитена оказалось некой буферной зоной, островком между миром людей и миром программ. Тогда я подумал, может, и я, как Нео, нахожусь между двумя мирами. Но что тогда в моем случае вместо мира программ? Подойдя к переходу на станцию «Театральная», я посмотрел в проход, глубоко вздохнул, перекрестился, и было собрался сделать первый шаг к восхождению, подняв правую ногу, как почувствовал прикосновение. Кто-то положил мне на плече руку. Я сглотнул, и опустил ногу на пол. В голове моей сквозной пулей пролетела мысль по поводу того, кто мог стоять за моей спиной – такой же заблудившийся в подземке человек или какое-то невообразимое существо или вообще не существо, а что-то непостижимое простому человеческому разуму. Сглотнув слюну еще раз, я стал медленно поворачивать голову к неизвестности. Уловив боковым зрением человека, а не что-то ужасное, я с облегчением выдохнул. Хотя, надо отдать должное, выглядел этот человек весьма странно. Он был одет в старый советский спортивный костюм темно-синего цвета с эмблемой «Динамо» на груди, белые кроссовки adidas с синими полосками на боковинах (той модели, которую по лицензии производили в СССР) и голубой берет десантника с кокардой в виде советской звезды, обрамленной золотым венком. Но самым странным было то, что лицо незнакомца закрывала позолоченная маска с прорезанными отверстиями для глаз и рта. При чем рот был сделан в ви-

де широко растянувшейся улыбки. Весь его вид был словно привет из моего детства, когда подобные вещи я встречал довольно часто, правда, не одновременно. Берет десантника явно не сочетался со спортивным костюмом и золотой маской. Хотя, если хорошенько подумать, то подобный наряд мог быть вполне логичен и даже гармоничен в условиях боевых действий в карнавальной Венеции. Несложно ведь представить, как изрядно выпившие советские солдаты во время затишья между перестрелками решили переодеться в домашнее и в качестве развлечения примерять разбросанные по разбомбленному городу карнавальные принадлежности. Другой вариант – столкновения радикальных националистов-гетеросексуалов, когда-то отдавших долг Родине в войсках, с представителями сексуальных меньшинств или правоохранительных органов, в чем, впрочем, нет никакого противоречия. Ветераны могли надеть золотые маски, отобранные у геев во время их жалкой попытки пройти по центру столицы, например, для сокрытия лиц от поборников традиционных ценностей. Иначе объяснить причину такого гардероба я не мог. Понимая абсурдность своего предположения, я продолжил размышлять предметнее. Берет и спортивный костюм – это, конечно, пошло, но для некоторого контингента граждан вполне возможно. Например, в тот же день ВДВ на ВДНХ. Другое дело маска. Она была здесь ни к черту. Такие маски, или подобные им, обычно висели у советских людей на стенах, и были не золотыми, а пласти-

ковыми или деревянными. В случае с маской на незнакомце, я был уверен, возможно, из-за блеска или ощущение тяжести, что она была из чистого золота, ну, из позолоченного металла точно. Использовать такую в качестве защиты, в принципе, было можно, но не практично. Маска была довольно крупная, сильно ограничивала обзор из-за небольших прорезей глаз, но главное, что человеку приходилось держать ее при помощи прикрепленной к подбородку рукоятки вроде длинной указки, которая заканчивалась наконечником в виде перевернутой головы то ли мопса, то ли макаки, то ли просто скомканного шарика. Это было не совсем удобно во время драки. Ну, хотя бы потому, что одна рука выпадала из арсенала бойца. И тут совершенно случайно в голове проскользнула мыслишка – где-то я читал, что подобные маски использовали в своих ритуалах представители некоторых эзотерических культов. Каких именно, я не помнил.

– А что, если это религиозный фанатик, возможно, ма-сон во время посвящения в какой-то там градус, зороастриец или каббалист, – думал я.

Пока я размышлял, человек стоял неподвижно. Только голова его слегка то приподнималась, то опускалась, словно сканируя меня. Пауза переходила в разряд неловкости, и я решил прервать ее.

– Здравствуйте, – собираясь с мыслями, сказал я, и зачем-то кивнул головой.

В это время человек вытащил из-за спины левую руку, в которой оказались еще какие-то маски на рукоятках. Практически молниеносно сменив улыбающееся лицо на маску с печальным, или даже злым выражением, он грозным и величественным голосом произнес: – Ты уже диверсифицировал свои риски вложением в «голубые фишки», золото и иены, став клиентом нескольких инвестиционных фондов?

Я почему-то вспомнил, что таким тоном говорил Бог в импортных библейских мультиках, которые зачем-то стали показывать во времена моего детства – начале 90-х годов прошлого века взамен «Ну, погоди!». Впрочем, зачем – мне стало понятно после перехода к товарно-денежным отношениям и активного внедрения либерально-толерантных ценностей на просторах рассыпавшейся страны. Но в отличие от слов мультипликационного Бога, смысл сказанной чудачком фразы был для меня понятен.

– Отвечай же, – с пафосом продолжил незнакомец, вскинув вытянутый палец свободной руки вверх.

– Простите, я не совсем понял вопрос, – зачем-то соврал я. С другой стороны, что мне надо было ему процитировать

зашмыганный штамп среднестатистического аналитика, или заявить не меньшую глупость, точнее вульгарность – что следует обходить стороной проходимцев с накрахмаленными воротничками и засаленными волосами. Не в том смысле, что стороной обходить, это как раз понятно. Мерзко вообще знать, кто такие аналитики инвестиционных компаний, портфельные инвесторы и прочие черночеккнижники – соответственно – их рекомендации и советы.

Незнакомец поменял маску на предыдущую – с улыбкой, и громко рассмеялся.

– Я знал, Вадатурский, что ты, как финансовый журналист, слабоват – сказал он, сбавляя неприятное хихиканье.

– Я вообще-то специализируюсь на энергетическом рынке, – с какой-то неловкостью, словно оправдываясь, ответил я.

В ответ на это человек сменил маску на другую – с прорезанным ровной полоской ртом, которая, видимо, означала безразличие или обыденность.

Я заколебался. Дело в том, что в тот миг, когда незнакомец менял маску последний раз, я на мгновение уловил черты его лица. Что-то будто кольнуло меня в висок, и секун-

ду-другую, как бы перебирая страницы книги своей памяти, я искал ответ на возникший, но еще не осознанный вопрос – Так кто ж ты... И вдруг меня словно осенило: – Степан. Степан Гаврик из «Коммерсанта».

Услышав мои слова, человека с маской безразличия на лице застыл, словно его облили жидким азотом, как робота T1000 из второго терминатора. Казалось, что он даже не дышит. Я смотрел на него, он смотрел на меня и молчал. Я потянул к нему руку, но он сделал шаг назад. Рука его стала понемногу трястись, а спустя секунду эту вибрацию догнал нарастающий истерический смех.

– Вот, подонок. Разглядел. Как говорили наши предки: ай да сукин сын, – сказал он грубо, фамильярно, к тому же противно гогоча.

– У меня просто хорошая память на лица, – ответил я со всей серьезностью, пытаюсь сбить его неприятную манеру.

– Не, не, не, не, – убирая маску от лица, тараторил Гаврик, махая передо мной вытянутым пальцем, – явно с гэбухой работал. Вот такие нам люди нужны, чтобы краем глаза взглянул, и знал кто, что и когда. А то уже сил нет с уродами этими бороться. То мурал с изображением котов в сапогах на шпильках, трахающих собак с усами и чубами запусят,

то вирусный трек про комитет матерей дауншифтеров в исполнении двух пролетариев запишут, а то и вовсе хакерской атакой Fbook накроют. Знала, умница, кого вытаскивать надо, знала.

Я лишь с недоумением анализировал поток несвязных и непонятных фраз. При чем безрезультатно.

– Ладно, пошли. Дел невпроворот, – сказал Степан и пошел к эскалатору, на который я недавно взбегал. Я хотел возразить, мол, там какая-то чертовщина с этим подъемником. Но что-то, вероятно, называемое внутренним голосом, убедило меня не делать этого.

– Степан, – обратился я, послушно шагая в след, – а что...

Но он перебил меня, не оборачиваясь: – Понимаешь, Глеб. Как бы тебе сказать. О чем ты меня спросить хочешь, я знаю. Сам подобными вопросами когда-то задавался. Но так сходу и не объяснишь. Тут постепенно надо. В общем, пока скажу так – у воды есть три состояния – жидкое, газообразное и твердое. По законам природы, одновременно находиться в этих состояниях вода не может. У людей что-то подобное. Однако это возможно. На самом деле – часы, идущие в обратном направлении, эскалатор, ведущий в точку начала подъема, отсутствие людей в час пик в подземке и все

остальное прочее – это переход или портал, как в известном слогане adidas, из невозможного в возможное.

Я задумался над сказанным.

– Ладно, не бери в голову, – как бы предугадав мое замешательство, сказал Гаврик, – не все сразу. Москва не сразу строилась, а вот развалится быстро. После этого он опять неприятно загоготал, после чего добавил: – Я, если честно, сам далеко не во всем разобрался.

В этот момент мы подошли к эскалатору.

– Ладно, – продолжил он, – будем спускаться. С этими словами Степан вынул из кармана что-то вроде черного портмоне или визитницы и приставил ее к выемке справа от ручного резинового ремня эскалатора.

За спиной я услышал тихое сопение, и резко повернулся. В нескольких метрах от эскалатора появилась кабинка с мониторами, в которой в форме сотрудника метрополитена, правда, сильно изношенной и потертой, сидел мрачный худой старик с впавшими щеками и необычайного серого цвета глазами. На рукаве его пиджака я рассмотрел символ, который состоял из трех предметов: якоря в центре, христианского креста с левой стороны и морского трезубца с правой.

Сверху две буквы – русская П и латинская N. В руках человек держал длинный шест с широкой лопастью на одном конце. Клянусь, еще секунду назад там не было никаких кабинок.

– Мелочь есть? – спросил у меня Степан.

Я вынул из кармана джинсов кошелек и раскрыл отделение с мелочью.

– Давай все, – сказал Гаврик, и я высыпал ему в руку все имеющиеся монеты.

Степан просунул в проем в кабинке мелочь, старик внимательно посмотрел на монеты, затем на меня, и с неохотой нажал на какую-то кнопку. Механизм издал негромкий лязгающий звук, и ступеньки понеслись вверх. Я хотел было спросить, почему Гаврик сказал, что мы будем спускаться, если мы на самом деле едем вверх, но снова решил промолчать. Всю дорогу мы ехали молча, но, когда ступеньки в конце подъема стали выравниваться, раздался громкий оглушающий звук, будто кто-то дунул в гудок паровоза, или скорее огромного теплохода, и эскалатор неожиданно остановился. Меня по инерции понесло вперед, и я ударил головой Гаврика в спину. От этого удара он подался вперед и встал на одно колено, хотя толчок был довольно легким. Я схватил его за

плечи и попытался помочь подняться, но Гаврик, точнее его тело, противилось. Я прибавил рукам силы, однако Степан не поддался и в этот раз. И тут боковым зрением я заметил стоящие в нескольких шагах от нас фигуры. Кинув на них взор, я в очередной раз за сегодня испытал хорошо знакомое чувство негодования – будто меня ударило током. Перед мной стоял крупный белый козел с нереально огромными рогами, укутанный в шотландский плед, или что-то похожее, и смотрел на меня взглядом настолько прямым, пронизательным, суровым и одновременно презрительным, что от неловкости, или скорее от страха я опустил голову. Возле козла, как я успел заметить перед психологическим поражением, нечетко различался парень в странной фиолетово-металлической военной форме и медном шлеме, державший огромную закрученную трубу, которая, вероятно, и издала ужасный звук, одновременно с которым остановился эскалатор.

– Все сгорит в огне потребления, – неожиданно выкрикнул Гаврик, вздымая вверх зажатую в кулаке правую руку.

Козел радостно заблеял. Степан повернул ко мне голову, и, заметив, что я стою, побагровел. – Быстро становись на колени и повторяй за мной, – сказал он, и вывернутой рукой с силой дернул меня за штанину. От этого движения я фактически упал на металлические ступеньки эскалатора, боль-

но ударив чашечку. Не распластался я на лестнице лишь потому, что уперся плечом в боковую стенку подъемника.

– Повтори то, что я сказал – все сгорит в огне потребления, – прохрипел Степан.

– Все сгорит в огне потребления, – протараторил я, и также как Степан вздернул руку вверх.

Козел вновь удовлетворенно заблеял. После этого Степан встал, и взмахом руки призвал сделать так же. Какое-то время он стоял молча, смотря козлу в глаза, а потом тихо сказал мне: – Глеб, он приказывает, чтобы ты подошел к нему.

– К кому – козлу? – с опаской, предчувствуя ответ, спросил я.

– Не к..., – скрипя зубами, прошипел Гаврик, пропуская меня вперед, – а к Уильяму, Уильяму Виндзору.

Я с плохо скрываемой неохотой поплелся к козлу, точнее Уильяму Виндзору. Помня его взгляд, я старался не смотреть перед собой. Наконец, увидев его копыта, которые, к слову, были начищены не хуже, чем 100 лет тому назад туфли у расторопного чекиста после рейда на Кузнецкий рынок. Почему-то именно эта ассоциация возникла у меня в

голове в тот момент. Козел опять заблеял своим мерзким голосом.

– Дать бы тебе коленом под зад, – подумал я, чувствуя, как животное изучало меня своими полосками-зрачками.

В этот миг время казалось бесконечным, а пространство безграничным. Я чувствовал, как по моему позвоночнику ползет капля пота, а где-то внутри, возможно, в глубине души медленно-медленно скребет невообразимый ужас. Неожиданно козел дернулся и встал на задние лапы. От резкого движения я выпрямился и посмотрел на него. Его глаза были почти на уровне моих, к тому же вблизи казались еще страшнее. Козел стоял неподвижно и внимательно изучал меня, пытаясь что-то разглядеть в моих глазах. А может, он хотел заглянуть внутрь меня. Как говорят, добраться до души. Я хотел опустить голову, но не мог. Не скажу, что козел управлял мной, гипнотизировал. Такое бывает и в повседневной жизни – отчитывает тебе своенравный начальник за пробелы в работе, а ты молча стоишь и с виноватым видом внимаешь претензии, думая о высокой зарплате, которую получишь на следующей неделе. Правда, в случае с редактором ты только изображаешь сожаление. Здесь же я испытывал подлинные чувства. Не знаю, сколько мы так стояли, время как бы перестало существовать в привычном смысле, но в какой-то момент козел слегка пошатнулся, и в

следующий миг со всего размаху обрушил мне прямо в лоб свои мощные рога. Вспышка света вспыхнула у меня в голове, и я ощутил, что падаю на землю. Удара о бетонный пол я не почувствовал. Да и упал ли я вообще, сказать сложно. При этом я оставался в сознании, но как-то по-другому ощущал окружающий мир, да и себя самого. Мне казалось, что все залитое светом пространство это я сам, и я могу все, но ничего не хочу. Затем свет стал как бы сворачиваться в себя и, в конце концов, превратился в точку в темноте – отпечаток луча на стене в темной комнате. И светил это кружечек так, что от него не хотелось оторвать взгляд. А потом все исчезло, и я вместе со всем.

Частица Бога

Меня разбудил сигнал будильника. Хотя, сказать разбудил, будет не совсем верно. Состояние, в котором я пребывал, было довольно странным – походившим на сон только отчасти. Я был в сознании, при этом потока мыслей или других процессов в моей голове не происходило. Подобные ощущения я переживал при чрезмерном алкогольном опьянении, лучше даже сказать отравлении. Бывало, навалишься с коллегами после работы крымского портвейна с крепленным пивом, придешь домой, упадешь на кровать, закроешь глаза, отключишь мозг, но не спишь. Что-то похожее происходило со мной и теперь. С трудом открыв левый глаз,

я осмотрелся. Шкаф, люстра, стол, гитара. Я был дома. Довольно странно, но о вчерашнем происшествии в тот момент я не помнил. Но только сев на кровать, предо мной вполне реально проплыли козлиные глаза Уильяма Виндзора – будто эффект в 3-д кинотеатре. Меня аж передернуло. Сердце мое забилося учащенно. С резким подъемом козлиные глаза испарились как мираж, но ощущение реальности этого видения слабей не стало. Я внимательно осмотрелся по сторонам, но ничего необычного не заметил.

– Привидится же такое, – сказал я, еще раз передернув всем телом.

По пути в ванную я попытался вспомнить вчерашний день, но кроме происшествия в метрополитене, точнее кошмарного сна, в чем теперь я был уверен на все 100%, в голову ничего не приходило. Ударив рукой по выключателю, я зашел в ванную, посмотрел на свое отражение в зеркале и испуганно отшатнулся. На меня смотрело бледное, слегка заросшее лицо с огромным бордово-синим кровоподтеком на лбу. От изумления я даже крикнул. И ровно в этот момент мой карман завибрировал (только сейчас я заметил, что был в джинсах), а в следующую секунду заиграла песня Гражданской обороны в исполнении Чижика «ходит дурачок по небу». Я вытащил телефон из кармана и посмотрел на экран. Номер был неизвестным, но цифры красноречиво говорили о зво-

нившим – +13 666 666 13 13. Какое-то время я смотрел на телефон и судорожно пытался найти в своем центре принятия решений ответ на великий русский вопрос – что делать? Игнорировать звонок нельзя, это было понятно, как аксиома, даже более понятно. Но снимать телефон уж больно не хотелось.

– Да? – прошептал я в микрофон аппарата, наконец, приняв волевое решение ответить на звонок.

По ту сторону трубки молчали, но я отчетливо слышал какое-то нервное дыхание. Затем раздалось знакомое неприятное хихиканье.

– Здорова, – наконец, весело сказал Гаврик, – Как голова?

– Значит не сон, – расстроился я, и после продолжительной паузы произнес – терпимо.

– Не переживай, Уильям, конечно, начальник суровый, но справедливый. К тому же по лбу от него получить – это все равно, что орден на грудь повесить. Понравился ты ему, чертяка. Далекое не каждому нашему сотруднику такое внимание оказывают. Так что не думай, что как-то нехорошо с тобой поступили. У нас тут несколько иные порядки. Ну, да ладно. Все со временем. А пока собирайся, работа не ждет.

– Какая работа? – прожевал я в трубку.

– Уильям берет тебя в один из ключевых отделов корпорации, – продолжил Степан.

– Послушай, Степан, я ничего не понимаю. Что вообще происходит? – негодовал я.

– Мойся, одевайся, и выходи. Есть не надо – поедем в ресторан. Там и введу тебя в курс дела. С этими словами Гаврик повесил трубку.

Конечно, вопросов у меня было масса. Но задавать их по телефону было бессмысленно. Практически ежедневно сталкиваясь со всякого рода моральными уродами высших рангов, увы, издержки профессии, я давно усвоил одну истину, правду-матку можно разглядеть только в глазах, хотя бывают и непроглядные подонки. Поэтому, засунув телефон обратно в карман, я принялся умываться, попутно думая о Степане Гаврике. Мой старый «друг» работал в украинском филиале «Коммерсанта», наверное, практически со дня открытия офиса в Киеве. Познакомился я с ним во время одного мероприятия, кажется, презентации 20-летней стратегии развития одной нефтегазовой компании, принадлежащей бывшему бандиту из Донецка. Хотя, вопрос – бывают ли бандиты

бывшими, в наши дни относятся к разряду волонтаристских. За большим, примерно пятиметровым прямоугольным столом сидела троица высшего менеджмента компании, поочередно рассказывая, как в ближней и дальней перспективе будет прекрасно развиваться газовая отрасль страны в целом, и их компания в частности. Гаврик с улыбкой слушал их, периодически отправляя себе в рот блины с красной икрой и вычурные конструкции из лосося, сыра, креветок и оливок, скрепленные деревянными зубочистками. Когда презентация закончилась я со сдвинутыми бровями вышел на балкон, чтобы перекурить. Меня давно воротило от подобных мероприятий, но игнорировать их возможности не было. Тогда я еще надеялся, что только пока. Вслед за мной вышел и Степан. Протянув руку, он представился. Я ответил ему рукопожатием, и мы разговорились о работе, газовом бизнесе и компании бывшего донецкого воротилы.

– Ты знаешь, когда компании начинают активно презентовать стратегии развития? – спросил он у меня, и, не дожидаясь ответа, продолжил, хихикая – когда в этот момент происходит покупка у государства перспективного актива за символическую по меркам реальной стоимости лота благодарностью продавцу.

– Тем более, когда запасы углеводородов этого актива позволят компании как минимум будущие 20 лет не думать

про объемы добычи, – добавил я, показывая свое понимание происходящих на рынке событий.

Вообще Гаврик был очень осведомленным журналистом. По количеству подтвержденных инсайдов он, пожалуй, входил в тройку лучших на рынке. И как выяснилось чуть позже, карьерный рост и брэндирование имени ему обеспечивало, скажем так, умение правильно пристроить пятую точку. Узнал я об этом совершенно случайно. После очередной пресс-конференции я вышел из гостиницы, где проходило мероприятие, и по пути к метро решил набрать выпускающего редактора. Но телефона ни в карманах, ни в сумке не оказалось. Я вспомнил, что перед конференцией положил мобильник на стол возле тарелки, на которой в виде фантастического цветка были выложены тонкие как бумага кусочки хамона, и спешно пошел обратно. В помещении, на первый взгляд, никого не было, но только я сделал несколько шагов, как увидел в конце зала темную фигуру. Присмотревшись, я разглядел довольно крупного мужчину, который был без трусов и словно в конвульсиях двигался взад и вперед, интенсивно дыша и сопя. А потом я услышал сбивающийся голос Гаврика: – Сте пан И ва но вич, точ но Най ман ста нет пред се да те лем со ве та ди рек то ров гос кор по ра ции «Газ им порт сбыт».

– Точно, точно, – отвечал на выдохе грубой мужской го-

лос.

Я на цыпочках подошел к столу, за которым сидел, взял свой телефон и тихо вышел из зала. Тогда я подумал, что в условиях целенаправленной евроинтеграции бывшей социалистической республики толкатели говна в обратном направлении являются некими маркерами – пионерами перемен, которые вскоре ожидают всю страну, которую международные финансовые институты и старшие товарищи брюссельского кольца уверенно ставят в нужную позу. А поскольку в органах власти и бизнесе таких евроинтеграторов становится все больше, наклон этот будет происходить все быстрее, а проникновение все глубже. Безусловно, я был не многим лучше Степана. Журналистика для меня, как и для него, не была ни призванием, ни гражданской позицией, ни даже крестом, который выпало нести по жизни. Просто Гаврик перешел ту грань, которая для меня была недопустима ввиду рабоче-духовного воспитания, даже с учетом невообразимых возможностей и доходов, которые давал такой подход к делу. За почти 10 лет в журналистике я перестал верить в созидательный эффект СМИ, в их пользу. Даже наоборот. Мое отношение к профессии стало скорее бездушным – это всего лишь способ заработка, как у кассира, забойщика скота или любого другого клерка. Хотя, наверное, даже хуже, поскольку ни кассир, ни забойщик не испражняется в головы своих клиентов. Честно говоря, журналистов,

верящих в профессию, и исповедующих эту веру искренне, наверное, нет вовсе. А если и есть, то это наивные глупцы, чей интеллект просто еще не переварил бульон реального положения дел. Но я таких не встречал, за исключением пары отъявленных лицемеров и негодяев. Конечно, всплески обиды за державу периодически случаются у всех. Но это такая форма бичевания, которая необходима для продолжения деятельности: когда тонешь в собственном говне, надо иногда делать рывок, чтобы не захлебнуться. Например, некоторые забойщики скота, оправдывая убийство коров, держат дома очень много животных, которых обхаживают, как королей. А многие журналисты, преимущественно под псевдонимами, ведут блоги, телеграм-каналы и пишут статьи о коррупции, чиновничьем беспределе, безнаказанности власть имущих и срывании рабских оков. Можно слукавить и оправдаться, что, мол, жизнь такая. Что вбиваемые со школьной парты и дальше по жизни лозунги о свободе и справедливости, сложно воспринимать всерьез, поскольку часто призывающие к совести, патриотизму и порядочности люди в реальности исповедуют совершенно противоположные ценности. Поэтому сопоставляя слова с делами возникает какое-то извращенное понимание реальности. Как говорил мой декан во время лекции о журналистской этике – не у каждого есть Maubach, но каждый готов в него сесть при малейшей возможности. Но скажем откровенно, мы идем по жизни как навозные жуки, бездумно и отрешенно катим впереди себя

свой говняный шар, и с каждым шагом он все больше и тяжелее. Заложенные в нас во времена ненавистной империи понятия долга, доброты, справедливости, силы закона с каждой прожитой секундой и приобретенным жизненным опытом замазываются новым слоем дерьма – другими абстрактными понятиями, которые современные теоретики объединили в один семантический узел – потребительский гламур. Об этом еще что-то Островский писал, как темный гламур поглощает светлый романтизм. Телефон стал вибрировать и гнусавый голос под ужасный звук гитары запел – ходит дурачок по небу, ищет дурачок глупее себя. Я снял трубку.

– Я под подъездом, выходи, – раздался знакомый лисий голос Гаврика, в этот раз звучащий с деловитой ноткой.

Я надел кроссовки, схватил куртку и вышел из квартиры. Еще в подъезде меня охватило странное ощущение, что я нахожусь в каком-то чужом месте, а не в своем родном парадном. С виду все было будто как всегда. Но сейчас почему-то в глаза бросались обшарпанные, исписанные стены, покореженные перила, разбитые в рамках стекла. От мусоропровода не то, чтобы воняло – истошный запах затруднял дыхание. Пол был залит водой, а от сырости и холода костенели пальцы рук, меня стала пробирать дрожь. Открыв двери подъезда и увидев, что за ними, мне захотелось со всего духу рвануть обратно в квартиру и завалить вход шкафом, стульями,

в общем всей находящейся в квартире мебелью. Прямо напротив подъезда стоял огромного роста человек в стальных пластинчатых латах поверх красной туники и шлеме с поперечным гребнем, такие, кажется, носили римские офицеры – центурионы, и метровых силиконовым фалоиммитатором, покрытым венами, избивал, точнее, забивал какого-то уже бездыханного голого мужика. Справа от него двое легионеров в шлемах без гребней и более простых доспехах – кольчужных рубашках истязали другого обнаженного бедолагу: один заломил ему за спиной руки, другой заталкивал в глотку толстый силиконовый член. Подобный картины можно было наблюдать по всему двору. Но почему-то больше всего меня шокировала сцена возле второго парадного – там один легионер вытер свой еще эрегированный член тряпкой, расправил кольчужную рубаху и толкнул ногой в задницу свою жертву, которая от удара приложилась лицом об асфальт. Слева в одной куче лежали голые мужики – кто без сознания, кто еле слышно стонал. У всех из задниц торчали силиконовые члены. Больше я не успел ничего увидеть, потому что глаза мои автоматически сомкнулись. Затем я услышал звук клаксона автомобиля и знакомый голос: – Вадатурский, я здесь. Я открыл глаза и за громилой в латах увидел черный mercedes премиум-класса с синей мигалкой на крыше. Из заднего окна автомобиля выглядывала золотая маска, как мне показалось, с небольшими прорезями для глаз и без черт лица.

– Чего ждем? – спросил Гаврик, и маска слегка пошевелилась.

Я старался не смотреть на легионеров, а главное их работу, и быстрым шагом пошел к машине. Я попытался обойти громилу-центуриона как можно дальше стороной, но он, заметив меня, преградил путь искусственным фаллосом и сказал басистым голосом бандитского бригадира или средневекового инквизитора: – стоять, грешник.

Я остановился и сглотнул.

– Служивый, это наш человек, – крикнул Степан, после чего машина проревела спецсигналом.

Центурион посмотрел в сторону автомобиля, и медленно убрал член. После того как я прошел, он опять принялся бить свою жертву. Обойдя автомобиль, я сел возле Гаврика. В этот раз он не был в своем дурацком спортивном костюме. На нем был широкополый красный плащ с золотым подбоем и капюшоном, закрывающим верхнюю часть головы. Новая маска была без рукояти и, видимо, как-то крепилась на затылке. Она действительно была без черт лица с миндалевидными разрезами для глаз. Гаврик посмотрел на меня очень внимательно – как лейтенант спецслужбы на только что за-

вербованного молодого учителя истории, и с умным видом, но явно с претензией на шутку сказал: – Район у тебя, конечно, не ахти. Грязь, вонь, гопота. После чего рассмеялся.

Я все еще не мог прийти в себя и путался в мыслях.

– Кто это были? – само собой вырвалось из меня, когда машина тронулась.

– Ты о тех, кто с мечом или на щите? – расхохотался Гаврик, – Орлы – это бойцы XI легиона, который когда-то растворился в южных широтах самой северной империи... Не парься, Глеб, у них своя работа, у нас – своя. Поехали.

По пути в ресторан мы больше не говорили. Я периодически пытался смотреть в окно, но мир по ту сторону автомобиля не способствовал созерцанию – дождь поливал серые панельные дома, машины в пробках коптили воздух, вдоль набережной манипула легионеров с красными щитами вела куда-то каких-то женщин, как мне показалось, в металлических рубахах и с защитными ртами. Поэтому большую часть пути я сидел, уткнувшись в пол, и думал о том, зачем я понадобился Уильяму Виндзору. Другие вопросы в тот момент мне казались неважными. Мы остановились возле ресторана «Желтое море» на Шота Руставели. Выйдя из машины, только теперь я заметил, что на улице было довольно темно,

как во время сумерек, и невероятно холодно. Меня сильно знобило, аж сводило зубы. Я осмотрелся по сторонам. Справа в нескольких метрах от нас вокруг костра сидели шестеро легионеров, кажется, на щитах, и что-то тихо обсуждали. Перед рестораном стояли несколько очень дорогих машин с синими мигалками на крышах и две колесницы, запряженные четверкой лошадей каждая. Слева – никого не было видно, зато тихо, но отчетливо доносились вызывающие мороз на коже всхлипывания, стоны и хрипы. Обойдя машину, Степан открыл переднюю пассажирскую дверь, взял с сиденья пакет, на котором было написано «Ни Прадом единым... подпись – Луис Вуитон», шепнул что-то водителю, за всю дорогу я так и не посмотрел на него, опасаясь увидеть очередного неприятного субъекта, и подошел ко мне.

– Это твоя униформа, – сказал он, протягивая пакет.

Презент оказался довольно тяжелым, словно там были гантели, а не одежда. Хотя если предположить, что там были латы, тяжесть объяснялась. От этой мысли мне стало не по себе. Я на секунду представил себя легионером, избивающим огромным членом какого-то человека, от чего меня стало тошнить. Когда мы подходили к входу в ресторан, нам на встречу вышел тучный швейцар в японском или псевдояпонском бело-желтом кимоно и с чрезмерно низким поклонном придержал дверь в открытом положении. Гаврик про-

тянул ему какую-то банкноту, если не ошибаюсь 100 долларов. Тот принял ее с выражением неопишемого счастья, поклонился и сказал: аригато с ярким украинским «гээ». Когда мы зашли, швейцар присел на корточки, достал из кармана зажигалку, поджег банкноту, кинул ее на землю и стал жадно вдыхать продукты горения. Это действие я наблюдал через стеклянную входную дверь ресторана и от удивления открыл рот. Я себе даже представить не мог такого отношения к валюте, учитывая нынешний курс. Внутри ресторана сразу возле двери нас встретила очень красивая молодая девушка-администратор, на которой из одежды были только чулки, которые крепились к тонкой резинке, опоясывающей талию, и туфли с огромными – сантиметров 20 шпильками. Я немного смутился от вида голой девушки. Она же улыбнулась и спросила: вам какой зал – курящий или курящий-курящий?

– Любой, – безразлично ответил Гаврик. Девушка развернулась, и мы пошли следом за ней. Вероятней всего, мы зашли в зал, который считался курящим-курящим. Там был настолько густой дым, что разглядеть что-то перед собой можно было не более чем на расстоянии вытянутой руки. Я шел за Гавриком, точнее за чернотой его спины, и наткнулся на какой-то стол. Послушался звон стекла, после чего проникновенный тяжелый мужской голос сказал: Блядь. В следующий момент меня за горло схватила мощная рука, ноги

мои оторвались от земли, и я стал подниматься вверх, словно Дэвид Коперфильд, показывающий зрителям трюк левитации. В дыму я разглядел занесшийся надо мной кулак.

– Поставь на место бафометова клерка, – раздался угрожающий голос Гаврика.

– Где атрибуты? – ответил голос из дыма.

– Повторять не буду, – повысил голос Степ.

Человек повиновался. Через несколько метров меня снова кто-то схватил за руку. К счастью, в этот раз это был Гаврик.

– Садись, пришли уже? – сказал он.

Я нащупал довольно низкий стул и сел. Гаврик откинул капюшон, снял свою маску и положил ее на край стола. Она действительно крепилась к затылку широким кожаным ремнем. Затем он чем-то зашуршал, чиркнул зажигалкой, затянулся и выпустил струйку дыма, которая разрешила плавно перемещающиеся по помещению серо-молочные массы белым шлейфом и растворилась вблизи моего лица. Я прошупал свои карманы, но сигарет в них не оказалось. От избытка впечатлений я как-то забыл, что бросил курить около восьми месяцев тому. Но что-то в глубине души говорило мне, что

в отказе от сигарет теперь нет никакого смысла. И дело было вовсе не в переполненном табачным дымом помещении.

– Степан, угости сигаретой, – попросил я.

Из дыма вынырнула рука с портсигаром, на котором была изображена голова мопса, и зажигалкой. Я вытянул сигарету, немного покрутил ее в руках, а затем быстро вставил в рот, подкурил и глубоко затянулся. В голове приятно закружилось. Как давно мне хотелось это сделать, но желание быть здоровым и счастливым, как в социальной рекламе на развороте журнала Men's Health, где красивый парень с белоснежными зубами, обнимая ожившую куклу барби, радостно отвечает уродливому, сутулому, неопрятному и явно неуспешному молодому человеку: «не курю», останавливало меня.

– Если бы еще и пару рюмок дернуть, может, и жизнь бы наладилась, – подумал я, вспомнив старый анекдот.

К нашему столику кто-то подошел. Я с трудом разглядел девушку с книжками меню. Одну она протянула мне, другую Степану.

– Девушка, не отходите, мы сразу закажем, – сказал Гаврик, после чего обратился ко мне – доверься мне, я сделаю правильный заказ.

Быстро отыскав страницу с ролами, Гаврик стал выбирать блюда: нам, значит, два черных дракона, два зеленых дракона, два красных дракона, два желтых дракона, и... ты десерт будешь? – поинтересовался он у меня. Я угукнул в ответ.

– И два тирамису. Все, – закончил он, громко захлопнув меню.

Только тогда я заметил, что обложку книжки, которая была сделана то ли из кожи, то ли из качественного дерматина, украшало тиснение в виде головы козла, явно срисованное с Уильяма Виндзора.

– Почему меню украшает эта картинка? – спросил я у Гаврика.

– У этого ресторана, как, впрочем, и у многих других, подписано соглашение о партнерстве с чешским пивзаводом «Великопузовицкий козел». Они им пиво поставляют по бросовой цене, а они их бренд продвигают, – ответил он.

Я ухмыльнулся. Девушка забрала у нас книжки, и удалилась. Гаврик придвинулся ко мне, затянулся и пустил очередную струйку дыма: – Ну, давай, не тяни kota за хвост, спрашивай, что тебя интересует.

– Только познакомились, и сразу под юбку, – подумал я, – ну что ж, без предварительных ласк, так без ласк.

Я крепко затянулся и спросил: – где я?

– В ресторане «Желтое море», – ответил он, ехидно сощурив глаза и искривив рот в улыбке.

– Это не Киев, точнее не тот Киев, который я знал, – продолжил я.

– Да, брат, Киев изменился. С одной стороны – в худшую сторону, с другой – в лучшую. Последний вариант выберут люди с галицким акцентом, – улыбка на лице Гаврика расплзлась еще шире, – а что ты хотел – революционные перемены приводят к изменению всех сфер жизнедеятельности.

– Все это похоже на какой-то дурной сон, который почему-то не заканчивается, – продолжил я.

В этот момент к нашему столу кто-то подошел, отодвинул стул и присел.

– Такова теперь твоя реальность. Можно сказать, что раньше ты жил в матрице, а теперь увидел жизнь, или наоборот.

рот, – сказал приятный женский голос.

Я попытался рассмотреть лицо хозяйки голоса, но она сидела на таком расстоянии, что густой дым позволял лишь тайком уловить невзрачные контуры человека.

– Чтобы максимально упростить наше общение и дальнейшую работу, буду пытаться объяснять тебе все происходящее обычными словами, точнее метафорами и аллегориями. Это поможет тебе хоть немного уловить общий смысл, – продолжила девушка, – Мы называем все это Кузней. Только прошу тебя, не надо искать в этом слове намек, или даже прямые отсылки на мифы, легенды, сказания и прочую древнюю и эзотерическую ерунду. Добротная средневековая Кузня, особенно в картинах Босха – с жуткими инструментами, печью, жаром, звоном металла, может создать определенные аллюзии на это место, но это равноценно тому, что заявить, будто все украинские политико-экономические журналисты являются геями. Конечно, определенные точки соприкосновения между этими сообществами найти можно, в этот момент Гаврик кашлянул, и среди работников медиа немало гомосексуалистов, но все же их внутренние стержни, в принципе, сравнивать некорректно, поскольку они преследуют различные цели. Одни толкают говно в партнера, другие – в мозги читателя, что куда отвратительнее.

– Знакомься, Вадатурский, это твоя новая коллега по цеху, глава управления анализа трендов Ольга Штерн, – сказал Степан.

Из дыма в моем направлении вынырнула женская рука с большим золотым кольцом в виде козлиной головы с горящими красными рубинами глазами. Я вначале растерялся, не знал, как поступить: поцеловать руку или пожать. Решил все же пожать.

– Очень приятно, – сказала Ольга, и ее рука исчезла в дыму.

– Так вот, – продолжила она, – корректнее всего сравнивать Кузню с крупным мегаполисом или вертикально-интегрированным промышленным холдингом, скажем, металлургической, энергетической или автомобильной корпорацией. Здесь есть свои площадки, интеллектуальный центр, маркетинговый отдел, служба охраны, прочие структуры и сопутствующая социальная инфраструктура.

– Правда, без профсоюзов, – хихикнул Гаврик.

В этот момент к нашему столику подошла официантка с подносом и стала выкладывать на стол наш заказ. Вначале девушка положила передо мной и Гавриком свернутое в ци-

линдр теплое полотенце на бамбуковой подставке. Степан сразу же взял его и принялся вытирать руки. Я поступил аналогично. Затем на столе проявились блюда. На белых фарфоровых тарелках лежали фигурки оригами – драконы, которые были сделаны из основных мировых валют. Черные драконы были сделаны из долларов и иен, зеленые – из франков и евро, красные – из юаней, зеленые из фунтов, долларов и иен, желтые – просто из евро. Хотя я бы назвал их скорее оранжевыми. Вместо аппетита эти блюда вызвали у меня озадаченность. Затем девушка положила передо мной чугунную сковородку без ручки и небольшую горелку, которая работала на каком-то жидком топливе.

– Ольга, поделиться с тобой, мы что-то много набрали, – сказал Гаврик.

– Не откажусь, – ответила она, и Степан попросил официантку принести еще один комплект приборов, то есть сковороду и горелку.

– И как с этим обходиться? – поинтересовался я.

– Просто, бери да жуй, – пошутил в очередной раз Гаврик.

– Какое-то время ты будешь проходить адаптацию, точнее акклиматизацию на Кузне, но вскоре этот ритуал станет

для тебя естественной и обычной практикой. Более того, без него ты едва протянешь здесь и день – станешь замерзать, теряться в мыслях – пока окончательно не потеряешь себя и растворись в глубинах этого мегаполиса, – сказала Ольга.

– Того гляди, и легионерыогреют по спине фаллосом, не узнав бафометова клерка – захихикал Степан.

После этих слов я заметил, что уже настолько замерз, что от холода меня трясет.

– Я тебе покажу, что нужно делать, – продолжила Ольга.

Она подтянула к себе тарелку с красным драконом, поднесла к его голове горящую лампу и в секунду фигурка загорелась ярким пламенем. От резкой вспышки света на какое-то время стало видно ее лицо. Большие красивые глаза, длинные непонятного из-за густого дыма цвета волосы, пухлая нижняя губа, небольшой тонкой нос, совсем едва вздернутый вверх, тонкий длинный шрам на половину левой щеки. Она поднесла к фигурке руки, наклонила голову и сделала короткий вдох, подобно тому, как героиня Умы Турман в фильме «Криминальное чтиво» втягивала в себя белый порошок через свернутую купюру. Мне даже показалось, что от дракона оторвался огонь и перелетел в нее. В следующий момент за нашим столом снова стало сумеречно.

– Попробуй, – сказала она.

Я поджег своего дракона. Бумага вспыхнула, и оригами стало быстро превращаться в пепел, попутно создавая тянущиеся вверх струйки дыма.

– Вдыхай, – призывала Ольга.

Я сделал небольшой вдох, который в секунду согрел меня. Затем еще один – более глубокий, после чего мне стало совсем тепло и хорошо.

– А теперь сосредоточимся на важном, – продолжила Ольга, – у Кузни по всему миру очень много филиалов, мы находимся в одном из них, в каждом из которых заправляет свое отделение корпорации «АйДи». Это от английского ID. Если сказать совсем просто: ID – это цифровой отпечаток конкретного пользователя, идентификатор, цифровое ДНК человека. В этом заложена философия бренда – нам важен каждый пользователь или человек. Вернее, клиентом нашей корпорации должен стать абсолютно каждый человек. Перед тем как объяснить тебя, чем занимается наша компания, нужно рассказать о конкурирующей фирме, которую мы называем Генсвет – полное название ЗАО «Генератор Света». Сегодня мы занимаем доминирующее положение на рынке,

но так было не всегда – и наш главный конкурент, вышеупомянутое ЗАО, хоть и сдает позиции, но все еще может нанести нам существенные потери, не дать нам достичь целевых показателей по итогам отчетного периода.

После небольшой паузы она продолжила, – Глеб, ты знаешь, что такое частица Бога?

– Читал, что так ученые называют элементарную частицу, существование которой открыли при помощи Большого адронного коллайдера. Бозон Хиггса, кажется. Это что-то из дебрей квантовой механики и тайн существования вселенной.

– То, о чем ты говоришь, не более чем специфическая шутка, которую могут понять только физики-теоретики, – сказала Ольга, – Мы же говорим о вещах серьезных и даже эзотерических. Вопрос этот сложный и необъяснимый. Все обстоит не так, как я скажу, но для выполнения должностных обязанностей сказанного будет достаточно. Итак, частица Бога – это внутренний источник света в каждом думающем существе. Этот источник света автоматически направлен на создателя и служит источником его существования. То есть, пока свет на него направлен, он существует, и наоборот, пока он существует, в думающем существе горит частица Бога. Пока понятно?

– Не совсем, – ответил я.

– Представь, что ты обычный металлический фонарик, который светит, скажем, в стену, – продолжила Ольга, – фонарик может светить в любую сторону, но он направляет луч именно в сторону стены.

– Почему? – поинтересовался я.

– Скажем так, такую программу в него заложил производитель. Если выключить фонарик, потухнет свет и стена погрузится во мрак, то есть ее не станет.

– Почему ее не станет. Она просто станет неосвещенная. Если включить фонарик, мы же снова ее увидим, – парировал я.

– Все верно. Но если мы направим луч света в другую сторону? – спросила Ольга.

– Мы осветим что-то другое, например, стол, тумбочку, другую стену, – ответил я.

– Точно. А что будет с первой стеной? – продолжила она.

– Она останется во мраке, – ответил я.

– Хорошо, а откуда ты знаешь, что она останется во мраке? – вела меня Ольга.

– Потому что я помню, что светил на нее. Кроме того, ее существование можно доказать, направив туда луч света? – сказал я.

– Ну, память не самая надежная штука. А касательно – направить туда свет. Наша работа как раз заключается в том, чтобы свет туда больше не попадал, – пояснила Ольга.

– Но от того, что мы перестанем светить на стену, законы физики же не поменяются, она же не исчезнет, – не унимался я.

– Откуда ты это знаешь? – спросила она.

Я хотел было сказать, что это легко проверить, направив туда луч света, но осекся, вспомнив предыдущий ответ. Получалось, что без луча света стена канет в небытие, перестанет существовать. При этом при наведении на нее фонарика, она возникала опять.

– Хорошо, – продолжил рассуждать я, – пока свет направ-

лен на стену, она существует. Направить луч в другую сторону, она исчезает. Но перед этим ты утверждала, что пока свет направлен на создателя, он существует, и наоборот, пока он существует, в думающем существе горит частица Бога. Получается, что, когда мы поворачиваем фонарик в другую сторону, значит в нем исчезает частица Бога.

– Смышленный мальчик, – отозвался Гаврик, который во время моего разговора с Ольгой, успешно сжигал своих драконов.

– Все верно – подтвердила Ольга.

– Что же остается в фонарике без частицы Бога? – поинтересовался я.

– Это и есть самый главный вопрос, – хихикнул Гаврик.

Эту фразу он сказал чуть медленнее, чем говорил обычно, делая акцент на каждом слове, от чего мне прочему-то стало не по себе.

– Свято место пусто не бывает, – сказала Ольга, – поэтому, когда фонарик перестает светить на стену, в нем зарождается или возникает другая частица. В этом и заключается наша работа – заменить частицу света в фонарике. И главная наша

цель – сделать это в абсолютно всех фонариках.

– Что это за частица? – спросил я.

– По сути это та же частица Бога, но с противоположным значением. Для человека в принципе нет никакой разницы, какая частица в нем горит. Это никак не влияет на его функциональные особенности, – объяснила собеседница.

– В чем тогда смысл? – поинтересовался я.

– Смысл в том, что если в человеке горит частица ЗАО «Генератор света», то растет доходная база этой компании, если горит наша – прибыль получаем мы. Просто бизнес, ничего более, – сказала Ольга.

– Хорошо, – сказал я, – с этим понятно. Как конкретно происходит замена частиц?

Ольга подтянула к себе еще одного бумажного дракона и повторила церемонию, после чего сказала: – за всю историю существования человечества было придумано много способов заменять частицы в людях – извращения, пытки, убийства, изнасилования и так далее, но реального успеха мы добились только в XX веке – за счет СМИ, рекламы, маркетинга, товарной революции и технического прогресса, но глав-

ное – благодаря Интернету и, прежде всего, социальным сетям. Ты никогда не задумывался, что с каждым годом люди все больше смотрят не вдаль, а в голубой экран в своей ладошке или на своем столе. В этом и заключается наша задача, чтобы глаза потребителей все меньше отрывались от этих мониторчиков.

Для меня эти слова не стали неожиданностью или новостью, но отчего-то волосы у меня на голове приподнялись.

– На этом пока все, – продолжила Ольга, – конкретные задачи тебе объяснит начальник департамент антиконтента Владимир Семенович.

Я хотел было спросить, что со мной будет, если я откажусь работать на корпорацию «АйДи», но подумал, что утренняя картина была показана мне неспроста.

– Посмотрим, что за работа, – сказал я себе, – проблемы надо решать по мере их поступления.

К столу вновь подошла официантка, которая, положив передо мной очередные origami из банкнот, произнесла: – ваше тирамису.

Но вдыхать просаленные иностранные купюры мне боль-

ше не хотелось, поэтому я проигнорировал заказ.

– Будем собираться, – сказал Гаврик, и обратился непосредственно ко мне, – пойди пока переоденься, согласно нашему дресс-коду. Все необходимое в пакете.

Официант провела меня в отдельный кабинет, где я достал из пакета свою новую униформу. Спортивный костюм с эмблемой «Динамо» на груди оказался мне впору – сидел как влитой. Правда к советской легкой промышленности он не имел никакого отношения, на этикетке красовался логотип известного французского брэнда. Кроссовки adidas слегка давили, а берет десантника почему-то оказался на пару размеров больше, поэтому смотрелся на мне как медузообразный абажур. Впрочем, этот атрибут был необязателен, и, как выяснилось, клерки его фактически не носили. Масок в пакете оказалось четыре, которые выражали основные человеческие эмоции – радость, печаль, безразличие и злобу. Рукоятки всех масок заканчивались литыми головами разных животных. Эмоция радости или веселья заканчивалась головой мопса, печали – кота, безразличия – барана, злобы – козла. Я взял в руку третий вариант лица и направился к новым коллегам. За столом оставался только Гаврик. Перед уходом он кинул на стол одну небольшую золотую монету и пару долларовых купюр.

Бард

Машина привезла нас к офисному центру «Парус» – гигантскому небоскребу, построенному в центре города совсем недавно.

– Подожди пока здесь, – сказал Гаврик, – схожу за твоим пропуском.

Из машины я пока решил не выходить. За окном лил дождь, повсюду сновали люди в спортивных костюмах и масках на лицах, иногда пробегали обнаженные девушки. Перед главным входом в здание стояли мужчины в строгих костюмах, лица которых не скрывали маски, от чего у меня на мгновение создалось впечатление нормальности происходящего: будто это обычный офисный центр с обычными людьми и обычными порядками. Но возле автомобиля прошел очередной клерк в злобной маске, и ощущение нормальности в секунду испарилось. С правой стороны от входа я увидел большой стенд, сверху которого красовалась надпись: «Гордость корпорации «АйДи»». На самом стенде были напечатаны фотографии каких-то людей, но рассмотреть их с такого расстояния было сложно, поэтому я решил все же выйти в мир, предварительно приставив к лицу маску с гримасой безразличия. Мужчины на стенде были одеты во все те же спортивные костюмы, правда, лица их не скры-

вались под масками, а девушки были в каких-то платьях, напоминающих школьную форму времен Советского Союза, кроме того – в их волосы были вплетены белые банты. Мысленно я произнес – дресс-код. Под портретами размещались их имена и фамилии, должности и структуры, к которым они относились. Особенно мне понравились названия – Отдел TikTok Управления социальных сетей, а также Отдел зоофилии Управления нетрадиционной порнографии Департамента плотских утех и извращений. Я вглядывался в лица ударников айдишного труда, и, вдруг, наткнулся на знакомую физиономию. Это был парень около 30 лет с еврейскими чертами лица – выпученными глазами, черными кучерявыми волосами, пухлыми губами и носом с небольшой горбинкой. Но самой выразительной его чертой был лоб – низкий и скошенный, как у первобытных людей из школьного учебника по биологии. Под фотографией была подпись – Игор Гошовский – начальник отдела пятых колонн Управления внутреннего врага.

– Где же я с ним пересекался? – стал вспоминать я.

– Мальчик понравился? – раздался женский голос у меня за спиной, и я резко обернулся.

Передо мной стояла девушка в школьной коричневой форме, белом фартуке, а ее голову украшали белые банты.

Все как на плакате. Но вот нижняя часть ее гардероба не имела никакого отношения к детской невинности. На девушке были чулки с черными стрелками по центру ноги и в тон лакированные темные туфли на каблуках сантиметров 15, а то и все 20. Ее лицо закрывала маска с улыбающимся лицом. Во всем ее виде был настолько сильный и явный сексуальный подтекст, что я даже сглотнул, как одинокий самец, давным-давно изголодавшийся по самке, что, впрочем, было правдой.

– Простите, что вы сказали? – спросил я, хотя прекрасно слышал ее вопрос.

Вид девушки произвел на меня сильное впечатление, и она эта поняла.

– Я спрашиваю, мальчик понравился? Вон тот – Игорь Гошовский. Могу познакомить, – скала она, свободной рукой показывая на фотографию, которую я рассматривал.

– Мальчики меня интересуют разве что в качестве партнеров по потреблению горячительных напитков, – попытался пошутить я, но получилось это явно примитивно и даже вульгарно. Я мысленно пнул себя коленом под зад и продолжил: – просто лицо его мне откуда-то знакомо.

– Я даже знаю – откуда, – сказала девушка, и коротко рассмеялась.

Я внимательно всматривался в ее глаза, которые были хорошо видны в прорези маски. Они были очень большие, удивительного бирюзово-голубого цвета.

– Откуда? – спросил я.

– Это один из наших самых успешных экспертов националистического толка. На его страницы в социальных сетях подписаны несколько десятков тысяч человек, что для данного сегмента очень высокий показатель, – ответила она, – увы, пока на большие показатели нацпатриоты выйти не могут.

И тут меня осенило: – Точно. Гошовский. Fistingbook – в сокращенном варианте Fbook. Это же тот имбецил, который размазывает на просторах сети идеи восстановления Речи Посполитой, жидо-москальских заговоров против Украины и отстаивания идей национального превосходства титульной нации над представителями национальных меньшинств нашей страны – в первую очередь москалей и жидов. И еще немало постов он уделял продвинутости бывшего польско-австрийского града Лемберга – именно так он писал название Львова, и отсталости во всех отношениях До-

нецка и его жителей. Хотя, все киевляне, которым пришлось пожить в западных регионах страны больше трех месяцев (туристические поездки абсолютно непрезентативные), прекрасно осведомлены о духовном и интеллектуальном богатстве галычан, которое держится на четырех столпах: показательной набожности, безграничной зависти, безосновательной важности и глубоком невежестве, которые сверху приправлены верой в арийскую уникальность. У меня время от времени чесались пальцы рук написать комментарий под его записями, но, к счастью, я умел вовремя остановиться. Мой школьный преподаватель по зарубежной литературе об этом говорил так: «никогда не вступай в спор на темы, которые касаются истории, языка и абстрактных понятий. Это слишком интимно. А спорить с дураком, значит поставить между тобой и ним знак равенства». Хотя мне ближе слова героя одного фильма про особенности постсоветской реальности на руинах республик свободных, который рекомендовал одному малоприятному персонажу фильтровать слова, поскольку его не только идиоты слушают, но еще и толковые люди.

– Почему к Владимиру Семеновичу не идешь? – поинтересовалась моя собеседница.

И тут я понял, что передо мной стоит Ольга Штерн, которая провела для меня вступительный ликбез Кузни и корпорации «АйДи» в ресторане «Желтое море». Почему-то в та-

бачном смоге я не предал должного значения ее внешности, хотя с учетом обстоятельств всего происходящего это неудивительно. Ее физиологические данные были выше всяких похвал. И мне чертовски захотелось еще раз увидеть ее лицо, внимательно рассмотреть все ее черты, вплоть до самого маленького изгиба. Она почувствовала это и как бы невзначай неспешно сменила улыбающуюся маску на накладку с видом безразличия. Я мельком уловил невероятно красивые глаза, пухлые, особенно нижняя, губы, тонкий едва вздернутый нос, рыжие с гранатовым оттенком распущенные волосы, и шрам на левой щеке, который только подчеркивал и усиливал ее привлекательность. При этом красота была ее такой, по крайней мере, мне так хотелось думать, что распознать ее могу только я один. На улицах иногда можно встретить пары, которые визуально очень похожи друг на друга, можно даже подумать, что это идет брат и сестра. Но когда вдруг пара останавливается и сливается в долгим поцелуе, ты понимаешь, что это не кровные родственники. Это просто две половинки единого целого, которым посчастливилось в жизни найти друг друга. Именно такой, как мне казалась, была Ольга. Я был уверен, что ее лицо сильно напоминало мое. Моя нижняя губа была пухлее верхней, примерно такой же овал лица, у меня также был шрам, который я получил во время уличной драки, правда, на подбородке. Конечно, в частности наши черты отличались, но, в общем, мы были осколками одного камня, в которых читался единый замы-

сел творца – просто я был выполнен в более грубой мужской форме, в ней же было убрано все тяжелое и звериное. Не знаю, поему я стал думать об этом. Возможно, я придумал нашу схожесть, поддавшись женским чарам, но, черт возьми, это было так. Я знал это на каком-то непостижимом уму уровне, который, вдруг, открылся моему пониманию и показал сокрытую в глубине истину.

– Что завис? – спросила Ольга, прервав мои размышления.

– Жду, когда Степан принесет удостоверение, – не сразу вспомнив предмет нашего диалога, ответил я.

– Ну, тогда удачи на встрече, – сказала она, и уверенно зашагала в сторону небоскреба.

Я смотрел ей в сторону, и по-прежнему поражался ее красоте, грации, стройности тела и длине ног.

– Не твоего уровня дама, – раздался голос Гаврика, – хотя, конечно, смотреть никто не запрещает.

Ухмылка на его лице вызвала у меня чувство отвращения.

– Вот твой пропуск, – сказал он, протягивая мне неболь-

шую кожаную книжечку, похожую на удостоверение сотрудника правоохранительных органов.

Обложку книжечки украшала тисненая голова козла в позолоте, которая была похожа или даже такая же как на обложке меню ресторана, в котором сегодня мы жгли драконов. Естественно, меня это не удивило.

– Корпорация «АйДи» также заключила контракт с «Великожоповицким козлом»? – съязвил я.

– А что поделать, продукт продвигается абсолютно во всех сегментах, – захихикал Гаврик.

Мне захотелось дать ему в нос.

Раскрыв удостоверение, я увидел фотографию человека в маске с унылым выражением лица. В документе было указано мое имя и фамилия, структурное подразделение корпорации – департамент антиконтента, а также красовалась печать все с тем же талисманом пивного бренда.

– Такие же фотографии в удостоверения у всех клерков Бафомета? – спросил я.

Гаврик кивнул головой и добавил: – это символизируется

общность и единство компании. Все мы служим одному делу и одному боссу, а значит, все мы одинаковы. Пошли, представлю тебя начальству. Работы невпроворот.

Пройдя центральный портал «Паруса», мы подошли к турникетам. Гаврик показал мне, как пользоваться пропуском. Было достаточно приложить удостоверение к специальной выемке на турникете и металлические планки пропускали тебя внутрь – к площадке с лифтами. Зайдя в свободную кабинку лифта, я оказался возле кнопок с указанием этажей. Я спросил у Степана, на какой этаж ехать, но тут завис: все кнопки лифта, точнее, почти все, были с номером 13. Но, присмотревшись, я понял, как работники корпорации попадали на нужный этаж. За цифрой этажа в скобках были написаны латинские буквы, располагавшиеся в алфавитном порядке. Чтобы попасть на 2-ой этаж нужно нажать кнопку 13 (B), чтобы на 20 этаж кнопку 13 (T). Но в здании всего было 34 этажа, а в латинском алфавите всего 26 букв. Проблема эта была решена так: последние восемь этажей обозначались цифрой 666, а в скобках, по аналогии с 13-ми этажами, были написаны латинские буквы в алфавитном порядке – от A до H. Если надо было ехать на 33 этаж, нужно нажать кнопку 666 (F). Ну и так далее.

– Чего ждем, поехали, – нетерпеливо сказал Гаврик, пока я вникал в особенности управления лифтом.

– Какой этаж? – спросил я.

– Я уже говорил. Тринадцатый, – сказал он и ехидно захихикал, затем все же добавил – буква G.

Я нажал кнопку, и лифт понесся вверх. Мы остановились на нужном этаже, раздался звук, напоминающий звон сувенирного тибетского колокольчика – подобные сегодня продаются почти в любой барахольной лавке, и двери раскрылись. Выйдя в коридор, я увидел нечто подобное инсталляции в галерее современного искусства. В центре помещения перед лифтами стоял кабриолет BMW Z4 Roadster, за рулем которого сидел нереально толстый православный священник – это было понятно по кресту на его шее. Предположительно, фигура была сделана из воска. На пассажирском кресле развалился Рональдо Макдолини – главный символ виновного в тотальном ожирении населения бренда. На его груди был нанесен логотип в виде горящей пламенем литеры M. Клоун сидел не прямо, а немного развернувшись к батюшке. В зубах священника была зажата сигарета, левая рука попа лежала на руле, правая – на коленке Рональдо. Лицо Макдолини расплывалось в улыбке, наверное, он был рад такому вниманию со стороны священника. Хотя, скорее он радовался не этому – правая рука Рональдо уходила под ряску батюшке – прямо к причинному месту. Я сразу догадался, кло-

ун крепко держал пастыря за яйца. На пассажирской двери кабриолета была сделана надпись: Гамбургеры, не освященные православной церковью, являются не богоугодными. На капоте был нарисован большой логотип фастфуда, который больше напоминал рога, чем букву М. При этом левый холмик буквы украшал православный крест. Под логотипом были сделаны две надписи. Первая: Иисус любит это. Вторая чуть пониже и мелким шрифтом: все рестораны Макдолини в странах СНГ освящены православной церковью. Вход в офис представлял собой портал, сделанный из какого-то породистого дерева, может даже дуба, с большой и явно тяжелой дверью. Над входом была искусно вырезана надпись: Департамент Антиконтента. Под ней размещался слоган – Гвардия вроде как умирает, но все же продается... Sale. Гаврик приложил свое удостоверение к небольшой металлической коробочке возле двери, раздался щелчок замка, и врата раскрылись. Мы зашли внутрь. Сразу за дверью находился стол, напоминающий дот времен последней мировой войны, за которым сидела девушка во все той же школьной форме и бантах, но маски на ее лице не было.

– Здравствуйте, – сказала она, улыбаясь.

– Владимир Семенович на месте? – спросил Степан.

– Да, он ждет вас, проходите, – ответила девушка.

Гаврик повернул направо и пошел по коридору. Я следовал за ним. Мы прошли большую комнату, в которой за полутораметровыми перегородками сидело, по меньшей мере, двадцать клерков, и уткнулись в дверь с надписью Глава Департамента Антиконтента и две заглавные буквы – ВВ. Степан постучал по двери, но, не дожидаясь приглашения, нажал на ручку. Мы зашли внутрь. За огромным столом никого не было, но внезапно из-за офисного шкафа выскочил человек. От неожиданности меня передернуло. Выглядел он довольно необычно. Хотя, повторяю, употреблять подобные слова в контексте происходящего не совсем корректно. Наверное, для корпорации «АйДи» он выглядел обыденно. Человек был голый, если не считать фиговый листок, который скрывал его гениталии. На лице его была маска, но не такая, какую носили обычные клерки, а с чертами лица конкретного человека, я сразу не понял какого. При этом маска его была без держателя, а крепилась на голове специальными защелками, а не ремнем, как маска без черт лица Степана Гаврика. В руках мужчина держал гитару. Сразу после прыжка, он стал играть и петь довольно знакомым грубым, низким и хриплым голосом:

– Дамы, господа, – других не вижу здесь,
Блеск, изыск и общество прелестны!
Сотвори, Господь, хоть пятьдесят Одесс, -
Все равно в Одессе будет тесно.

Говорят, что здесь бывала
Королева из Непала
И какой-то крупный лорд из Эдинбурга,
И отсюда много ближе
До Берлина и Парижа,
Чем из даже самого Санкт-Петербурга.

Исполняя эту песню, человек выделял удивительные движения ногами и телом, отдаленно напоминающие украинский гопак, но без приседаний. Затем он резко остановился, и положил гитару на стоящую у стенки подставку.

– Здорова, Степка, – поприветствовал он Гаврика, и обратился ко мне, – а ты, как я понимаю, Глеб Вадатрусский. Рад приветствовать.

Он протянул мне руку, и после ответного действия крепко сжал ее. И в этот момент я распознал в его маске черты известного советского исполнителя и актера Владимира Высоцкого.

– Так сказать, усиливаем ваш департамент крепким кадром, – сказал Гаврик.

– Ну да, ну да, кадры решают почти все, – сказал он с энтузиазмом, – о товарище Вадатурском мы наслышаны.

– Тогда ретируюсь, дел невпроворот, – сказал Гаврик, и усмехнувшись вышел за дверь.

Владимир Семенович, проводил его взглядом, после чего сел за большое кожаное кресло в центре стола, и жестом пригласил меня присаживаться напротив него.

– Курить будешь? – поинтересовался Владимир Семенович.

Я кивнул. Владимир Семенович достал из лежащего на столе портсигара сигарету с золотым фильтром и черной бумагой, засунул ее в ротовое отверстие маски, подкурил и кинул футляр с зажигалкой мне. На портсигаре в виде золотого тиснения был выполнен какой-то рисунок. Вначале я подумал, что это уже знакомый чешский козел, но оказался неправ. На лицевой части портсигара были выгравированы равноплечные весы, наподобие тех, которые встречаются на изображениях богини Фемиды. Над левой чашей весов был изображен жук-скарабей, над правой – шар, на котором просматривались контуры Евразии, Африки и двух Америк. Я закурил.

– Ну что, Глеб, – начал он, – все, что я тебе сейчас расскажу – с одной стороны довольно сложно и непонятно, с дру-

гой – просто и доступно. Я постараюсь донести до тебя информацию так, что ты легко уловил суть. Детали и нюансы ты поймешь со временем самостоятельно.

– Подобное начало разговора я уже слышал, – вспомнил я.

– Тебе знакома квинтэссенция, точнее формула, на которой держится человеческое восприятие себя в этом мире и наоборот? – продолжил он.

Я отрицательно покачал головой.

– Вначале было слово, и слово было у Бога, и слово было Бог. У нас, вообще-то, не принято употреблять это слово, но сегодня я сделаю для тебя исключение, – сказал Владимир Семенович.

– Это первая строка из Нового Завета, – сказал я.

– Так вот, – продолжил глава департамента антиконтента, – это высказывание, не будем углубляться в то, что изначально поняли его неправильно, неправильно записали, а потом и неправильно перевели, сводится к тому, что главенствующую роль в этой смысловой конструкции занимает не Бог, а слово. Во-первых, слово упоминается три раза, а Бог – два. Во-вторых, сам текст не скрывает главенства слова: вна-

чале было слово – не Бог. Но самое важно, что Бог осознал кто он, только тогда, когда услышал слово, точнее осознал его. До этого Бога не было. Точнее он был, но не осознавал себя, но бытие без осознания равноценно небытию. Понятно?

– Примерно, – ответил я.

– Схожую историю можно найти и в буддизме. Будда Гаутама был обычным человеком, которого звали Сиддхаттха Готама, но в один прекрасный день он сел под деревом и погрузился в длительную медитацию, после которой осознал себя, и весь этот мир, который не мир вовсе, а только его сон. И как только он осознал это, то стал Богом. Мысль понятна? – спросил Владимир Семенович.

– Получается, процесс осознания позволяет человеку стать Богом?

– Верно, – согласился Владимир Семенович, – в данном контексте – слово, мир, сон, Бог и эго – это синонимы, даже не синонимы, а одно слово с небольшими оттенками смыслов.

– У меня есть одно уточнение, – сказал я, – Бог услышал слово и только после этого осознал его и себя.

– Так, – согласился Владимир Семенович.

– А как слово могло появиться неосознанно?

– Попробую объяснить, – сказал он и сделал глубокую за-
тяжку, – Заранее прошу извинить за этот пример, но лучше-
го пояснения в голову не приходит. Это как произвольный
пук.

Произнеся это, начальник громко рассмеялся, после чего
продолжил: – Ты же не всегда контролируешь процесс выде-
ления газа или воздуха их своих внутренних органов. Что-то
похожее произошло и со словом. Так вот, твоя работа будет
заключаться в том, чтобы наши клиенты пердели постоянно
и произвольно – без отвлечения на процесс осознания.

Владимир Семенович открыл один из ящиков своего сто-
ла, достал оттуда две пластиковые папки – черного и крас-
ного цветов и кинул мне.

– Насколько я слышал, да и вижу, ты парень неглупый.
Что такое антиконтент тебе объяснять не нужно. В этих двух
папках ты найдешь примеры антиконтента в видеоформате,
а также примеры противодействия этому продукту, – сказал
мой новый руководитель, после чего его голос стал жестче

и грубее, – а сейчас поговорим об условиях работы. Фирма обеспечивает тебя униформой, удостоверением, всеми привилегиями бафометовых клерков с окладом 13 полновесных золотых, это 130 разменных, и пачкой купюр любой из основных валют мира, но в эквивалентном размере – не более 5 тысяч долларов США. Испытательный срок – 13 дней. По итогу этого срока, если ты оправдаешь оказанное доверие, с тобой лично подпишет контракт Уильям Виндзор. Если нет – та картина, которую ты наблюдал сегодня, выходя из квартиры, покажется легким флиртом. С такими, как ты, на Кузне работает специальная зондеркоманда преторианской манипулы XI легиона. То, что проделывали легионеры с насильниками, педофилами и прочими извращенцами возле твоего дома, гвардейцы проделают с твоими мозгами, только в более извращенной форме. Ибо каждому воздается по его заслугам.

От услышанного я лишь сглотнул.

– Леночка проведет тебя в кабинет. После изучения папок ты получить свое первое задание. И запомни, Глеб:

– Я не люблю фатального исхода,

От жизни никогда не устаю.

Я не люблю любое время года,

Когда веселых песен не пою.

Я не люблю холодного цинизма,

В восторженность не верю, и еще -
Когда чужой мои читает письма,
Заглядывая мне через плечо.

Мурал

Леночка открыла дверь и пропустила меня в довольно просторный кабинет.

– Глеб, наденьте маску, – предупредила она меня.

Я молниеносно приставил к лицу одно из золотых забрал. В комнате не было окон, стены были выкрашены в черный цвет, на котором периодически мигали красные лампочки, похожие на глаза вампиров. У стенки напротив входной двери стоял стол с большим монитором, клавиатурой и мышкой. На потолке над столом была вмонтирована большая квадратная люстра, которая светила холодным белым светом. Еще два таких же стола были у левой и правой стены, за которыми сидели две фигуры. В центре кабинета располагался большой барабан, как из фильма Ежи Гофмана «Огнем и мечом» у казаков Богдана Хмельницкого, на котором лежали две массивные барабанные палочки и кожаная плеть. Леночка хлопнула в ладошки три раза, и весь пол вспыхнул ярким красноватым светом. В комнате стало светлее и при этом атмосферно эротично.

– Коллеги, знакомьтесь, это наш новый специалист по антиконтенту Глеб.

Ко мне подошел тучный лысый мужчина с густой каштановой бородой. Из-за сильно выпирающего пивного живота спортивная кофта у него задралась выше пупка, оголяя волосатое пузо. Он широко улыбнулся, и протянул мне руку. Чтобы ответить на рукопожатие, мне пришлось зажать между коленей папки, выданные Владимиром Семеновичем для ознакомления с работой, и остальные маски. Со стороны это смотрелось явно очень комично.

– Сергей Георгиевский, руководитель ботофермы антиконтента, – крепко сжав руку, сказал клерк.

– Ага, генерал мониторных миньонов, – сказала высокая худощавая девушка скрипучим прокуренным голосом, которая двигалась ко мне от стола у правой стены.

– А это Аннушка Иванова, – представила коллегу секретарь, – наш поисковик антиконтента, очень осведомленный и подкованный специалист.

Я почему-то подумал о подсолнечном масле.

– Удачного дня, – сказала Леночка, и покинула кабинет, оставив меня вместе с новыми коллегами.

– Здорова, – проскрипела Аннушка, и протянула мне руку, – маску сними, официоз закончен.

У нее были непритязательные черты лица. Угловатое лицо, глубоко посаженные, скорее всего, карие глаза, из-за красного освещения наверняка сказать было нельзя, растрепанные волосы, собранные в небрежный хвост. Она была больше похожа на мальчика-подростка, увлекающегося блэк-металлом, чем на зрелую девушку. При этом не могу сказать, что она была некрасива, просто есть такие типы девушек, которым абсолютно наплевать на свой внешний вид из-за чего женский чары теряют свою силу и энергию. Я опустил золотой шлем и несильно сжал ее холодную худошавую руку.

– Как ты, наверное, уже догадался, твое место напротив входной двери. Все мы работаем в одном кабинете, поскольку выполняем одну работу, но со своими нюансами, – сказала Аннушка.

– Этот как в одном роде войск есть своя разведка, своя авиация и бронетехника, – добавил Георгиевский.

– Я нахожу антиконтент, ты определяешь его уязвимые

места и формируешь стратегию противодействия, а Серега, исходя из твоих вводных, натравливает на антиконтакт своих ботов, рекламу и прочие наши возможности, – продолжила Аннушка.

Девушка вытащила из кармашка своего белого фартука пачку сигарет, быстро прикурила, и указала рукой на мое рабочее место: – вот здесь ты и будешь создавать свои концепты и стратегии.

Обогнув барабан, я прошел через весь кабинет и сел в довольно дорогое и комфортное кожаное кресло, какое обычно позволяют себе руководители серьезных организаций. Впрочем, в статусе своей новой конторы можно было не сомневаться. Пока подушка кресла плавно сжималась к металлической основе, медленно выпуская воздух под действием моего веса, зажегся монитор. В центре экрана появилось небольшое окошко с надписью пароль. Я было хотел узнать у коллег какой код нужно вбить, но моментально догадался сам. Пароль состоял из семи символов, которые были обозначены пятиугольными перевернутыми звездочками. При нажатии на клавишу звездочка заключалась в круг. Я набрал комбинацию 6661313. Под окошком появилась надпись – Неверный пароль. Я набрал 1313666. Опять мимо. И только третья попытка завершилась успехом – 1366613. На мониторе загрузился рабочий стол, на котором был изображен боль-

шой белый козел в зеленой накидке с вышитыми атрибутами королевской власти и армейской символикой – короной, булавой и державой, шевронами, скрещенными орудиями, грифоном, римскими цифрами. Голову животного украшал небольшой металлический щит с вензелями, перьями, еще какими-то деталями и надписями, которые из-за небольшого размера изображения разобрать было сложно. Козел возглавлял колонну легионеров, хотя нет, это были солдаты более поздней эпохи, в красных мундирах и высоких черных меховых шапках. Если я не ошибаюсь, гвардейцы в такой же форме до сих пор охраняют британских монархов. На компьютере были установлены самые обычные программы для создания текстовых, фото- и видеофайлов, несколько мессенджеров и браузеров. Все диски ожидаемо оказались пусты. Я оторвал взгляд от монитора и перевел его на отложенные в сторону бумаги Владимира Семеновича. На красной папке черным маркером была сделана надпись «антиконтент». Внутри оказалось всего три листочка. На первом были напечатаны кадры из фильма Павла Лунгина «Остров» с изображением основных сцен и актеров Петра Мамонова, Дмитрия Дюжева и Виктора Сухорукова. На втором листочке были стопкадры из известной голливудской кинокартины режиссера Дэвида Финчера по одноименному роману Чака Паланика «Бойцовский клуб». На третьем – картинки из популярного в конце нулевых и начале десятых мультипликационного веб-сериала Mr. Freeman. В конце каждой страни-

цы приводились небольшие аннотации, которые сводились к тому, что данные произведения являются мастерски завуалированными продуктами ЗАО «Генератор света», поскольку, используя методы и технологии ООО «АйДи» – хорошую картинку и продакт-плейсмент, вынуждают потребителя осознавать, вместо того, чтобы продолжать процесс потребления. Более того, в определенных моментах отречение от потребления возводилось в Абсолют. Например, в фильме «Бойцовский клуб» – это падение взорванных башен-близнецов, как символа финансового спрута, другими словами денежно-потребительского водоворота, в котором крутится человечество с времен Шумера и Аккада. В «Острове» – это была сцена с отцом Иовом, несущим крест священника Анатолия, как символ отказа от материальных ценностей, прежде всего последней модели смартфона от самой прямой компании мира, которая не стесняется наносит на свои продукты надкушенное Адамом по принуждению Евы змеиного плода. Дело в том, что с заломленными за спину руками невозможно смотреть в голубой экран, поэтому взор отца Иова в процессе несения креста неизбежно направляется внутрь себя. Mr. Freeman вообще регулярно задается такими вопросами и приходит к таким выводам, после которых вовсе никуда, кроме как в себя, смотреть не хочется. При том, что делает он это через разработанный нашей компанией ресурс, более того – с расширенной монетизацией трафика. С красной папкой было примерно понятно, поэтому я

перешел к черной, мысленно пропев: – червоне – то любовь, а чорне – то журба. Но тут меня ждало разочарование. Папка оказалась пуста. Я даже взял ее за верхний угол и потряс, как бы показывая свищ всему миру. Тогда я повернулся к Аннушке и Георгиевскому и спросил: – коллеги, Владимир Семенович передал мне пустую папку, хотя здесь должны были находиться материалы по противодействию антиконтенту.

– Все верно, – не поворачиваясь и продолжая печатать на клавиатуре, сказала Аннушка, – ты самостоятельно должен разрабатывать стратегию и предлагать конкретные действия. Для примера могу тебе посоветовать изучить обзоры видеоблогера badcomedianz. Посмотри, как он изучаем материал, определяет его слабые стороны, и потом бьет по этим болевым точкам, что в итоге приводит к провалу картины в прокате. Из-за его блогов многие продюсеры рвут волосы у себя на груди, потому что, когда приходят короткостриженные и небритые кредиторы, а ты сам понимаешь, что за контингент дает деньги на подавляющее большинство современных российских кинопроектов, может разорваться что-то другое. Но учти, со стороны тебе может показаться, что он работает на ЗАО «Генератор света». На самом же деле он просто высококвалифицированный специалист корпорации «АйДи», поскольку незаметно переводит фокус потребителя с одного контента, включая и нашего производства, на себя – то есть примерно такой же контент, а потом обратно. Это что-

то вроде внутрибрендинговой конкуренции.

– А кто раньше выполнял мою работу? – спросил я.

– Это было очень давно. Работал целый пул специалистов-экспертов, который возглавлял сам Владимир Владимирович, на тот момент один из заместителей Ваньки Виндзора. Однако после того как он был уличен в том, что подыгрывал ЗАО «Генератор света», говорят даже несознательно, всю его конторку прикрыли. Впрочем, к тому времени, когда это произошло, уже массово пошел крайне плоский потребитель, который глотает даже самые неприятные полуфабрикаты департамента антиконтента. Так что все это время вполне хватало меня и Сереги, – ответила Аннушка, – Я нахожу продукцию ЗАО, он заваливает его рекламой нужного контента и разносит в комментариях прикормленной ботофермой. Как не удивительно, но это работает.

– Зачем тогда мои услуги понадобились? – поинтересовался я.

– Не ко мне вопрос, спроси у Владимира Семеновича, – отмахнулась Аннушка.

– А еще лучше у генерального, – добавил Георгиевский.

После эти слов у меня пробежали мурашки по телу, и это состояние почему-то не проходило. С каждой секундой озноб пробирал меня все сильнее и сильнее. И вдруг в коридоре раздался мощный крейсерский гудок.

– Обед, – огласил Сергей, – пойдешь с нами в кафе?

Я молча кивнул.

Заведение, куда привели меня мои новые коллеги, называлось «Последний выдох господина ПЖ» и располагалось недалеко от «Паруса» в одном из панельных домов на улице Мечникова. Его ассортимент в основном состоял из условных блюд грузинской кухни, поскольку до сих пор между народами Кавказа идут горячие споры о том, кто был прародителем лаваша, долмы, хинкали, хачапури и так далее. Дизайн кафе был выполнен со вкусом: на входе стояли две металлические клетки, в которых находились парни-администраторы в мешковатых серых тогах и приветствовали входящих поклонами и улюлюканьем. В носках у них болтались небольшие металлические колокольчики. Стены и все несущие столбы кафе были выкрашены под ржавый металл, в потолок были вмонтированы красные и оранжевые лампочки, которые медленно вращались вокруг себя, создавая эффект заброшенного бункера или космического корабля, который давным-давно затерялся во вселенной, потерял эки-

паж, но по-прежнему сохранял работоспособность энергетической системы. Столы и стулья были из латуни, покрытой черной патиной. Повсюду висели накаченные гелием воздушные шары из жеваной желтой резины, возможно, это были многократно превысившие срок годности презервативы. В кафе было накурено, но не так сильно, как в ресторане «Желтое море» – почти все помещение просматривалось. Мне показалось, что концентрация дыма поддерживалась здесь в определенном объеме для подчеркивания основных элементов дизайна кафе и атмосферы загадочности. Мы сели за один из столов недалеко от барной стойки и к нам сразу подошел официант. Он был одет в строгий костюм малинового цвета и выцветшую оранжевую рубашку, в его носу висело тонкое золотое кольцо без колокольчика.

– Ку, – приветствовал он нас, просовывая в руки книжки меню, на обложках которых был изображен не традиционный пивной козел, а жук-скарабей.

Аннушка и Сергей кукукнули ему в ответ и сосредоточились на выборе блюд.

– Мне дюжину хинкали с говядиной, хачапури с сыром и стакан холодной водки, – заказал Георгиевский.

– Что Серега, серьезный бой планируется на вторую по-

ловину дня, раз боевые сто грамм заказал, – очень похожим на скрип смехом зашлась Аннушка, – мне просто хачапури с сыром.

Георгиевский лишь ухмыльнулся и погладил свою густую бороду.

Официант посмотрел на меня. Я хотел было сделать заказ, но тут вспомнил, что у меня нет денег. Аннушка уловила мое замешательство и моментально среагировала – заказывай, я угощаю.

– В следующий раз угощаю я, – кивнул я в знак благодарности, и заказал хачапури с говядиной.

Официант растворился в дымке.

– Вы не против поговорить о работе? – спросил я у своих новых товарищей, борясь с ходящими во рту от холода зубами.

– Дерзай, – ответила Аннушка.

– А как ты находишь антиконтент? Точнее, как ты определяешь, что конкретный материал является антиконтентом, – спросил я.

– Конечно, поначалу определять это было крайне сложно. Но, как говорится, все гениальное просто. Отличить контент от антиконтента можно по его эффекту на потребителя. После просмотра или прочтения обычного контента – под этим следует понимать продукцию ООО «АйДи» или же произведенную или разработанную в интересах компании на аутсорсинге – ты получаешь легкое удовольствие сопоставимое с потреблением небольшой порции алкоголя, микродозы наркотика, выкуренной сигареты или же продукта, содержащего гормоны счастья – эндорфина, дофамина, окситоцина, серотонина. Ключевой маркер контента – желание потребить еще. Но надо понимать, что удовольствие это крайне условное. На самом деле, опять же довольно упрощенно, можно назвать наш контент – блокатором, который отключает центр формирования смыслов. Если сказать совсем просто – мозги. Любый человек по своей природе настроен на получение удовольствия и отключение мозгов. Собственно, поэтому особых усилий в продвижении наших флагманских продуктов – Насти Бливлевой, Кати Клоп, Юрия Гованьского, АЗ и прочих блогеров из первой сотни – прилагать не приходится. Количество подписчиков растет быстрее, чем Федеральная резервная система успевает печатать доллары, – пояснила Аннушка.

В этот момент официант принес наш заказ – оригами из

гривен, лари и рублей в виде луковиц, напоминающих купола православных церквей без крестов или мечетей, а также конструкций в виде корпусов морских барж. В центр стола парень поставил толстую горящую свечу. Мы поочередно поджигали свои тарелки и вдыхали едкий дым, от чего всем становилось тепло и хорошо. Смотря на то, как Аннушка и Георгиевский вдыхают светло-серые струйки дыма, после чего их лица загораются румянцем, а глаза вспыхивают живым блеском, я думал о том, что являюсь участником магического ритуала, настоящего волшебства – превращения денег в реальную, а не абстрактную пользу и удовольствие.

– С антиконтентом все наоборот, – продолжила Аннушка, закончив с бумажным хачапури, – после просмотра хочется разорвать связь с потреблением в самом широком смысле этого слова, погрузиться в размышления от увиденного, попытаться понять мир и себя в этом мире. И когда потребитель начинает у себя в голове жонглировать почерпанными из антиконтента смыслами и посылами, он приходит к выводам, которые противоречат задачам корпорации «АйДи».

Я вспомнил пустоту и тоску, но и одновременно восторг, спокойствие и умиротворение, которые накатили на меня после просмотра фильма «Остров». В тот момент мне действительно было плевать на всю требуху и шлам, которые сопровождают человека на протяжении дня, а может даже и

всей его жизни. Все это потеряло смысл, его залил необузданный свет, который бил в меня отовсюду, и источником которого был я сам. К нашему столику вновь подошел официант. Он держал в руке поднос, в середине которого размещался покрывшийся конденсатом граненый стакан с прозрачной жидкостью. Лицо Георгиевского сразу же расплылось в улыбке.

– Ну, за победу в будущей баталии, – произнес он, взяв стакан в руки и опытным выверенным движением опрокинул его содержимое в глотку, слегка дернув головой.

– Водка настоящая? – удивлено спросил я.

– Брат, тут все настоящее, – рассмеялся Георгиевский.

Аннушка достала из кармана две небольшие золотые монетки и положила их на стол, Сергей добавил еще одну, а также кинул на стол несколько сотен долларов США. На выходе из кафе он сунул еще какие-то купюры администраторам в клетках. Но в отличие от швейцара у ресторана «Желтое море», они не стали их сжигать, видимо, не были сильно голодны, а засунули бумажки в одежду. В знак благодарности парни достали у себя из одежды скрипку и барабан, и под их неуклюжее сопровождение, не попадая в такт, запели: – мама, мама, что я буду делать...

В офисе я еще раз просмотрел листы из красной папки, попытался найти в описываемом антиконтенте слабые места или болевые точки, на которые можно было надавить, но так ничего не придумав, направился в кабинет Владимира Семеновича, чтобы получить соответствующие разъяснения. Я постучал в дверь, но никакой реакции на это не последовало. Выдержав паузу, я повторил это действие. Вновь ничего. Тогда я дернул за ручку и вошел внутрь. Начальник лежал на полу в бессознательном состоянии. Я быстро подбежал к нему и положил руку на грудь, чтобы послушать сердце. Пульс был с низкой частотой и едва прослушивался. Я хотел выбежать из кабинета и позвать кого-то на помощь, но Владимир Семенович схватил меня за руку и слабым голосом прохрипел:

– Я когда-то умру – мы когда-то всегда умираем.

Как бы так угадать, чтоб не сам – чтобы в спину ножом:

Убиенных щадят, отпевают и балуют раем...

Не скажу про живых, а покойников мы бережем.

В грязь ударю лицом, завалюсь покрасивее набок —

И ударит душа на ворованных клячах в галоп!

В дивных райских садах наберу бледно-розовых яблок...

Жаль, сады сторожат и стреляют без промаха в лоб.

– Владимир Семенович, как вы себя чувствуете? – спросил я.

– Как всегда – прекрасно, – едва слышно пробормотал он.

Собравшись с силами, начальник оторвал спину от пола и присел, сложив ноги в позе индийского йога.

– А знаешь, что мне как-то сказал Сашка? – спросил он.

Я понятия не имел, о каком Сашке говорит Владимир Семенович, но все же спросил: – что?

– И ты будешь волков на земле плодить, и учить их вилять хвостом! А то, что придется потом платить, так ведь это ж, пойми, – потом! – прохрипел Владимир Семенович и через маску посмотрел на меня обреченным, полным безысходности взглядом.

В этот момент я заметил, что возле стола начальника лежит шприц с дожатым до предела поршнем и ярко-красный жгут.

– Что тебе от меня надо? – спросил Владимир Семенович.

– Может я в другой раз зайду, сейчас, мне кажется, это не совсем уместно? – попытался ретироваться я.

– Я сказал, говори? – настоял начальник.

– Я изучил папки, – ответил я.

– И? – сказал он, едва перебирая губами.

– По антиконтенту мне примерно понятно, а вот с противодействием – не совсем, – продолжил я.

– Знаешь, как птенцов учат летать? – спросил он, после чего с усилием приподнялся, медленно подошел к столу и сел в кресло, – съезди на улицу Артема, тьфу ты, Гошовский, сука, уже отработал эту тему, на, как там чертей этих, Сечевых стрельцов. Там появился новый мурал от этого Бэски или как его там. Нужно срочно купировать, по сети разносится стремительно.

Я продолжал внимательно смотреть на Владимира Семеновича.

– Че завис, пошел, – сказал он.

Я кивнул головой, развернулся и направился к двери.

– Подожди, – остановил он меня.

Я развернулся.

– Это тебе на первое время, – сказал он, открыв один из ящичков своего стола и бросив на стол небольшой кожаный мешочек, который при падении издал характерный металлический лязг. Затем он подкинул к нему перетянутую зеленой резинкой пачку стодолларовых купюр, которых при дальнейшем пересчете оказалось 10 тысяч.

– Внизу стоит черный мерс с номером ДА 666 13, это мой служебный автомобиль.

Водителя зовут Всеволод. Скажи ему, что я поручил отвезти тебя по вышеупомянутому адресу и обратно. Теперь действительно все, – отрезал Владимир Семенович.

Зеленая ведьма

На улице шел несильный дождь, и мне так сильно захотелось ощутить его касания на себе, что я попросил водителя остановить машину и подобрать меня чуть выше по улице. Автомобиль остановился за Бессарабским рынком – в начале бульвара Тараса Шевченко. На улице было немногочисленно, несколько клерков прошли по бульвару и повернули на Крещатик, одна девушка, на которой из одежды были только чулки и туфли на шпильках, пробежала через про-

ход во внутренний дворик дореволюционного дома выцветшего зеленого цвета. Мой взгляд остановился на постаменте, где еще относительно не так давно стоял вождь русской революции 1917 года Владимир Ленин. Хотя я уже догадывался, что это был один из ключевых блогеров корпорации «АйДи», который даже после своей смерти концентрировал на себе и своем контенте внимание потребителей в филиалах Кузни в Восточной Европе, Северной и Средней Азии, Дальнем Востоке, а также ряде отдельных стран Африки, Южной Америки и некоторых островных государств преобладающую часть XX века. Также было понятно, что после провальных показателей этого бренда во второй половине 80-х годов, было решено постепенно выводить его из общественно-политической повестки. На горизонте маячили новые тренды – сексуальной революции, свободы, демократии и гамбургера с картошкой фри, которые затем сменились концепцией национального возрождения, после банальной борьбой за выживание обанкротившего экономического потенциала и дальнейшим круговым бегом по условному колесу Сансары. Впрочем, надо отдать должное, все последующие проекты корпорации «АйДи» на рынке моей страны менялись с более частой периодичностью, чем долгоиграющий бренд Владимира Ильича. Теперь же на небольшой площадке перед Бессарабским рынком в качестве альтернативы Ленину стоял другой монумент. Символ одного из последних продуктов моего нового работодателя был установ-

лен прямо перед постаментом и неприкрыто демонстрировал ущербность и убогость современных потребителей, которые велись на откровенно примитивные уловки машины продакт-плейсмента и фантасмагорические призывы медийных площадок. Памятник представлял собой то ли яйцеклетку, то ли плод маклюры оранжевой, в который врезались рамки, напоминающие подложки Instagram. Сам шар был покрыт ржавчиной или краской в виде окислившегося металла. Этим автор монумента явно подчеркивал, что сфера – это продукт жизнедеятельности крупного существа, или же многих существ, который принял шаровидную форму в результате физического воздействия. Например, как жуки-скарабеи обкатывают бесформенный навоз практически до идеальной круглой формы, когда катят дерьмо в свои норки. При этом надо понимать, что для скарабеев навозный шар – это источник жизни, который позволит выжить их потомству. Возможно, автор проводил параллель именно с этими насекомыми. Шар мог являться аллегорией нашей планеты, которую в результате физической и ментальной деятельности человечества превратили в коричневый фекальный шар. Черные рамки Instagram, прорезающие шар, были символом людской, то есть нашей работы над земным шариком. Я даже подозреваю, что шар стал ржавым как раз в тот момент, когда в него вонзились щупальца этого сетевого монстра. В то же время надпись на табличке у монумента была призвана скрыть его истинный смысл, заменив элементы памятника

другими понятиями, из-за чего общая задумка автора преобразалась в уродливого мутанта оригинальной идеи. На табличке было написано «Революція гідності». За пустым постаментом, на котором были закреплены потрепанные государственные и националистические флаги, я заметил двух легионеров, перед которыми на земле лежал худощавый парень без одежды с длинным чубом на выстриженной голове и татуировкой трезубца на груди. Парень, закрыл свою голову руками, и что-то бормотал. Я прислушался.

– Финансовый капитал, концентрированный в немногих руках и пользующийся фактической монополией, берет громадную и все возрастающую прибыль от учредительства, от выпуска фондовых бумаг, от государственных займов и типа подобное, закрепляя господство финансовой олигархии, облагая все общество данью монополистам. Вот – один из бесчисленных примеров «хозяйничанья» американских трестов... – бормотал парень, пока не осекся.

– Дальше, – суровым низким голосом сказал легионер.

Парень кряхтел и мычал, пытался нащупать слова, но у него не получалось. Тогда легионер со всей силы двинул его ногой в грудь, из-за чего парень захрипел и перевернулся на другой бок, ладонями прикрыв место удара. Легионер схватил его за чуб и поставил на ноги.

– Зачет не сдан, передача через час, – сказал он, сунув ему в руки какую-то книгу в красном переплете с золотым тиснением.

Настроение из-за сцены насилия у меня быстро испортилось, и я ускоренно дошагал до автомобиля, чтобы спрятаться от жестокого мира за мощной дверью мерса. Водитель неспешно двинулся к месту назначения, и, уловив мое настроение, еле слышно включил до боли знакомую песню из кинофильма «Неуловимые мстители». Приятный баритон затянул:

– Бьют свинцовые ливни,
Нам пророчат беду.
Мы на плечи взвалили
И войну, и нужду.

Мы подъехали к пятиэтажному зданию серого цвета, скорее всего заброшенному корпусу какого-то промышленного предприятия с большими, практически во весь этаж стеклопакетами. Правда, многие окна очень давно потеряли остекление, что придавало не только зданию, но и всей окружающей территории вид упадка и деградации. В этой атмосфере мурал, который занимал сразу две стенки на углу здания, смотрелся очень гармонично. Это была картина примерно два метра в высоту и четыре метра в ширину. На фа-

садной части здания были изображены две девушки в национальных украинских костюмах, которые склонились в поклоне перед упитанным господином с большим пивным животом в черном смокинге, такого же цвета цилиндре и белой рубашке. Господин, как мне показалось, был нарисован в стиле Кукрыниксов, когда художники в сатирической манере изображали западного капиталиста. Девушки протягивали ему хлеб с солью и приветливо улыбались. Господин же смотрел на них пренебрежительно. На боковой стене был нарисован еще один господин с лицом, напоминающим второго председателя Европейского совета поляка Дональда Суцка. Мужчина также был в костюме, но из расстегнутой молнии его штанов торчал здоровенный желтый член, который он нацеливал в задницу нагнувшихся украинок. Хотя нет, это был не член, а початок кукурузы, закрепленный на теле с помощью специального ремня. Я бы сказал, обычного strapon'a с аграрным уклоном. Месседж был понятен – искренняя попытка страны стать частью континента счастья, свободы и братства, наталкивалась на прагматическое и потребительское отношение принимающей стороны. Грубо говоря, нас, бывшую житницу Европы, тупо хотели отъебать популярной аграрной культурой, при чем, судя по размеру зерен – геномодифицированной. В такой интеграции мы абсолютно не нуждались ни в каком виде, не говоря о том, что изображалось на мурале. Но это было слишком явно и плоско. И тут я обратил внимание на еще одну деталь картины. У

девушки на переднем плане во время наклона с шеи свисал большой и широкий нательный крестик насыщенного медного цвета на черном шнурке. Такие же кресты я видел в музее истории запорожского казачества на Хортице. С ними когда-то казаки шли в бой, и популярно объясняли шляхтичам, что они думают о пресловутых европейских ценностях. Крестик размещался напротив большого живота господина, где на белой рубашке был изображен символ доллара в виде золотой буквы S с перечеркнутой по середине полоской. Однако если внимательно присмотреться к этой букве, можно было разглядеть на ней чешую. Крест располагался примерно на 10 сантиметров ниже буквы, из-за чего получался эффект доминирования змеи над крестом. Как мне показалось, в этом и заключался ключевой смысл мурала – показать потерю прошлых ориентиров и столпов, замену духовного стержня нации ложными и пустыми симуляциями свободы, добра и счастья. Стратегия противодействия этому производству антиконента сложилась у меня в голове не сразу. Поначалу я вообще не понимал, где здесь слабые точки и как на них давить. Но после длительных размышлений, все же смог сформулировать стратегию противодействия. Линию мурала с крестом и символом доллара, которую, по моему убеждению, мог понять лишь узкий круг потребителей антиконента, я предложил аккуратно подавлять в специализированных группах социальных сетей, которые объединяли таких людей. Возвышение змеи над крестом созвучно с легендой

из Книги Бытия об Адаме и Еве. Чтобы приманить первых клиентов на свою сторону, змей предложил влюбленной паре прогрессивный продукт – яблоко. Что-то похожее происходило на мурале Бэкси – на ботинках толстого господина размещались синие прямоугольники, как бы – отраженный от начищенных до блеска обшивок туфель свет. На самом деле эти прямоугольники очень сильно напоминали экраны смартфонов. Взоры девушек были направлены как раз туда. Возможно, автор намекал, что наклонять казачий крест украинок заставляет не только желание приветствовать господина, но и желание приблизиться к этому свету. Для нивелирования смысла картины я предложил вставлять в группах социальных сетей, где ретранслировался и обсуждался этот антиконтент, рекламные ссылки на новый Iphone с возможностью приобретения смартфона с 50% скидкой. Ни что так не фокусирует внимание даже высокодуховных граждан, как надпись Sale. Для непритязательных потребителей я предложил назвать мурал – инструментом гибридной войны, «рукой Кремля», которая всеми силами пытается помешать воплощению светлой идеи евроинтеграции. Этот штамп должны были активно муссировать в пабликах боты Георгиевского.

– В целом, неплохо, – прочитав мою стратегию, сказал Владимир Семенович, – но учти Глеб, на теме «руки Кремля» особо паразитировать не стоит. Тренд уже ниспадаю-

щий, к тому же это прерогатива департамента внутреннего и внешнего врага, конкретно – начальника отдела пятых колонн Игоря Гошовского. В общем, запускаем в работу, передавай материал Георгиевскому.

В конце рабочего дня мне позвонил Гаврик.

– Ну, что Вадатурский, слышал о твоём первом успехе. Владимир Семенович сказал, что выхлоп получится небольшой, но как для первого раза – пойдет, – начал разговор Степан, – предлагаю отметить твою первую утвержденную начальством стратегию. Ты как?

Я замялся. Чувствуя это, Гаврик добавил: – Ольга составит нам компанию.

Эту фразу Степан сказал с явным намеком на мой интерес к этой девушке. В этот момент я почувствовал себя вороной из басни Крылова, которую хитрый лис разводит на сыр. Но в случае с глупой птицей, я понимал, к чему он ведет. Я хотел отказаться, сославшись на усталость, но в самый последний момент с языка слетело слово «готов».

– Выходи, жду тебя в машине на улице.

Перед тем как выйти из здания, я приставил к лицу маску

с выражение безразличия. Гаврик сидел на переднем пассажирском кресле и, увидев меня, помахал рукой. Я открыл заднюю дверь автомобиля и увидел в салоне Ольгу все в той же школьной форме с кружевами. Правда, в этот раз на ней не было маски, а ее волосы были собраны в гладкий хвост, что еще больше подчеркивало ее сексуальность.

– Поздравляю с первой победой в компании, – сказала она и протянула руку.

Я решил не перебарщивать и просто несильно сжал ее.

– Поехали, – сказал Гаврик водителю, и машина двинулась по вечернему городу.

– Ты очень быстро выполнил задание, – сказала Ольга, – обычно на разработку стратегии уходит неделя. Конечно, ее представляют в куда более развернутом варианте, но на самом деле все это лишь напрасная трата слов и бумаги, ты же выдал чистый неразбавленный фрэш – без жмыха и воды.

– Я просто думал, что работу надо было сделать сегодня, – ответил я.

Ольга рассмеялась, а Степан вовсе разразился истерическим хохотом.

– Здесь так дела не делаются, – сказал Гаврик, успокаиваясь, – спешно только когорты легионеров формируются. В этом товаре за всю историю человечества никогда дефицита не было.

Я демонстративно повернулся к окну, и в автомобиле на какое-то время воцарилась тишина.

– Я вижу, ты уже понял, как управлять источником божественного света, точнее направлять этот свет туда, где он перестает быть божественным, – прервала молчание Ольга.

– Примерно, – ответил я.

– Это хорошо, но тебе надо объяснить еще очень важную составляющую этого процесса. Принцип механики частицы Бога в человеке можно сравнить с работой зеркального фотоаппарата. Свет, проще говоря, душа – это как матрица или сенсор в цифровой фотокамере. Фотография получается при попадании света на сенсор и преобразовании его в электрические заряды, которые становятся запечатленным на экране образом. В применении к человеку, запечатленный образ – это информационный поток, который оседает на его душе. Процессу фотографирования предшествует нажатие кнопки спуска затвора, которая приводит к его срабатыванию. Осо-

бую роль в этом процессе играет зеркало, которое позволяет фотографу компоновать кадр через объектив в реальном времени. Зеркало постоянно закрывает матрицу, но в момент фотографирования при спуске затвора оно на доли секунды опускается, открывая сенсор для света, после чего возвращается в прежнее положение. Зеркало условно можно назвать щитом матрицы, закрывающим сенсор фотокамеры от ненужных световых потоков. Схожая система есть у человека. Не весь информационный поток или контент, который потребляет человек, добирается до его души. Этому мешает условный аналог зеркала фотоаппарата, назовем его – оценщик или цензор. К счастью, людей с такой системой защиты становится с каждым годом все меньше, но все же их еще достаточно много. Работает это примерно так – человек потребляет любой контент корпорации «АйДи», например, смотрит какой-то среднестатистический американский или российский фильм, изрядно приправленный сюжетными и идеологическими штампами, угадываемыми ходами сюжета и так далее, а-ля кино про супергероев или комедия. Некоторое время оценщик фильтрует этот контент, и, посчитав его ненужным или даже вредным – это зависит от размера духовной матрицы человека, вынуждает зрителя прекратить потребление. Иногда это сопровождается рвотным рефлексом у клиента. Если говорить совсем простым языком – цензор или оценщик – это внутренний голос человека, который возмущенно спрашивает его во время просмотра фильм, до-

пустим, «Чужой: Завет» – какие, нахрен, неоморды? Влияние внутреннего голоса на человека велико. Обычно, после негативной оценки цензора следует реакция – прекращение потребления. Более того, если продукт крайне низкого качества, внутренний голос и вовсе может отбить у потребителя желание потреблять что-либо на неопределенное время. Для нас это самый опасный сценарий, поскольку в такие моменты, когда контент не потребляется, в человеке может загореться частица Бога.

– Фонарик начинает светить на стену, – произнес я вслух свои мысли.

– Верно, – сказала Ольга.

– Внутренний голос – это подсознание? – переспросил я.

– Можно и так сказать, – согласилась Ольга, – но скорее это рабочее состояние ума, что сегодня, повторюсь, происходит не так часто даже у людей с полной и даже среднеформатной матрицей. Ну, ты понял, о чем я. К счастью, переводить ум в активное положение сегодня немодно.

– А с этим как-то можно бороться? – уточнил я.

– Это ключевой вопрос. Наша глобальная задача обезвре-

дить внутренний голос человека до того момента, когда он начнет шептать человеку свои заклинания. Важно, чтобы духовная матрица принимала наш сигналит без рабочего состояния ума. Как это реализуется на практике? Есть несколько способов добиться такого эффекта. Одна из наших технологий усыпления цензора называется «умный контент». Специально вмонтированные во все экраны и прочие ретрансляторы датчики улавливают момент, когда внутренний голос готовится отключить потребителя от контента, и резко переключает фокус клиента на другой продукт. Например, на смартфон приходит сообщение о скидках на пиво Heineken, всплывает баннер на мониторе с рекламой увеличения члена на несколько сантиметров, произвольно на мониторе включается ролик с Ким Карбадьян, приходит уведомление на горячую новость об очередном скандале в семье британских монархов, по радио начинает транслироваться интервью с любимым актером и так далее. Вариантов масса. Мы должны делать все, чтобы на место одного тухлого контента незамедлительно вставала дюжина других наших продуктов, – пояснила Ольга.

– Это как опция автопроизведения на youtube, а также постоянное предложение подборок материалов, схожих по смыслу и духу с просмотренным за последнее время контентом. Так сказать, постоянный скроллинг и заппинг в самом широком понимании, – добавил Гаврик.

– Важно, что делается это незаметно для самого потребителя, поэтому он думает, что сам перепрыгивает с одного контента на другой, когда ему надоедает какой-то наш продукт. Хотя, по правде говоря, со временем оно так и происходит, – добавила Ольга.

– И кто этим занимается? – спросил я.

– Для этого у нас существует специальный департамент информационного сопровождения. Там трудятся очень мозговитые ребята, – ответила Ольга.

Мы подъехали к зданию известного в городе стриптиз-клуба с эмблемой носорога на Березняках. Это было небольшое трехэтажное здание с полностью застекленным фасадом, над входом которого красовалась надпись: «СТРИПКЛУБ «Цветочный носорог». С правой стороны от вывески в неоновой окантовке размещалась фигурка носорога с огромными разноцветными крыльями бабочки. Большой зал мужского клуба, выполненный преимущественно в красных тонах, был заполнен густым табачным дымом, правда, в значительно меньше концентрации, чем в ресторане «Желтое море», но большей, чем в кафе «Последний выход господина ПЖ». Из-за этого разглядеть красные кожаные диваны и темные столики, по крайней мере, на расстоянии пяти метров – было можно. В центре зала размеща-

лась сцена, на которой под громкую музыку – композицию Jon Bon Jovi «Queen Of New Orleans» на шесте кружилась стройная девушка с большой оголенной грудью. В этом месте дыма было совсем немного, у стриптизерши даже можно было рассмотреть на груди полоски шрамов от пластических операций. Аншлага в заведение в этот вечер не было – несколько столиков занимали небольшие группы мужчин, поэтому мы смогли занять место в самом центре зала. Только мы опустились на мягкие кожаные диваны, нас тут же взяли в оборот две девицы с голыми бюстами. Одна из них села Гаврику на колени и, прикусив его ухо губами, стала оттягивать в сторону.

– Милый, как я ждала твоего возвращения, – сказала она, выпустив мочку из губ.

– А я как ждал, – сказал Гаврик, широко улыбаясь, поглаживая ее по упругой груди.

Другая девица, села возле меня, и закинула свою ножку на мои колени.

– Как зовут тебя, красавчик, – спросила она.

– Глеб, – ответил я.

– Хочешь, я станцую для тебя приватный танец? – спросила она с улыбкой, и погладила меня рукой по ноге в направлении паха.

– Красавицы, – неожиданно оживилась Ольга, которая сидела в центре стола между мной и Степаном, – принесите нам, пожалуйста, меню. Парни обязательно уделят вам внимание, но чуть попозже.

Последнюю фразу она сказала чуть тише и протяжней. Это подействовало на девушек примерно так же, как голос питона Каа на бандерлогов. Подчинившись ее воле танцовщицы убрали свои прелести с меня и Гаврика, и незамедлительно удалились.

– Удивительное сочетание галантности и указания места, – подметил Гаврик с довольным выражением лица.

К столу подошла еще одна полуобнаженная девушка и передала нам меню в красном кожаном переплете. На обложках красовался уже хорошо знакомый козел в золотой окантовке, правда, с небольшим добавлением – под козлиной бородой была размещена большая женская грудь. В самом меню на трех листах перечислялись всевозможные крепкие алкогольные напитки и коктейли, и только на одном листе блюда, в основном мясные.

– Что будем пить, детки? – спросил Гаврик.

– Как представители творческой интеллигенции – только абсент, – ответила Ольга.

В основном я предпочитал крепкие вина, преимущественно херес или портвейн, абсент не пробовал никогда. Я знал, что это крайне крепкое пойло на основе полыни и каких-то других трав, которым в XIX веке заливали ужасы войны французские солдаты, а затем для вдохновения художники, поэты и проститутки. В меню напротив слова абсент после двоеточия располагалось две надписи – повыше «зеленая фея», пониже «зеленая ведьма». Я поинтересовался у коллег, какая разница между этими напитками.

– В целом – никакой, в частности, во всем, – ответил Гаврик, с неизменной улыбкой на лице.

– Выбор скорее зависит от настроения, – добавила Ольга, – кем ты хочешь быть сегодня околдован – феей или ведьмой?

– А вы кем? – поинтересовался я.

– Только фея, ведьма жесткая запредельная вещь, – отве-

тил Степан, – весь следующий день насмарку.

– Зеленая фея подхватит тебя на легких крыльях и отнесет в сказочный мир мечты и иллюзии, магии и счастья, – сказала Ольга, и, прищурившись, сладострастным взглядом посмотрела куда-то вдаль.

К столику опять подошла официантка, которая поинтересовалась нашим выбором. Я посмотрел на девушку и заметил на ее руке несколько татуировок. Во все плечо черной краской был набит жук-скарабей в виде египетского иероглифа. Ниже на предплечье зеленой краской был нанесен рисунок ведьмы в западной культурной традиции – в темном платье и острой широкополой шляпе. В одной руке ведьма держала метлу, в другой весы, на одной чаше которых было солнце с лучами, на другой черный круг. Под чашами весов была сделана подпись – выбор за тобой. Почему-то мне показалось, что я обратил внимание на эту татуировку неслучайно. Я даже подумал, что это определенно знак – равноценный тому, который Нео увидел на плече незнакомой девушки в виде белого кролика.

– Порцию зеленой ведьмы, – уверенно сказал я.

– Рискуешь, Глеб, – захихикал Степан.

– Рискуешь, это когда смотришь вечерние блоки новостей на центральных телеканалах, – отшутился я.

– Мне зеленую фею, – сделала свой заказ Ольга.

– Аналогично, – добавил Гаврик.

Официант принесла нам на подносе три рюмки, которые были выполнены в невиданной мной ранее форме. Бокалы были достаточно высокими, при этом верхняя часть сильно походила на граненый стакан, а нижняя выполнена в виде изящной резной ножки, которая врезалась в перевернутый купол шлемовидной формы. Два бокала были заполнены прозрачной ярко-зеленой жидкостью, а в явно предназначавшейся мне рюмке напиток был чуть темнее и насыщеннее. Девушка поставила бокалы на стол. Сверху на них она положила какой-то столовый предмет, напоминающий широкий наконечник копья с прорезанными в готическом стиле створками. Рукоятка этого прибора напоминала ручку классической вилки или ножа с кельтским орнаментом. С двумя бокалами, в которые была налита более светлая жидкость, она проделала одинаковые манипуляции. Сверху на эти своеобразные ножи или ложки она положила кусочек рафинада, затем взяла в руку высокий восточный чайник с длинным носиком, на боковой части которого были выгравированы танцующие фавны, и стала поочередно лить на кусочки сахара

воду. Из-за этого действия в бокале начала происходить химическая реакция – с каждой новой порцией сахара абсент становился все мутнее, пока через него стало невозможно смотреть. Приготовление «зеленой ведьмы» отличалось кардинально. Вначале девушка макнула рафинад в темный абсент, после поставила его на ложку, затем зажигалкой подожгла тонкую деревянную шпажку и поднесла ее к кусочку сахара, который моментально загорелся и стал осыпаться или даже литься в бокал. Реакция была схожа со способом приготовления «зеленой феи» – стекающий рафинад делал напиток непроглядно мутным. Когда составы были приготовлены, Ольга взяла свой бокал и, приподняв его немного вверх, сказала: – Очень рада, что наша компания пополнилась еще одним сильным специалистом. Думаю, тебя здесь ждет большое будущее.

– Ура, – добавил Степан, и потянул в моем направлении свою рюмку.

Я нерешительно взял в руку «зеленую ведьму» и мы сдвинули бокалы. Вначале я сделал небольшой глоток. Вкус у напитка на удивление оказался приятным, сладковатым и ароматным. После этого я допил рюмку залпом. Практически сразу я почувствовал эффект крепкого алкоголя. Мне стало радостно и беззаботно, захотелось движения и драйва, веселого приключения и отрыва. Ольга и Гаврик опрокинули

свои рюмки. Они также быстро захмелели, что легко читалось в их повеселевших глазах.

– Ну, что повторим? – предложил я.

– Разве что еще по одной, – согласился Гаврик.

Ольга улыбнулась и кивнула в ответ. Официант повторил ритуал, и мы опрокинули еще по рюмке. После второй порции меня сильно развезло. Окружающий мир стал ощущаться как тягучая субстанция, которая сковывала и замедляла мои движения. Я стал о чем-то рассказывать своим новым коллегам, но язык заплетался, шел вразнобой с остальной ротовой полостью, из-за чего слова жевались, путались и иногда обрывались незавершенными. Ольга и Степан тоже опьянели, но не так сильно, как я. Они сидели с широкими улыбками, иногда тихо переговаривались между собой, при этом бросая на меня ироничные взгляды. Тогда я начал смотреть на них максимально зло.

– Глеб, отвезти тебя домой? – предложила Ольга, – мне кажется, ты себя нехорошо чувствуешь.

– В гости хочешь? – ответил я.

Степан зашел в истерическом смехе, после чего хлопнул

несколько раз в ладошки. К нам быстро подбежали две девицы, одна из которых пролезла дальше на диван, проведя по моему лицу упругой голой грудью, вторая села на краю подушки, и стала гладить меня по плечу рукой.

– Милый, мы хотим станцевать для тебя приватный танец, – сказала первая девушка, и лизнула меня в ухо. Вторая просунула свою под спортивный костюм и начала нежно массажировать мою грудь. Будь я трезвый, наверное, уже бы возбуждился, но пока особой реакции на женские ласки мой организм не проявлял.

– Угости нас коктейлем, – предложила вторая девица, и погладила меня по шее.

Я позвал официантку, зачем-то сопроводив крик взмахом руки.

– Угости девочек тем, что они хотят, – сказал я, вынув из кармана пачку купюр, которую мне вручил Владимир Семенович. Достав из нее небольшую стопку, я кинул бумажки на стол.

Девушка выслушала стриптизерш, после чего поинтересовалась у меня с коллегами, не хотим ли мы еще чего-то. Ольга и Гаврик отказались. Я, все еще отдавая отчет своему

состоянию, также отмахнулся от официантки рукой. Не дожидаясь напитков танцовщицы взяли меня за руки и повели к сцене. Там они посадили меня в мягкое офисной кресло из красной кожи, установленное в центре площадки, и принялись танцевать. Поочередно, а иногда и вместе, они выполняли эротичные движения на шесте, затем приближались ко мне, чтобы забросить на меня свои ноги, касались моего лица и тела то грудью, то ягодицами, то руками. Это было действительно очень красиво и сексуально, во мне стало разгораться желание завладеть ими. В этот момент на сцену вышла официант и передала девушкам два бокала, которые были почти до краев заполнены каким-то густым напитком насыщенного красного цвета. Перед уходом она внезапно наклонилась ко мне и тихо сказала: – истина открывается только в третьей серии. К чему был этот призыв, я понял практически сразу. Поднявшись, я отодвинул кресло в сторону, и направился к нашему столику. Девушки попытались меня задержать, но я отмахнулся, сказав, что скоро вернусь. Усевшись на диван, я подозвал официантку и заказал еще одну «зеленую ведьму».

– Глеб, может не стоит? – предостерегла меня Ольга.

Я внимательно посмотрел на нее. Картинка перед глазами была мутной, к тому же медленно плывущей в левую сторону.

– Я тебя домой нести не буду, – засмеялся Степан.

К столу подошла официант и в третий раз проделала манипуляции для создания «зеленой ведьмы». Я взял рюмку в руку, встал из-за стола, и молча опрокинул напиток себе в горло. После этого в глазах у меня потемнело, а в голове сильно закружилось. Я сел за стол, сложил руки, как послушный школьник во время урока, и опустил на них голову. Затем меня стошнило, хорошо хоть под стол. Потом я услышал голос Ольги, который почему-то стал замедленным, низким и вязким: – помоги парню дойти до туалета.

Через миг я почувствовал, что кто-то подхватил меня под руку и стал поднимать. Я не сопротивился этому, а наоборот старался действовать самостоятельно. Выпрямившись, я посмотрел на Ольгу и Степана. После третьей рюмки они сильно изменились. Ольга была полностью обнаженной, а ее тело отливало красным кровавым цветом, который получался из-за внутреннего свечения тела. На ее лице стали отчетливо выделяться скуловые кости, брови стали походить на тонкие каменистые гребни, а волосы сформировались в странную прическу, напоминающую огромные закрученные рога с шестью переплетающимися массивными отростками – очень широкими у основания и заостренными к концу. При этом отростки эти были покрыты равномерными наростами и вы-

емками. Миниатюрные человеческие клыки сильно увеличились в размерах и стали походить на звериные, вампирские. Кожа Степана также была красного цвета, но изнутри она не светила. Все его тело покрывали длинные, но не очень густые волосы. Лицо вроде бы было прежним, но не совсем – нос его стал очень широким и напоминал пяточок свиньи, на лбу торчали два широких, но коротких рога, череп был лысым, но не весь – с боков все же были волосы, как у Ленина. Оба монстра смотрели на меня и улыбались. Официантка развернула меня и повела в туалет. По пути я посмотрел на сцену, где на шесте кружились две девушки. Только в этот раз они были не столь прекрасны. Стриптизерши были без кожи и больше походили на разделанные туши животных. В лучах прожекторов сверкали их белые черепа, мышцы и сухожилия. На красных ягодицах я заметил желтые наклейки, на которых черными чернилами было написано «продано». Меня еще раз стошнило. Официант завела меня в одну из кабинок, где я смог очистить свой желудок классическим способом – засунув два пальца в рот. Мне стало полегче, но при этом я все еще оставался сильно пьяным. Я подошел к раковине, открыл кран с холодной водой, и засуну под струю голову. Перед раковиной во всю стену было установлено зеркало. Вдоволь наполоскавшись, я выпрямился и посмотрел в него. Из зеркала на меня смотрели козлиные глаза Уильяма Виндзора, над рогами которого висела горящая желтым пламенем королевская корона с острыми зубцами. Я отшат-

нулся назад, и голова козла также отдалилась. Я придвинулся ближе, она также. Я наклонил голову в бок, и Виндзора повторил это движение вместе с огненным головным убором. Я потрогал нос рукой, козел аналогичным движением при- ставил к морде копыто.

– Неужели это мое отображение, – сообразил я.

Я пододвинулся к зеркалу максимально близко, так что в поле зрения попадали только большие желтые глаза с прямо- угольными горизонтальными зрачками. В этот момент меня переполняла неистовая злоба и ненависть к этому существу.

– Вот как, козлиная, – сказал я, после чего, собравшись с силами и откинув голову максимально назад, обрушил в от- ражение в зеркале всю силу своих мощных рогов. Я увидел яркую вспышку света, которая в секунду затянулась непро- глядной мглой, засосавшей мою заблудшую душу. Перед тем как полностью отключится, я услышал приглушенный звук осыпающегося стекла и протяжное – беее.

This Is America

Открыв глаза, я понял, что нахожусь у себя в квартире. Я попытался сесть на край кровати, но у меня резко закру- жилось в голове, из-за чего пришлось вернуться в лежачее

положение.

– Зеленая ведьма, – прошептал я, вспоминая вчерашний вечер.

Аккуратно прикоснувшись ко лбу, я понял, что на голову наложена повязка. Удивительно, сама голова у меня не болела, лишь немного ныл лоб, но при этом было ощущение, что мой мозг, хотя, скорее, разум – находится за пределами тела, поэтому контролировать происходящие во мне процессы он может с небольшими паузами или задержками, возникающими между командами и их исполнением, как это происходит с дешевыми китайскими машинками на радиоуправлении. Через некоторое время я все же встал и, перебирая ватными и непослушными ногами, направился в ванную. В отражении зеркала на меня смотрело изможденное, уставшее лицо с большими кругами под глазами. На марлевой повязке виднелось несколько просочившихся пятен крови. Я ужасно хотел пить, и, открыв кран, стал жадно глотать живительную влагу. Вода была противная и тухлая, но в этот момент мне было все равно. Выполнив оставшийся ритуал утреннего моциона, я направился на кухню.

– Надо же, козлиная корононосная. Даже подумать такого не мог. Что бы это могло значить? – размышлял я, перемещаясь по квартире.

На кухонном столе лежала записка, накрытая небольшой рюмкой с прозрачной жидкостью. Я отодвинул ее и прочел послание. «Говорили тебе, не стоит брать «зеленую ведьму». Для этого напиток нужно быть подготовленным. Выпей лекарство и скорее приходи в норму. Ольга». В самом низу записки был нарисован довольно забавный смайлик.

– А может это и есть норма, – пробурчал я, после чего поднял рюмку и понюхал налитую в нее жидкость. Запах оказался довольно приятным, почему-то напомнивший мне утро морозной снежной зимы. Недолго думая, я залпом выпил содержимое рюмки. Вначале горло окатил холодок, после чего я почувствовал нарастающее тепло. Через минуту у меня действительно перестала болеть голова, мышцы расслабились, стало легко и весело – как при самой легкой стадии опьянения, на которой стоит останавливаться всем выпивающим гражданам, чтобы сохранять человеческий вид. Но надо отдать должное, в реальности так мало кто поступает. Надев рабочий спортивный костюм и кроссовки, с пакетом масок в руке я вышел во враждебный мир, про себя подумав, что металлические лица – хороший способ мимикрировать под благопристойного офисного работника после бурно проведенного вечера. На улице, явно из-за выпитого лекарства, меня не удручало ни серое небо, ни моросивший дождь, ни мелькающие перед глазами клерки и обслуживающий пер-

сонал, ни легионеры с их жертвами. Перед входом на станцию метро «Минская» я заметил целую манипулу воинов, которые выделялись на общем фоне красными одеждами и стальными латами. Легионеры чеканили шаг и ровным строем перемещались по Оболонскому проспекту в направлении станции «Героев Днепра», выкрикивая слова какой-то песни. Разобрать их было сложно, что-то вроде – легио, атерна, витрикс. Им вслед смотрели два клерка с улыбающимися масками на лицах. Проходя мимо, я услышал часть их разговора.

– Слышал, утром на выезде в город автобус с пидарасами из Нидерландов разбился, которые хотели поддержать киевский прайд на местном гей-параде, – говорил один клерк, – их еще сопровождали местные грантоеды либерального толка.

– Да, двухэтажный немецкий бус не выдержал качества отечественных дорог, положив одним махом 60 боевых пидарасов и заодно прихватив с собой пару-тройку адептов тотальной толерантности, – отвечал ему второй.

– Клинки натерты, встреча неизбежна, – хихикнул второй, и помахал свободной рукой уходящей коробке воинов.

Метрополитен в этом раз оказался обычным, за исключе-

нием обилия все тех же клерков, легионеров и полуголых сотрудниц сферы обслуживания. В ожидании поезда я рассматривал убранство станции: завораживающие узоры белорусского народного орнамента на потолке и стенах, ступенчатую конструкцию свода, подсвеченную тусклым холодным светом, облицованные каменными плитами стены и пол, и вдруг в самом центре зала увидел довольно странного человека. Он был одет в чудаковатый оранжевый балахон, весь исписанный странными буквами, напоминающими кириллицу, и символами в виде крестов, ступеней или постаментов, стрел и черепов с костями. Голову человека покрывал огромный капюшон, который полностью скрывал его глаза, и демонстрировал окружающим лишь большой нос и густую черную бороду с множественными прядями проседи. Его наряд дополнял толстый красный пояс, перевязанный в области живота. Не знаю почему, но этот человек вызвал у меня неподдельный интерес. Я подошел к нему и поздоровался.

– Все сгорит в огне потребления? – спросил он меня.

Я повторил фразу за ним, приняв ее за приветствие.

– Судя по твоему ответу, ты уже впустил потребление к себе в душу? – поинтересовался он.

– Скорее, наоборот, – ответил я, – запустил.

– Наивный глупец, – ответил старец, – на самом деле это потребление запускает тебя, но никак наоборот.

– Это как? – спросил я.

– Потребление – это конечный продукт желаний, которые навязаны всему человечеству через глобального медийного червя, пронизывающего своими щупальцами все возможные площадки, которые приковывают внимание людей – от бигборда до самого дешевого китайского смартфона. Ты думаешь, что это твое решение купить новый гаджет из-за того, что производитель вставил туда уже три камеры? Нет. Последние полгода тебя полностью устраивал твой телефон с двумя объективами, так какого черта тебе понадобилось три дырки? А все потому, что червь потребления покопался у тебя в голове – логично и доходчиво объяснив, что три дырки лучше, чем две. Недаром для продвижения нового гаджета привлекли Сашу Грей. Как видишь, потребление запускает тебя, а не наоборот. Ты всего лишь смазка для червя, чтобы ему было легче совать свои щупальца в головы таких же глупцов, как и ты сам.

Что ответить чудаку я не нашелся, поэтому просто промолчал.

– Ты знаешь, как Бог осознал себя? – неожиданно перевел разговор старец.

– После того, как произнес слово Бог, – ответил я.

– А что произошло потом? – спросил он.

Я задумался.

– Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человечества. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его, – продолжил старик.

– Об этом же говорила мне Ольга, только другими словами и с другими акцентами, – подумал я, и спросил у старца – а что произойдет, если свет людей погаснет, точнее, будет направлен не на Бога?

– Вот тогда все сгорит в огне потребления? – ответил он.

– Что это означает на практике? – уточнил я.

– Скажу тебе без теософской шелухи. Когда в людях погаснет божественный свет, точнее не погаснет, а будет заменен, точнее, вытеснен другой субстанцией, я называю ее

огнем потребления, произойдет конечная деградация, катастрофа или крах духа, а после – великая перезагрузка. За всю историю такое происходило уже несколько раз, как на локальном уровне, так и глобальном. Например, Содом и Гоморра, Великий потоп, – пояснил человек.

– А зачем это Богу? – спросил я.

– Бог здесь ни при чем, здесь все зависит исключительно от людей, поскольку Бог – это направленный на него свет человека.

– Хорошо, а в чем интерес корпорации «АйДи», которая делает все, чтобы перенаправить свет человека на свой контент? – спросил я.

– Когда божественный свет в человечестве прекратиться и начнется перезагрузка – Бог исчезнет, точнее, станет этим процессом. Сколько это продлится – не знает никто, ибо время относительно. Возможно, вечность. Ради этого момента и работает вся корпоративная машина «АйДи», поскольку в процессе перезагрузки воцариться тьма, – пояснил он.

– Но в случае с Великим потопом тьма была недолгой? – спросил я.

– С чего ты взял? – уточнил старик.

На наше общение обратили внимание два легионера, которые стояли у правого входа на станцию метрополитена, после чего резко направились в нашу сторону. Подходя к нам, они выставили перед собой большие прямоугольные скутумы, на которых позолоченной краской на синем фоне были нарисованы крылья и копыя. Я развернулся к ним, вытянул свое удостоверение, и назвался бафометовым клерком департамента антиконтента. Но это не помогло. Воины, не тронув старца, стали оттеснять меня подальше от него.

– В чем дело? – пытался сопротивляться я.

– Говорить с первым сотником запрещено, – сказал один из воинов.

Понимая, что противостоять легионерам у меня не хватит сил, я выпрямился и крикнул старцу. – Но свет все же вернется?

– Только если человек осознает себя, – ответил он.

В следующий момент с гулом на станцию влетел поезд метро, легионеры втиснули меня в вагон, двери закрылись,

и я понесся в сторону центра города.

В офис я заходил погруженный в размышления о странном старце и нашем разговоре. Аннушка и Сергей уже были на месте, и сосредоточенно смотрели в свои голубые экраны, периодически перебирая пальцами по клавиатурам.

– Здорова, – сказала Анушка, когда я направлялся к своему рабочему месту, – новое задание у тебя уже на компьютере.

После загрузки рабочей машины, в левом правом нижнем углу монитора я увидел мигающее окошечко. После клика по нему во весь экран раскрылся рабочий мессенджер с длинным перечнем имен и различных корпоративных чатов. Листая список, я периодически выхватывал знакомые имена – Степан Гаврик, Ольга Штерн, Игорь Гошовский, Владимир Высоцкай. Также в списке попадались довольно известные персонажи – Иван Ухгад, Степан Бандера, Михаил Булгаков и многие другие. В самом верху, возле окошка с именем Анна Иванова, горел восклицательный знак в красном кружке. Я кликнул по нему, после чего на табло чата появилась ссылка на youtube, которая вела на клип какого-то неизвестного мне репера Childi Shildi под названием This Is America. Надев наушники, я сразу же приступил к просмотру. Главным действующим лицом ролика выступал невысокий креп-

ко сложенный негр с голым торсом, который пел, танцевал и периодически расстреливал из огнестрельного оружия своих чернокожих собратьев, повторяя фразу, которая, прям, врезалась в голову – This Is America. Антиконтент был построен на контрастах, как музыкальных, так и сценических. Спокойная и даже радостная музыка в секунду сменялась давящим басовым бурчанием, аналогичные метания происходили и с картинкой – радостные танцы и пение, сменялись сценами убийства, суматохой и дикой тряской тел. В самом конце клипа негр убежал от кого-то с выпученными от страха глазами. Возможно, он просто обожрался какой-то наркоты, хотя не исключено, за ним после череды убийств все-таки пришли представители компетентных органов. Для усиления эффекта ролика я бы сделал эту сцену на фоне огромного бигборда с рекламой сигарет Marlboro, на котором изображен красивый белый шериф времен Дикого Запада на лошади в шикарной шляпе, лассо и прочей ковбойской атрибутикой. На его бедре в кобуре зафиксирован здоровенный никелированный Smith&Wesson 44 калибра, а сборку – скальпы представителей коренных и завезенных на континент Северной Америки африканских народов. Сверху в правом углу плаката должна была быть надпись – Come to where the flavor blood.

– Ничего, черный брат, еще настанет тот час, когда белые рабовладельцы приклонят перед тобой свои колени, а

их женщины задерут свои подола для удовлетворения твоей похоти. А самое забавное, что сделают они это по своей воле. Недаром же работает либерально-толерантный филиал корпорации «АйДи» в странах англосакского мира, – подумал я, нажав на паузу, чтобы детально рассмотреть обезумевшие глаза исполнителя.

Подобный продукт не редкость в наше время, его задача призвать угнетаемое население восстать против прогнившей системы. Задача ролика вызвать ощущение безысходности, несправедливости и бесценности человеческой жизни – в том смысле, что она не стоит абсолютно ничего, чтобы направить эти чувства в протест, восстание и противление властям или любым другим акциям с сопутствующей агрессией и злобой. Но фишка в том, что вопросы продуцирования ненависти к чему бы то ни было, о чем я уже догадывался, но еще не мог сформулировать – это компетенция исключительно корпорации «АйДи». Но конкретно этот продукт был заряжен другим смыслом. За счет контрастности, умело расставленных акцентов, графического фона, рваного музыкального ряда он обладал противоположным эффектом. Он не вызывал агрессии к режиму или системе, он наполнял сердце любовью к ближнему, жалостью и состраданием к недалеким, поэтому агрессивным неграм. Увы, рабство продолжает жить и сегодня, но теперь оно приобрело более ужасную форму внутренней духовной клетки. И чем силь-

нее раб духовный – тем неистовей и яростней внешнее проявление агрессии и ненависти. Конечно, такой посыл клипа читали далеко не все, но кто понимал его истинное значение, в ужасе отворачивался от дальнейшего потребления контента, что означало направление света в сторону Бога. Всего за неделю клип посмотрело уже более 100 миллионов человек, и даже если хотя бы 1% потребителей улавливал истинный мотив или посыл автора, то корпорация «АйДи» уже бы потеряла миллион пользователей, что было весьма серьезным ударом по квартальным показателям компании. Конечно, это больше касалось североамериканского филиала корпорации, но в эпоху интернет-технологий ролик хорошо смотрели во всех отделениях Кухни, включая наш серый уголок. Мои первые размышления над стратегией противодействия этому продукту ЗАО «Генератор света», увы, не привели к положительному результату. К обеду меня стало морозить, из-за чего думать о концепции стало еще сложнее. Я хотел выйти на обед, но, не желая тратить время на хождение и ожидания заказа в кафе, придумал альтернативный вариант, вспомнив о пачке выданных Владимиром Семеновичем долларов.

– Аннушка, а если просто поджечь купюры прямо здесь – в качестве перекуса на рабочем месте? – спросил я.

– Так, конечно, можно сделать, но для бафометова клер-

ка это недопустимо, поскольку употребление пищи в таком виде опускает достоинство. Так недолго скатиться до швейцара или проститутки, – ответила она, явно в шутку.

– Ты думаешь, мы чем-то лучше? – парировал я, усмехнувшись.

– Боюсь, намного хуже. Достоинство бафометова клерка этот как гиднисть евромайдановца, подтирающего зад итальянскому старику в рамках безвизового режима с Европейским Союзом, – на полном серьезе сказала она.

Я достал из сумки доллары, вытащи из одной пачки пять бумажек, смял их в небольшой кривой бумажный шар, положил на металлический алюминиевый поддон, который служил боксом для документов, и поджег с помощью зажигалки. Купюры загорелись и стали выделять черно-серый дым. Я пододвинул к шару лицо и сделал глубокий вдох. В отличие от ароматных купюр баров и ресторанов в нос ударил какой-то кисло-соленый смрад. У меня закружилась голова, появились позывы тошноты, и я начала кашлять как туберкулезный больной.

– Что это? – спросил я, после того как приступ кашля стал стихать.

– А ты думаешь, мы от нечего делать по барам ходим, – рассмеялась Аннушка, – купюры самые настоящие. Наверняка тебе знакома идиома, что деньги зарабатывают потом и кровью. Собственно, этот пот, кровь, надежды, мечты и прочие производные процесса зарабатывания денег оседают на этих бумажках, так сказать квинтэссенция человеческого труда, боли и чаяний в чистом виде. В ресторанах над ними проводят специальный очистительный ритуал. А ты думал, мы просто так платим за это золотом.

– На самом деле, это на любителя. Ко всему можно привыкнуть. Главное, что эффект тот же, – добавил Георгиевский.

В этом Сергей был прав. Мне действительно стало тепло, скажу даже больше, огонь, прям, разбирал меня изнутри. Это как с качественного белого вина, конечно же, французского, перейти не на самую низкосортную бормотуху местного разлива. Вкусовые качества, конечно, не очень, но эффект – то, что надо. Более того, не знаю почему, но в этот момент у меня в голове зазвучала песня Childi Shildi – This Is America. Ко мне пришло рабочее вдохновение, и я стал быстро стучать пальцами по клавиатуре, прописывая стратегию противодействия этому антиконтенту. На основе этого ролика следовало запустить серию кавер-версий, которые просто размоют смысл оригинала. На территории постсоветско-

го пространства акцент необходимо сделать на местной ментальности. Например, можно задействовать фрика Гованського, который запишет клип «Это Россия» – разбавленный классическим набором клюквы о стране – водкой, медведями, балалайками, кокошниками, автоматами Калашникова, произволом полиции, чиновников, прочих коррупционеров и другим колоритом суровой местной реальности. Так сказать, доходчиво рассказать и показать в каком дерьме живет северный сосед, но сделать это нужно самым плоским образом – просто навалить на страну и ее жителей порцию отборного дерьма. Этот клип хорошо зайдет у нас на фоне концепции «Геть від Москви», хоть и Владимир Семенович считает, что подобный контент теряет позиции вместе с «Рукой Кремля». Но теряет, еще не значит потерял. Да и в соседней стране, точнее филиале Кузни, его хорошо проглотят в среде потребителей либеральной пропаганды. За поребриком многие получают удовольствие, когда их страну с голубых экранов поливают золотым дождем. Ну а дальше этот флэшмоб подхватят и другие светила блогосферы. К этому контенту мы подключим армию ботов Георгиевского, которые в комментариях поддержат общую канву говномокания «русского мира». В этот же день я представил свою концепцию Владимиру Семеновичу, получил его одобрение, правда, с очередным упреком в использовании протухающих трендов, и довел задачи до Георгиевского. Несмотря на успешно выполненную работу к концу рабочего дня меня стала овладевать

хандра. Вместо чувства морального удовлетворения у меня возникло какое-то отвращение к себе, коллегам и к корпорации «АйДи» в целом. Я ощущал себя участником какой-то зловещей аферы, которая грозит закончиться для всех нас чем-то очень нехорошим. В XIX веке русские офицеры дворянского происхождения сбрасывали с себя груз армейской рутины довольно странным способом. Со словами «забыться хочу, к цыганам», они заскакивали на своих лошадей и направлялись в табор к ромам, где топили свою хандру водкой, дикими танцами, стрельбой во все стороны и продажной любовью. И мне так захотелось перевоплотиться в императорского поручика прошлого века, запрыгнуть на бравого рысака и ускакать к чертовым цыганам, чтобы на время забыть себя, свои дела и поступки. Я прекрасно понимал, что сделать это невозможно.

– Но нажраться водки можно же, – подумал я, и вспомнил о напитке, который Ольга оставила у меня на столе для лечения последствий общения с «зеленой ведьмой».

Открыв общий корпоративный чат, я отыскал ее имя в списке, и написал:

– Добрый вечер. Очень благодарен за оставленное утром лекарство. Оно действительно помогло, но к вечеру мое раненое тело и душа вновь требуют дозы медицинского препара-

рата. Прошу оказать содействие, если это возможно. В ответ пришел улыбающийся смайлик. Затем: – Привет, Глеб. Есть только одно лекарство, которое помогает прийти в себя после тяжелого вечера – это разбавленный чистой водой спирт.

– А где его можно достать? – поинтересовался я.

– В 18:05 выходи на улицу, подарю тебе бутылку, – написала Ольга.

В указанное время я вышел из здания. Ольга уже стояла на улице в традиционной школьной форме, вплетенными в волосы белыми бантами, а ее лицо закрывала улыбающаяся маска. Я скрывал свое лицо за маской безразличия. Она протянула мне пакет и сказала – главное, не переусердствуй, как говорят братья-поляки – «Цо занадто, то нездрowo».

Я поблагодарил ее, и хотел было предложить выпить спирт вместе, но она, как бы предугадав мое предложение, опередила меня:

– Я бы с удовольствием составила тебе компанию, но, увы, сегодня не могу, еще есть дела.

– Мне больше достанется, – в очередной раз попытался пошутить я.

– Хорошего вечера, – сказала Ольга, развернулась и направилась в сторону припаркованного у обочины большого черного Audi A8 Long.

Она открыла заднюю дверь и погрузилась в салон. Несмотря на скоротечность этого действия, я успел заметить пассажира, который ожидал Ольгу в автомобиле. На заднем кресле сидел крупный белый козел Уильям Виндзор. Правда, в этот раз у него было не козлиное, а человеческое тело в строгом деловом костюме. Машина резко стартовала с визгом шин и понеслась в сторону станции метро Кловская.

– Ах ты ж козлиная рожа, – подумал я, и по моему телу пробежала волна злости.

Недолго думая, я раскрыл пакет, достал из него бутылку, откупорил крышку и сделал плотный глоток спасительной жидкости. Напиток оказался не таким приятным, как утром, я даже сморщился, но практически сразу почувствовал по всему телу волну тепла.

После нескольких повторений накатившая в конце рабочего дня печаль стала отступать, а ее место в душе занимали легкость и ирония, а чуть позже слабоумие и отвага.

– Ничего, клерк, даже в темные времена можно найти счастье, если при этом не забывать обращаться к свету, – сказал я вслух, вспомнив одного раскрученного корпорацией «Ай-Ди» мага.

Сделав еще один глоток разбавленного спирта, я неспешно поплелся к метрополитену. Возле шестиэтажного кирпичного дома на улице Мечникова я заметил legionera, который стоял на коленях и, взяв ладони вверх, что-то бормотал. Мне стало интересно, и я подошел к нему поближе.

– Неужели тебе мало той крови, которой я окропил белые камни достойного поклонения города и стены крепости черных рыцарей на берегу янтарного моря, – взывал к кому-то воин.

Легионер был давно не молод – на вид около 70 лет, при этом старик излучал силу, крепость и выносливость. Лорика его была открыта, и я смог рассмотреть на его тунике орден Боевого Красного знамени и медаль «За отвагу». Такие же награды были у моего деда, поэтому я как-то сразу проникся к этому ветерану. Уловив мое присутствие, легионер резко обернулся и внимательно посмотрел на меня.

– Что хочешь, бафометов прислужник? – спросил он.

– У моего деда были такие же награды как у вас. А еще два ордена «Красной звезды» и медаль «За освобождение Варшавы».

Легионер внимательно посмотрел мне в глаза, затем еще шире раздвинул расстегнутую лорику, и я увидел на его груди орден «Ленина», а чуть повыше – золотую звезду героя.

Я убрал маску от лица и сказал: – Мы в неоплатном долгу перед вами.

– А, может, ты ошибаешься. Сидели бы сейчас в барах, пили немецкое пиво, ездили на мерсах? – съязвил он.

– Сейчас все так и происходит, – парировал я, – только по нашей воле. Но главное, есть кому пить пиво и ездить на немецких машинах.

После небольшой паузы я протянул в его сторону бутылку со спиртом. Старик поднялся, подошел в плотную ко мне, и со всего размаху двинул кулаком в лицо, из-за чего я повалился на землю. Ко мне кто-то подбежал и помог подняться. Боковым зрением я заметил, что это была девушка.

– Ты что творишь? – крикнула она на легионера, – в пре-торианские казематы захотел?

Воин злобно посмотрел на нее. Девушка, достала из кармана своего фартука мобильный телефон, несколько раз кликнула по экрану, после чего приложила аппарат к уху.

– Преторианская гвардия, – сказала она в трубку, после чего стала внимательно всматриваться в пластины, закрывающие правое плечо солдата, где были выбиты какие-то цифры и буквы, – легионер VML1273-11 побил бафометова клерка возле метро Кловская. Хорошо, ждем.

В этот момент я узнал в своей спасительнице Аннушку.

– Глеб, тебе не говорили, что с легионерами лучше не общаться? – сказала она, протягивая мне выпавшую из рук маску, – хорошо, что отделался небольшим синяком.

– Не думал, что будет такая реакция, – ответил я.

Легионер неподвижно стоял и продолжал злобно смотреть на нас.

– Зачем ты так? – спросил я старика.

– Пойло свое сам жри, черт, – ответил он.

Возле нас припарковался черный микроавтобус, из которого стали выпрыгивать legionеры, правда туники их были не красными, а фиолетовыми, а шлемы были не имперскими гальскими или итальянскими, а похожими на средневековые германские салады без забрала с большим назатыльником, закрывающим заднюю часть шеи. Один legionер держал в руке штандарт, который представлял растянутое на горизонтальной планке квадратное знамя красного цвета с изображением черной свастики, но не с прямыми, а закрученными в круг лучами. Венчал штандарт металлический набалдашник в виде козлиной головы, на лбу которого были выбиты цифры 666. Два солдата взяли старика под руки и повели его к машине. Один из преторианцев вытянул в направлении legionера какой-то небольшой жезл и крикнул: – фустуарий. Когда все погрузились, с лязгом хлопнула дверь, и автомобиль уехал в неизвестном направлении.

– Чудак, ты Глеб, – сказала Аннушка, – чего тебя к нему потянуло?

– У него были такие же боевые награды, как у моего деда, – ответил я.

– Ничего удивительно, – ответила она, – он реально воевал, и действительно награжден всеми этими наградами. Забываю, что ты новый человек в нашей компании и много еще

не понимаешь. В силовой блок Кузни берут реальных солдат, погибших во время всех войн, которые велись человечеством с самых древних времен. Великая Отечественная война не исключение. Солдаты, Глеб, это такие души, которым нет места под небом конкурирующего ЗАО, с другой стороны пролитая за Родину кровь, в широком понимании этого слова, не делает их постояльцами Кузни. Да, они положили на алтарь победы, свободы и будущего самое ценное – здоровье и жизнь, с другой стороны – все они убийцы с забрызганными кровью руками. Можно сказать, что они застряли в полутени или полусвете. Решение по ним было принято еще во времена Древнего Рима. У «Генератора Света» и корпорации «АйДи» есть общий непрофильный бизнес. И как ты понимаешь, такие подряды лучше отдавать на аутсорсинг. Между компаниями был заключен договор о передаче солдатам коллекторских функций, проще говоря – выбивания долгов. За все, Глеб, в жизни надо платить. И легионеры взимают оплату по совершенным делам.

– Теперь понятно, откуда все эти лорики, скутурмы и пилумы, – заключил я.

– Нет и не будет более величественной, красивой и монументальной формы, чем у солдат римского легиона, – улыбнулась Аннушка, и добавила, – когда-то давно вопросами взимания греховной платы занимались специальные клерки,

которые носили шкуры черных козлов, маски в виде свиных морд с короткими острыми рогами, но с развитием потребления корпорация и ЗАО сфокусировала все свои силы на товарной и виртуальной конкуренции.

– Этот солдат стоял на коленях и обращался к кому-то? – спросил я.

– Да, у некоторых легионеров такие периодические бывают – выгорают на работе. Просят у генерального директора «Генератора Света» покоя. В такие периоды обострения они могут вести себя крайне агрессивно по отношению к сотрудникам корпорации, в чем, собственно, ты мог убедиться. Но подобные фривольности быстро и жестко пресекаются. После наказания они становятся как шелковые, – пояснила Аннушка.

– И покой они получают? – уточнил я.

– Я лично подобного ни разу не видела, но слышала, что в редких случаях легионеры могут его заслужить. Точно знаю одного воина, который был освобожден от функций коллектора. Впрочем, тут его все знают. Правда, покой он так и не получил. Его до сих можно встретить в Кузне. В основном он пытается посеять зерно сомнения и смятения в бафометовых клерках, но пока какого-либо успеха в этом деле он

не добился. При этом легионеры его очень уважаю, и даже почитают, – отметила Аннушка.

– А как его зовут? – спросил я.

– Чаще всего его называют «примус». Сам же он величает себя Лонгином, – ответила она.

– Мне кажется, я сегодня встретился с ним в метро, – сказал я.

– Не удивительно, обычно он привлекает внимание молодых клерков. Опытные сотрудники его игнорируют, – рассказала Аннушка.

– А ты с ним общалась? – поинтересовался я.

Аннушка покачала головой.

– А кто были солдаты, которые забрали легионера? – продолжил расспрашивать я.

– В каждой семье, структуре и народе есть откровенные мудаки. Среди солдат – аналогично. И самые откровенные твари как раз формируют преторианскую гвардию. Это в прошлом откровенные головорезы, насильники, палачи и са-

дисты. Впрочем, говорить в прошедшем времени не совсем корректно – бывших мудаков не бывает. Несмотря на то, что эти бойцы якобы погибли при защите родины, к свету они не имеют никакого отношения. Более того, если легионеры не подчиняются никому, а выполняют свои обязанности по контакту, то преторианцы работают под началом корпорации «АйДи». Они выполняют функцию псов Кузни, которые контролируют деятельность всего легиона, а также выполняют деликатные поручения нашего руководства. Весьма условно их можно сравнить с тайной службой и военной полицией в одном лице. Простые легионеры их не жалуя, но против закона не идут. Для них устав превыше всего. К тому же между преторианцами и легионерами давным-давно установлены красные линии, за которые они не переходят. Например, преторианцы в отношении легионеров не применяют наказания, которые унижают их достоинства. Выпишут штрафнику пару десятков палок по спине, он отлежится два дня и вновь в бой. Легионеры относятся к этому ровно. Их философия – за каждый поступок надо отвечать, – объяснила коллега.

– Выпить хочешь? – предложил я Аннушке, продемонстрировав бутылку со спиртом.

– Давай, – согласилась она, – Только не здесь. Поехали на Владимирскую горку.

Я кивнул. Аннушка позвонила кому-то по телефону, и буквально через пару минут подъехало такси, которое быстро домчало нас до нужного места. Мы расположились на лавке с видом на великий Днепр прямо возле памятника князю Владимиру, который почему-то вместо креста держал в руке английскую букву f, которая была подсвечена голубыми неоновыми огнями словно вывеска. На плите фронтальной части постамента была сделана надпись: «Новая эра – новая вера». Я вынул из пакета бутылку и протянул ее Аннушке. Сделав глоток, она вернула ее мне. Я сразу же повторил ритуал.

– Как тебе наша работа? – спросила она.

– Как в анекдоте. Вроде бы все нормально, но осадок неприятный, – сказал я, и вновь протянул ей бутылку.

– Каждый волен делать свой выбор, – ответила она, принимая спирт.

– Тут очевидно, какой все мы выбор сделали, – сказал я, и как-то злобно засмеялся.

Аннушка ничего не ответила, а просто сделала еще один глоток. Воцарилось молчание.

– Хотел тебя попросить – расскажи на конкретном примере, как ты определяешь антиконтент? – прервал тишину я.

– Вопрос на миллион долларов, – улыбнулась Аннушка, – в сети очень много роликов, которые очень похожи на антиконтент, но по факту таковыми не являются. Например, как ты думаешь, клипы Васи Обломифа – это антиконтент или контент?

Я задумался. У этого исполнителя были смешные, саркастические ролики, в которых он высмеивал современную российскую действительность – от низкого уровня культуры и образованности общества до безграничной низости политических элит – во всех самых гадких смыслах этого словосочетания. Его клипы заставляли потребителя задуматься о том, что в стране происходит что-то не так.

– Думаю, антиконтент, – ответил я неуверенно.

Аннушка хихикнула.

– Не совсем. Вот что у тебя вызывают его ролики?

Я вновь задумался.

– Ненависть к власти – от чиновников и правоохранителей до Кремля, к быдлу, с которым приходится ежедневно сталкиваться на улицах, и к нравам, царящим в обществе, – сказал я.

– Вот именно, – подтвердила Аннушка, – ненависть никогда не приводит к свету. Все люди разные, соответственно и контент нужен разный. Для либерально-толерантной аудитории, включая представителей нетрадиционной ориентации, нужен особый продукт. Этим вопросом занимается специальное управление при Департаменте скреп и клюквы.

– Одно управление вопросами либералов и геев? – уточнил я.

– Подходы там одинаковые, только картинки немного разнятся, – ответила Аннушка, – ты же уже должен понимать, что задача контента сконцентрировать внимание. Сфокусировать клиента на какой-то проблеме, заставить мусолить ее, лайкать, комментировать, репостить, а после потреблять иной похожий контент. Задача антиконтента – вообще прервать потребление.

– У сообщества пидарасов и либералов свои скрепы, – пробубнил я.

– Так точно, – подтвердила Аннушка.

Я сделал еще глоток спирта и вспомнил вопрос, который давно хотел выяснить, но спросить было не у кого.

– А почему у клерков такая рабочая одежда? С масками все понятно – истинные эмоции здесь никому нахрен не нужны, но при чем тут спортивные костюмы и армейские береты, а также школьная форма, банты и чулки со шпильками? – спросил я.

– Здесь нет ничего сложного, – улыбнулась Аннушка, – мужской спортивный костюм и девичья школьная форма – дань уважения предыдущим поколениям клерков, которые упорно трудились на благо потребления во времена советской империи, когда выбор внешнего вида сотрудников был сильно ограничен возможностями легкой промышленности – в условиях плановой экономики, а также вкусом чиновников, которые утверждали тот или иной вид одежды. А кроссовки Adidas, чулки и туфли на шпильках – символ того, что даже в условиях тоталитарной системы и закрытых границ всегда есть место контрабанде и блату.

Я засмеялся: – А береты зачем?

– Береты носят по личному усмотрению. Военный го-

ловной убор подчеркивает важную роль нашей работы. Все мы солдаты на поле битвы потребления. Хотя, этот элемент одежды носят только самые упоротые сотрудники.

Внезапно я почувствовал себя пьяным и разбитым. Мне очень сильно захотелось спасть.

– Аннушка, отвези меня домой, пожалуйста. Что-то я устал, – попросил я коллегу.

– Не вопрос, – сказала она.

Через несколько минут мы уже сидели в салоне автомобиля, и я, уткнувшись в окно лбом, с закрытыми глазами плыл на волнах алкогольного транса. Из машины я выходил с трудом – с ярко выраженными нарушениями координации. Аннушка взяла меня под руку и помогла добраться до квартиры. В комнате она помогла мне раздеться и лечь в кровать. Во время этого процесса у нее из-под одежды выскользнул кулон на тонкой серебряной цепочке. Украшение было сделано в виде жука-скарабея, который в какой-то момент расправил удивительные крылья нефритового цвета и издал жужжащий звук, после чего я отключился.

Инициация

Последующие дни и недели прошли в рабочей рутине. Я продумывал стратегии противодействия антиконтенту, согласовывал их с Владимиром Семеновичем, после чего доводил задачи Георгиевскому. Практически каждый вечер я выпивал немалую порцию алкоголя, который покупал в магазинчике недалеко от офиса – этот лучик света в хмуром царстве мне показали коллеги. Разбавленный спирт помогал подавить чувства брезгливости и мерзостности к окружающей действительности, к своей работе, да и к себе самому, выполняющему эту работу. С каждым разом я все острее ощущал свою причастность к грязному делу, и алкоголь помогал мне заглушить эти чувства. Я все реже убирал маску от своего лица, и мне стало казаться, что я все больше становлюсь похожим на Владимира Семеновича, который также топил свою печаль, правда, в другом дурмане. В один из дней меня вызвал к себе начальник. Я как раз заканчивал разработку стратегии противодействия вирусному ролику кришнаитов, который активно набирал популярность на youtube, и подумал, что вызов связан с этим вопросом. Клип представлял собой непродолжительное видео, явно снятое на дорожную камеру с применением продвинутой системы стабилизации изображения. Картинка была сочной, плавной и не дерганной. По улице Богдана Хмельницкого шла группа кришнаитов – до 15 человек, между которыми ловко маневрировал оператор. Парни и девушки в разноцветной одежде просто шли по улице и пели мантру «Харе Кришна, Харе Рама» под сопровож-

дение аккордеона и всевозможных ударных инструментов – от больших барабанов до каких-то маленьких звонких медных тарелочек. За процессией наблюдал какой-то парень в хорошем дорогом костюме и с авторитетной черной кожаной папкой в руке. Вначале на его лице появилась улыбка, а когда толпа свернула с улицы к Владимирскому кафедральному собору, он, непроизвольно выронив папку из руки, пошел вслед за ними. На этом ролик обрывался. Почему-то от этого карнавального действия становилось радостно и светло на душе. После просмотра видео у меня возникло, прям, непреодолимое желание идти в неважно каком направлении за этими ребятами и слушать их музыку и гимны, как это сделал случайный герой видео. И я действительно надевал наушники, запускал ролик по кругу, и направлялся из офисного центра куда глаза глядели. Я перебирал ногами и не думал ни о чем, словно крыса, идущая за играющим на дудочке крысоловом. В ушах просто играла музыка и незатейливые слова мантры, а в голове воображались веселые девушки и парни в разноцветных одеяниях. И я был частью этой компании, музыки и молитвы. Не заметив выступ на земле, я споткнулся и упал, из-за чего штекер наушников вырывало из разъема моего смартфона. Отряхивая испачканные штаны, я уже понимал, как нужно противодействовать этому контенту. Цель ролика – с помощью музыки, гимнов и обилия разноцветных одежд погрузить человека в состояние отрешенности от мира и мыслительного процесса. В перспекти-

ве это настрой должен был продолжиться в человеке и после завершения ролика. Что это означало на практике: с исчезновением мыслей прекращалось и потребление контента, более того, возвращение к обычному состоянию происходило путем осознания себя. Это было сродни процессу осознания Сиддхаттха Готама, но в сильно усеченном виде. Условно сравнить это можно со вспышкой на черном небе, только очень маленькой и непродолжительной. Но, как известно, все большое начинается с малого, поэтому негативные последствия для корпорации «АйДи» были очевидны. Нужно было создать блокирующий нарратив, который бы нивелировал антиконтентный эффект ролика. Цветной палитре надо было противопоставить серые и выцветшие тона, музыке – тишину, мантре – крепкую языковую формулу. Говоря без экивоков, стремление к отрешению должно разбиться о свою противоположность – Бог на глазах потребителя должен превратиться в демона. В голове вырисовывалась картинка: заброшенный деревянный дом с сорванной крышей и пустыми оконными рамами, из которого выглядывает мужик с огромной седой бородой, так сказать постмодернистическое изображение Бога в духе американских мультфильмов на библейскую тематику начала 90-х годов прошлого века, только не в белой, а черной бомжовской одежде. Какое-то время мужик смотрит на зрителей без слов, но потом громким голосом, словно небо прорезает раскат грома, говорит: – Вы кто такие? Я вас не звал! Идите на хуй! На этом моменте

ролик обрывается. Блокирующий клип следовало запускать сразу после завершения ролика «кришнаитов», а еще лучше перебивать его в середине просмотра. Возможности для этого у корпорации «АйДи» были. Эффект клипа кришнаитов уничтожался на корню. Когда я зашел в кабинет начальника, Владимир Семенович сидел спиной к столу, тихо играл на гитаре и так же тихо пел:

– Где-то кони пляшут в такт,

Нехотя и плавно.

Вдоль дороги все не так,

А в конце – подавно.

И ни церковь, ни кабак —

Ничего не свято!

Нет, ребята, все не так,

Все не так, ребята!

Я кашлянул.

– А, Глеб, – сказал он, поворачиваясь и убирая гитару в сторону, – присаживайся.

– Владимир Семенович, я закончил с кришнаитами, – отрапортовал я.

– Да, – сказал он, прикуривая, – хорошо, но речь сейчас не об этом. Уже прошло почти две недели с момента тво-

ей работы в нашем департаменте. Собственно, с работой ты справляешься. Конечно, не так как бы хотелось, но пока сойдет. Есть куда расти. Завтра мы с тобой пойдем к генеральному директору. Долговременные контракты с сотрудниками подписывает он.

Я ничего не сказал на это.

– Сбор завтра после работы. На этом все, – сказал Владимир Семенович, и, развернувшись ко мне спиной, стал вновь дергать струны на гитаре.

На следующий день ровно в 18.00 я подошел к кабинету начальника и постучал в дверь. Владимир Семенович сам открыл дверь и вышел мне на встречу. В этот раз начальник был одет в рыцарские латы черного цвета, а его голову украшал шлем, напоминающий голову горного барана с закрученными рогами. На бедре начальника был закреплен скандинавский боевой топор. Я же был в стандартном костюме клерка, лицо закрывала маска безразличия.

– Готов? – спросил он у меня.

Я угукал в ответ, и Владимир Семенович уверенной походкой и характерным металлическим лязгом направился в сторону лифта. Я зашаг вслед за ним. В лифте начальник на-

жал на верхнюю кнопку, если я не ошибаюсь – 666 Н, и мы понеслись вверх. Выйдя из кабины, мы оказались в огромном зале, который по своему внутреннему устройству очень походил на трехнефный готический собор. По бокам центрального зала вверх к нервюрному своду тянулись мощные резные колонны высотой около 20 метров. Примерно в середине каждого из столбов на специальном выступе были установлены скульптуры рыцарей в шлемах разных типов – от классических норманнских до вычурных арметов. Все шлемы были объединены одной деталью: каждый стальной головной убор комплектовался мощными закрученными рогами. В проемах между колоннами виднелись огромные витражи из цветного стекла, на которых были изображены сражения воинов в черных доспехах и рогатых шлемах с рыцарями в белых латах с закрепленными за спинами, как у элитных легких кавалеристов Речи Посполитой, лебедиными крыльями. По всему залу тянулись многочисленные светодиодные нити подсветки – в основном красного и теплого желто-оранжевого цветов. В конце зала располагался прямоугольный стол, а сразу за ним огромный постамент из черного мрамора, за которым была установлена огромная – почти во всю высоту зала скульптура рыцаря со шлемов в виде головы козла с огромными закрученными назад зубчатыми рогами. За спиной воина вздымались громадные лысые кожистые крылья, которые наплывали на свод. Приближаясь к столу, я заметил сидящую за столом фигуру козла. Однако,

подойдя вплотную, я понял, что это был человек с козлиной мордой, точнее с головным убором в виде натуральной козлиной головы. За несколько метров до стола Владимир Семенович остановился, согнул руку с выпрямленной ладонью в локте и произнес: – все сгорит в огне потребления. Я повторил за ним.

– Да будет так, – сказала фигура за столом, после чего поднялась и подошла к нам.

Человек с козлиной головой протянул обычную человеческую руку Владимиру Семеновичу, и они обменялись стандартным мужским рукопожатием. После чего человек обратил внимание на меня.

– Глеб Вадатурский, очень раз знакомству, – сказал человек и протянул мне руку. Я ответил на его жест – рука у него была обычной, а рукопожатие осязаемое, но не крепкое.

– В нашем дружном коллективе, конечно, в неформальной обстановке коллеги называют меня Уил или Вилл, но мне больше нравится Иван или Ваня. Поэтому предлагаю без лишнего пафоса при личном общении общаться свободно и непринужденно. И да, маску можно убрать, не в театре же, – сказал, он и первым стянул у себя с головы козлиную морду.

Лицо генерального директора корпорации «АйДи» оказалось не то что знакомым, его, пожалуй, знали абсолютно все жители нашей, да и не только нашей страны. За маской козла скрывался известный ведущий российского телевидения Иван Ухгад.

– Рука Кремля, – подумал я про себя.

– Владимир, спасибо, – обратился Иван к моему начальнику, – рыцари ждут вас в тронном зале.

Владимир Семенович слегка кивнул головой, и направился в направлении скульптуры крылатого рыцаря, где затем растворился в темноте.

– Сигарету? – предложил Иван, вынув из кармана большой позолоченный, а, возможно, и золотой портсигар, на крышке которого была сделана выпуклая накладка в виде заключенной в треугольник геральдической лилии.

Заметив мое любопытство, Иван улыбнулся, и сказал – подарок от одного отпрыска Бурбонов после седьмого крестового похода в память о запуске нашего нового на тот момент тренда – «тамплиерского заговора».

Я достал из портсигара первую попавшуюся сигарету. К

моему удивлению, это оказалась старая советская папироса «Беломорканал». В ранние студенческие годы я покупал такие, чтобы изготавливать косяки. Возможно, Иван хотел напомнить мне об этом, но, скорее всего, смысл послания был в другом – Беломорканал протяженностью 227 километров был построен в рекордные сроки заключенными Белбалтлага. Вероятно, я, как и эти работники принудительного труда, должен был сделать что-то ударное в интересах Кузни, точнее корпорации «АйДи», может быть даже, положив на алтарь трудового подвига единственную свою ценность – свет. Сжав гильзу папиросы в двух местах, как это делали курильщики в пик популярности «Беломорканала», я зажал ее между губами и подкурил. Едкий и горький дым заполнил легкие, а в голове слегка закружилось.

– Мне понравились твои стратегии, – начал Иван, – сделаны они просто, но с четким попаданием в аудиторию. Поэтому без особых прелюдий – я рад приветствовать тебя в нашей команде.

– Благодарю, – ответил я.

– А скажи, Глеб, без обиняков – прямо и честно, ты ведь не рад, что работаешь на нашу корпорацию? – неожиданно и при этом непринужденно спросил Иван.

Я завис, пытаюсь понять, что надо ответить.

– Бывает же так, что кажется одним, но по факту таковым не является, – продолжил Иван, – Как ты думаешь, что было бы с человечеством, если каждый представитель этого рода пытался осознать себя, или Бога в себе, или себя в Боге, что по большому счету является одним и тем же?

– Думаю, мир был бы гораздо лучше, – ответил я.

– Так думает большинство людей, не посвященных в истинную суть вещей. Увы, так устроен человек – он видит только белый свет или непроглядную тьму. А как же полутона, тени? Если каждый человек сосредоточится на осознании, кто тогда будет рожать и растить детей, кто будет строить, создавать, созидать, любить и ненавидеть, другими словами – жить? Ведь слившись со светом, человеку больше ничего не будет нужно и важно. Как тогда сохранится жизнь?

Я задумался. В словах Ивана были весомые аргументы, но он явно представлял картину в выгодном для себя свете.

– А почему осознав себя нельзя любить и созидать? – спросил я.

– Потому что осознание в конечном итоге превращается

тебя из участника процесса в само действие. После того как Сиддхаттха Готама осознал мир, то прекратил быть собой, он стал просто светом, на которой полетели другие мотыльки в слепой вере в его сияние. В осознании нет ничего плохого, но в него нельзя погружаться безоглядно, как сказал бы Пушкин – бессмысленно и беспощадно, – пояснил Иван.

– Но ведь Бог создал жизнь, в чем логика? – не унимался я.

– Когда-то ЗАО «Генератор Света» и ООО «АйДи» были одной большой корпорацией. Но различное понимание жизни и вынудило нас стать по разные стороны баррикады. Голый свет, чего хочет добиться Генсвет, на самом деле пустота, в которой нет ни предметов, ни растений, ни людей, а значит и жизни. А пустоте плевать на все остальное. Изначально жизнь – это сбой или ошибка, которая возникла из света в результате великой вспышки. Просто объем света достиг такой критической массы, что для этой мощи потребовался какой-то выход – взрыв, который привел к зарождению жизни. Теперь же Генсвет пытается исправить эту ошибку.

Не сказать, что слова Ивана потрясли меня. Но почему-то я был уверен, что в его словах есть определенная доля правды.

– Если тебя будут тревожить мысли, связанные с нашим общим делом, смело приходи. Я открыто и честно отвечу на все твои вопросы, – добавил Иван.

Я вновь кивнул.

– Нам надо соблюсти одну формальность, в качестве данни традициям, – с этими словами Иван положил на стол желтоватый лист бумаги, ручку для письма в виде длинного орлиного или вороньего пера темного цвета, и позвонил в небольшой золотой колокольчик, стоящий на столе. Откуда-то со стороны огромной фигуры черного рыцаря с крыльями вышла полностью обнаженная девушка с огненно-рыжими волосами. На ее ногах были надеты черные лакированные туфли с огромными каблуками, а нижнюю часть лица закрывала марлевая повязка. В руках девушка держала поднос, на котором стояла небольшая хрустальная чаша, жгут, шприц и кинжал. Девушка подошла ко мне вплотную и застыла в неподвижной позе, как королевский гвардеец во время караульной вахты.

– Предлагаю тебе ознакомиться с контрактом – это типовая форма, которая предлагается всем нашим сотрудникам. После чего тебе нужно поставить под документом подпись своей кровью. Эту церемонию можно сделать классическим способом – сжать острый кинжал ладонью, чтобы кровь по-

текла по лезвию и наполнила чернильницу. В таком случае предлагают брать нож левой рукой. Или же другой вариант – Эллочка возьмет у тебя кровь из вены при помощи шприца. Вторая процедура проще, но при этом теряется торжественный момент, если так можно сказать, – улыбнулся Иван.

Торжественный момент ему захотелось, – подумал я про себя, после чего дал ответ – с детства не переносил вида крови, лучше через шприц.

– Как будет угодно, – не стал противиться Иван.

Эллочка быстро и уверенно, видимо, я был далеко не первый ее клиент, затянула мне выше локтя жгут, попросила поработать кулаком, и почти безболезненно наполнила шприц моей кровью. После этого она вылила содержимое шприца в чернильницу и ретировалась, унеся поднос с ненужным инструментом. Я стал внимательно читать контракт. Поначалу документ выглядел как стандартный трудовой договор: ООО «Корпорация «АйДи», именуемое в дальнейшем «Работодатель», в лице генерального директора Уильяма Виндзора, действующего на основании устава, с одной стороны и Глеба Вадатурского, именуемого в дальнейшем бафометов клерк, с другой заключают контракт о нижеследующем: Работник принимается на работу в Департамент антиконтента на должность главного стратега. Затем шло описание прав и

обязанностей работника, включая оплату и защиту от легионерского произвола. Срок действия договора определен не был. В этом месте почему-то стоял прочерк. Прекращение договора производилось по решению корпорации «АйДи». В самом конце договора курсивом и более мелким шрифтом была написана строчка: Свет бафометова клерка передается в распоряжение «АйДи» на постоянной основе. Еще ниже стояла круглая печать, состоящая из популярных на Кузне цифр, названия организации и изображения головы козла в пентаграмме, над рогами которого возвышалась корона. Вместо подписи напротив имени генерального директора был нанесен отпечаток козлиного копыта.

– А можно в контакт внести правки? – поинтересовался я.

Иван улыбнулся: можно, но только не в нашей организации. А что ты хотел поправить?

– Хотел убрать «на постоянной основе», – ответил я.

– Можно, конечно, написать на временной, но ты же сам понимаешь, нет ничего более постоянного, чем временное, – пошутил генеральный директор.

Я взял в руку перо, но все никак не находил силы поставить подпись.

– Ладно, в твоём случае сделаю исключение, – сказал Иван, подошел ко мне, вынули из кармана обычную шариковую ручку, и зачеркнул в документе фразу «на постоянной основе». Я понимал, что это всего лишь юридическая уловка, которая могла применяться им при подписании каждого контракта. Оставшаяся фраза – свет бафометова клерка передается в распоряжение «АйДи», по большому счету, не меняла суть документа и самого процесса, но исключение фразы «на постоянной основе» вселяла иллюзорную надежду, что возможно в будущем свой свет можно будет вернуть себе. Хотя я и понимал, что вероятность этого сводится к нулю. Мокнув перо в чернильницу с кровью, я расписался в документе.

– Прелестно, – сказал Иван, и еще раз позвонил в золотой колокольчик. Из тени мрачной черной скульптуры вновь появилась девушка с подносом, которая сложила на него контракт, чернильницу и перо, и незамедлительно удалилась.

– Работа на корпорацию – это не только сложный умственный и физический труд, но и полный социальный пакет, корпоративные преференции, – продолжил Иван.

Затем он достал из кармана своего пиджака какую-то мелкую то ли брошь, то ли медаль и пристегнул ее мне на кофту.

– Носи с гордостью, – сказал он, и театрально вытер у себя под глазом так и не появившуюся скупую мужскую слезу, – этим знаком достаиваются только избранные клерки.

Я внимательно рассмотрел подарок Ивана, который оказался небольшим золотым значком в виде козлиной головы.

– И здесь не обошлось без пивной корпорации, – подумал я.

На этом церемония инициации завершилась. Иван сжал руку в кулак, согнул ее в локте, несильно дернул, сопровождая это движение словом «работаем». Я развернулся и направился к лифту. Проходя через зал, мне казалось, что скульптуры рыцарей следят за мной, а застывшие картины битвы воинов тьмы и света на витражах приходят в движение. Боковым зрением я заметил, что черные рыцари явно теснят белых.

– В вашем полку прибыло, – прошептал я, и захотел плюнуть на пол из черного мрамора также демонстративно и сочно, как это делали ковбои при виде негра Джанго из известного фильма Квентина Тарантино. Но делать этого я не стал.

Вернувшись на свой этаж, я отрыл дверь в рабочий ка-

бинет, в котором, на удивление, оказалось непроглядно темно. В следующую секунду комната озарилась ярко-красной вспышкой, и пространство прорезал громкий звук, отдаленно напоминающий выстрел древнего огнестрельного орудия. От потока света и звуковой волны я зажмурился, а когда открыл глаза, увидел в кабинете Гаврика, Ольгу, Аннушку и Георгиевского. Степан стоял возле барабана с зажатыми в руках барабанными палочками и улыбался во весь рот. Ольга держала в руках бутылку Jack Daniel's, а Сергей пять рюмок, которые сразу поставили на барабан после музыкальной партии Гаврика.

– Приветствую полноценного члена нашей команды, – улыбаясь во весь рот, сказал Степан.

Мне еще раз захотелось красноречиво плюнуть на пол. Георгиевский наполнил рюмки и жестом пригласил всех участников корпоративного торжества приступить к официальной части. Все встали вокруг ударного инструмента, взяли рюмки в руки и под возглас Степана «ура», выпили их содержимое. По горлу скользнула приятная теплота. Гаврик начал что-то рассказывать Георгиевскому, но слушать его болтовню мне не хотелось, поэтому я сосредоточил свое внимание на бутылке виски.

– Очень рада, что ты прошел испытательный срок, – ти-

хим голосом сказала Ольга, максимально приблизившись ко мне.

– Не думаю, что этому стоит радоваться, – парировал я.

– Иногда кажущаяся безысходность не означает реального положения дел. На эту тему тебе лучше поговорить с твоим предшественником Владимиром Владимировичем.

– Как его найти? – заинтересовался я.

– Обычно днем его можно встретить у памятника рабочим завода «Арсенал» перед входом на станцию метро «Арсенальная». Правда, с недавнего времени, в результате активности Гошовского, монумент переименовали в честь тех, кто этих рабочих убивал, – сказала Ольга, – но главное запомни, если все же решишь пойти к Владимиру Владимировичу, не допускай, чтобы он увидел свое отражение в зеркале.

– Почему? – спросил я.

– Плеваться начнет. В таком случае разговора не получится, – ответила Ольга.

– Зачем он это делает? – поинтересовался я.

– Муки совести, – объяснила Ольга.

Общество скарабеев

На следующий день во время обеда я быстренько забежал в какое-то заведение общепита, сжег оригами в виде куриных крылышек и направился к памятнику рабочим «Арсенала». Выйдя из метро, я устремился к монументу, однако там никого не оказалось. И только обойдя клумбу, я заметил человека, который сидел в очень дорогом темно-синем кимоно под плитой пьедестала с надписью – «Героям слава». Подойдя ближе, я узнал его. Незнакомец оказался известным российским телеведущим Владимиром Позером, чьи интервью и документальные фильмы раньше я с удовольствием просматривал на youtube. Я не так удивился увидеть здесь мэтра, я уже давно понял, куда в итоге попадают специалисты моего профиля, как тому обстоятельству, что Владимир Владимирович раньше разрабатывал стратегии противодействия антиконтенту. Никогда бы не подумал, что человек, чей продукт, как мне казалось, довольно часто был отправной точкой к осознанию мира, а значит себя, и Бога, мог служить целям потребления. Работа Позера на корпорацию «АйДи» озадачила меня. Вероятно, я все еще много не понимал. В руке телеведущий сжимал полупустую винную бутылку, на которой выделялась надпись Bordeaux. Судя по его взгляду

и движениям, было понятно, что гуру российского телевидения находится в состоянии крепкого алкогольного опьянения.

– Добрый день, Владимир Владимирович, – сказал я, подойдя к нему вплотную.

В качестве приветствия Позер поднял вверх бутылку вина, после чего сделал из нее глоток.

– Меня зовут Глеб Вадатурский. Я работаю стратегом антиконтента. Мне сказали, что раньше вы занимались этой работой, – продолжил я.

Владимир Владимирович внимательно посмотрел на меня, лукаво стрельнув глазками поверх очков. После чего жестом приказал присаживаться под постаментом. Протянув мне бутылку, Позер сказал: – Самое страшное, что может произойти с человеком нашей профессии – это осознание масштаба содеянного. Но печальнее всего, что любые попытки исправить это будут обречены на провал, поскольку шлейф вложенного в головы зрителей дерьма невозможно заглушить жалкими попытками вернуть их взор к свету. Это все равно, что пытаться осветить фонариком небо глубокой ночью.

Говорил мастер хоть и с трудом, но с дикторской выучкой, четко произнося каждое слово. Я сделал глоток. В бутылке вместо насыщенного ягодными нотками французского вина оказался уже привычный разбавленный спирт.

– Я запутался – в работе, в жизни, в вопросах света и тьмы. Догадываюсь, что вы были в похожей ситуации. Что мне делать? – спросил я без прелюдий.

– Тебе самому решать. Это дело личного выбора. Но, как я понимаю, ты уже свой выбор сделал, – сказал он, покосившись на мой значок.

– Права выбора я был лишен, как вы понимаете, – попытался оправдаться я.

– Михаил Афанасьевич утверждал, что трусость один из самых страшных человеческих пороков, если не самый страшный. Но надо отдать должное, противостоять ему под силу немногим. В этом смысле я не слишком отличаюсь от тебя. Да и протест мой против системы был оперативно локализован как внешним, так и внутренним цензором, – сказал собеседник.

От слов Владимира Владимировича мне стало как-то горько. Да, я струсил перед карательной системой Кузни,

стал служить делу потребления, сжигая в нем человеческие души. То ли от осознания этого, то ли от вида и слов Владимира Владимировича меня стало тошнить, и в следующий миг меня вырвало.

– Да, Бордо здесь не то, – отреагировал на мой поступок Позер, – хотя я уже привык.

– Дело не в этом, – парировал я, и решительным жестом сорвал у себя с груди значок в виде козлиной головы и бросил его на землю.

– Бунтовать решил, – усмехнулся Владимир Владимирович, – в этом деле я тебе не помощник. Война – дело молодых.

– Как можно разорвать контракт? – спросил я.

– Никак, – ответил Позер, – раньше надо было думать. К тому же, разрушить систему можно только, находясь внутри нее. Поэтому наличие контракта – это, скорее, твое преимущество.

– Как я, рядовой клерк, могу разрушить этого гегемона? – спросил я, принимая бутылку из рук Владимира Владимировича.

– У каждой системы есть уязвимые места, – ответил Позер, – надо просто найти тех, кто укажет на них.

– А где их можно найти? – спросил я, сделав глоток позеровского пойла.

– Следуй за скарабеями, – ответил Владимир Владимирович, после чего завалился на бок и моментально заснул, тяжело сопя.

Что имел ввиду Позер, было непонятно. И тут я схватился за нащупанную в мыслительном потоке зацепку, тонкую логическую ниточку, которая могла привести меня к клубочку разгадки его слов. За последнее время мне неоднократно попадались люди с символикой этих почитаемых в Древнем Египте насекомых. Я судорожно стал перебирать в памяти лица, обстоятельства и места, где я сталкивался со скарабеями. Навозный жук был изображен на меню кафе «Последний выдох господина ПЖ», а также в виде татуировки на руке официантки этого же заведения, на кулоне Аннушки, и самое неожиданное – на портсигаре Владимира Семеновича.

– Неужели «скарабеи» находятся и в высшем руководстве корпорации «АйДи», и, похоже, особо не скрывают свою принадлежность к клубу заговорщиков, – подумал я.

Все это было очень странно и чрезвычайно любопытно. Из всех людей, которые были носителями логотипа или символа скарабея, проще всего было поговорить с Аннушкой. За время работы у меня начали складываться с ней дружеские отношения, поэтому риск быть посланным по сравнению с другими предполагаемыми «скарабеями» был минимальный. В крайнем случае, неловкую ситуацию можно было попытаться перевести в шутку или праздный интерес, мол, в метро услышал о скарабеях и решил узнать. На следующий день в районе 11.00 я предложил Аннушке в рабочем чате сходить на обед без Георгиевского. На вопрос почему, объяснил, что хочу поговорить тет-а-тет по одному личному вопросу. Она согласилась. Кроме того, я решил повысить свои шансы на успех – выбрав в качестве места обеда «Последний выдох господина ПЖ», которое могло иметь отношение к тайному обществу. В кафе мы заказали хинкали, и по моей инициативе по двойной порции разбавленного водой спирта.

– Странно, почему во всех заведениях на меню изображен козел, а в этом кафе жук-скарабей? – начал разговор я.

Аннушка внимательно посмотрела на меня, и после непродолжительной паузы продолжила: – Каждый сам определяет свои дизайнерские решения и стратегию продвижения.

– Ты свою стратегию давно определила? – спросил я.

– Срок давности, время – относительные понятия, – усмехнулась Аннушка, явно догадываясь, к чему я веду, – что конкретно тебя интересует?

– Ладно, не буду вилять, – сказал я, – расскажи мне о скарабеях. Я видел, что у тебя есть кулон с изображением жука.

Аннушка приподняла рюмку со спиртом и знаком призывала меня сделать аналогично. Соприкоснувшись стопками, мы выпили.

– Глеб, как ты думаешь, что произойдет, когда погаснет свет человеческих душ? – спросила Аннушка.

– Ничего непредвиденного – наступит тьма, – ответил я.

– А что такое тьма? – продолжила Аннушка.

Я задумался, и через какое-то время, не найдя ничего лучшего, сказал: – смерть?

– Можно и так сказать, но не совсем, правильнее назвать этот процесс перераспределением энергии. Если где-то убы-

вает, то значит – где-то прибывает. Задача Корпорации «Ай-Ди», как, впрочем, и «Генератора Света» заполучить энергию человечества. Если Уильям Виндзор добьется успеха в этом деле, тогда работа ЗАО будет навсегда остановлена. Тьмы, в прямом смысле, не наступит, просто человек сам станет контентом, потребляющим сам себе, при чем с каждым разом все активнее и жаднее. Так называемый – зеркальный эффект. А контент, насколько ты уже понял – это набор сменяющихся трендов, но правильнее назвать его фоновым шумом или чистой пустотой. Совсем просто – потребление превратит человечество в ничего.

– А зачем это Уильяму Виндзору? – спросил я.

– Да потому что он и есть ничего, пожелавшее доказать Богу, что является чем-то или даже больше – всем, – ответила Аннушка.

– Кто был никем, тот станет всем, – вспомнил я известную строчку из Интернационала.

– Все верно, – подтвердила Аннушка.

– Хорошо, но Иван Ухгад говорил мне, что, если человечество осознает себя – жизнь прекратиться. Люди сольются со светом, что приведет к исчезновению жизни, – сказал я.

– Пройти финальную фазу осознания могут редкие индивидуумы, иначе Иисусов и Будд было бы гораздо больше. Это просто хитрая уловка Виндзора. Благодаря осознанию человек сохраняет себя. Потребление же превращает его в примитивный организм, способный лишь продуцировать и удовлетворять примитивные потребности, – отрезала Аннушка.

– Чудаковатый старик из метрополитена, как его – Лонгин, говорил о великой перезагрузке. Но последствия этого процесса неизвестны, – продолжил я.

– Точно этого не знает никто. В случае с предыдущими перезагрузками, они происходили на локальном уровне – в конкретных населенных пунктах, максимум территории охватывали район Средиземноморья и Месопотамии. А это, как ты понимаешь, довольно ограниченные условия. Конечно, с того времени технологии сильно ушли вперед, но здесь речь идет о глобальном процессе, последствия которого предугадать невозможно. Не исключено, что процесс перезагрузки даст сбой – оборвется так и незавершенным. В этом случае все плюшки достанутся корпорации «АйДи» – человечество останется планктоном Виндзора – контентом, потребляющим контент. Другой вариант – перезагрузка уничтожит все, что также выгодно корпорации – поскольку пу-

стога возвратится к пустоте. В случае удачной перезагрузки – и корпорация «АйДи» и ЗАО «Генератор света» вернуться к первоначальным позициям, что просто отбросит контору Уильяма Виндзора назад. Со временем «АйДи» сможет восстановить прежнее влияние.

– И что надо сделать, чтобы избежать реализации негативного для людей сценария? – продолжил расспрашивать я.

– Корпорация «АйДи» активно приближается к своей цели, и общество скарабеев пытается помешать планам компании – отвернуть человека от потребления материальных и виртуальных иллюзий. Собственно, скарабей в качестве талисмана нашего ордена был выбран не случайно, мы, как и эти жуки, пытаемся очистить мир от дерьма, в которой он стремительно погружается.

– Как я могу присоединиться к вам? – спросил я.

– Общество скарабеев крайне закрытая организация. Все ее члены могут только догадываться о том, кто состоит в братстве. Ты пошел верным путем – изображение скарабея может говорить о принадлежности к общине, но не всегда. Поэтому в вопросе идентификации нужно быть максимально аккуратным – преторианцы не дремлют. Скарабеем нельзя стать, скарабеем можно только быть. Ты скарабей?

Задумавшись, я ответил: не знаю.

– Это хорошо, – ответила Аннушка, – подвергать сомнению, особенно устоявшиеся общественные клише и исторические факты, которые, как известно, составлены такими же стратегами, политтехнологами и экспертами, как и мы – правильная черта. Чтобы ты не фантазировал на тему нашего общества, поясню – у нас нет никаких тайных собраний, посвящений и ритуалов. Естественно, мы общаемся, и делимся своими размышлениями друг с другом. Но главное, мы просто как можем, служим делу спасения этого мира.

– Например? – спросил я.

– Каждый по-своему, исходя из своих возможностей. Например, я, как специалист по поиску антиконтента, передаю тебе не все что вылавливаю в сети, в основном – продукт средненького качества. Истинные же бриллианты антиконтента стараюсь как можно дольше удерживать вне внимания специалистов корпорации «АйДи». Конечно, когда ролик становится очень популярным, его приходится передавать огласке, но к этому времени он уже обычно выполняет свою функцию – возвращает энное количество потребителей к осознанию или самосозерцанию, что по большому счету одно и то же. И здесь самое сложное, не передержать, чтобы

не спалиться, – пояснила Аннушка.

– То есть, в моем случае следует скрывать истинный посыл антиконтента, а бить по побочным нарративам, например, как в случае с муралом на Артема, когда можно было сосредоточиться исключительно на соглашении об евроассоциации, упустив аллегория с казачьим крестом. Или даже больше – стараться подводить потребителя к свету через отрицания к принуждению – когда стратегия противодействия антиконтенту и действия армии ботов настолько навязчивы, что вызывает лишь отторжение, – сказал я.

– Смотри сам, это твоя тема, – отвела Аннушка.

На следующий день мне пришло очередное задание от Аннушки. Антиконтент представлял собой кавер версию популярного российского исполнителя Шабашы на известный хит 90-х годов группы «Альянс» – «На заре». Нацепив наушники, я стал внимательно смотреть ролик. Сюжет клипа был незамысловатым – зрелый исполнитель в сопровождении рок-музыкантов тихо хрипел слова песни на крыше одной из московских многоэтажек. В качестве перебивок использовались кадры центральной части Москвы, влюбленной пары и танцующих подростков. Конечно, неподготовленному потребителю контента уловить посыл ролика было непросто. Истинные мотивы клипа были хитро замаскированы под маскуль-

турный шлам среднестатистического музыкального продукта. Но специалистам моего профиля было понятно, что такой продукт появился с очень конкретными целями и задачами. Во-первых, песня была нехарактерна для Шабашы, а сложность ее исполнения для безголосого артиста была неподъемная. Поэтому ему приходилось очень низко не петь, а хрипеть или даже гундосить ее. Эстетики в этом не было абсолютно никакой, даже наоборот – полное отвращение, которое распространялась в отношении всей современной отечественной музыки. То, что речь идет о глобальной индустрии, а не о конкретном исполнителе было понятно по зеркалам, которые неспроста были выставлены перед хрипящим певцом. Один исполнитель как отражение всех и наоборот, все как отражение одного. Шабаша не намекал, а кричал, точнее сопел, что современная музыка превратилась в полное гавно, и реакция на этот клип должна была быть одна – двинуть монитор кулаком, а в случае со смартфоном или планшетом – швырнуть его как можно сильнее об стенку или пол. Второй момент – влюбленная пара противопоставлялась безумной толпе. Искренние чувства парня и девушки разбивалась волной танцевально-алкогольного угара. Она поглощала влюбленных и размывала их в каше толпы. Лицо возрастного Шабашы, когда он присоединялся к танцующейся молодежи, красноречиво демонстрировало всю абсурдность и тупость происходящего. Прыгающий в толпе малолеток половозрелый мужик – это сильно. Был еще один важный момент, ко-

торый могли уловить лишь те, кто уже пытался искать Бога в себе. В начале второй минуты клипа в бесконечном массиве бетонных многоэтажек на мгновение появлялся Храм Вознесения Господня в Сторожах у Никитских ворот. Собор в данном контексте не выступал в качестве франшизы Русской православной церкви, которая имеет в Богу такое же отношение, как ромашка к войне. Впрочем, как и любая другая церковь. Здесь речь шла о Боге или Свете, который может отражаться практически во всем, в архитектуре в частности. И на фоне серых бездушных муравейников относительно небольшой аккуратный храм и разрезаемое восходящим солнцем небо вселяли надежду на что-то светлое и доброе. Стратегию противодействия антиконтенту я построил только на противопоставлении любви и толпы. Остальные акценты я специально, точнее злонамеренно, если так можно выразиться, упустил. Армию ботов пустили на восхваление тусовки и таланта Шабашы, который сумел вдохнуть новую жизнь в старый хит. В этот же вечер мне в чат написала Ольга, которая предложила встретиться в ресторане BEEF meat & wine недалеко от Дворца спорта. Я, конечно же, согласился. В назначенное время я прибыл к заведению. С правой стороны от двери прямо из стены торчала скульптура, хотя корректнее сказать фигура быка, которая была сделана из деревянных или пластиковых пластин, выкрашенных под мясную нарезку. У быка были небольшие острые рога, которые смотрелись весьма угрожающе.

– Странно, почему в европейской культурной традиции звериным воплощение зла чаще всего представляется козел, а не бык, – спросил я у себя, и тут же выдвинул гипотезу, – наверное, из-за размера и формы рогов, а также глаз. Сатане определенно больше подходили козлиные – с пугающими плоскими зрачками. В этот момент в кармане у меня завибрировал телефон. Звонила Ольга, которая сказала, что ждет меня внутри за третьим столиком у окна. Я открыл дверь и нырнул в заполненное густым дымом помещение. По насыщенности и неприятному табачному дыму ресторан мог побороться за первенство с «Желтым морем». Я догадался, что количество дыма определяет статус и уровень заведения. Чем он был выше, тем гуще в ресторане должен был быть дым. Не знаю, в чем был смысл, вероятно, в приватности и анонимности клиентов – дым должен был скрывать посетителей от посторонних взглядов, а, возможно, в этом был более глубокий посыл – причастность к касте богатых и счастливых имеет свою цену – и неприятный табачный дым во время потребления благ служил намеком, предвестником платы, которую придется заплатить за тернистый путь большинства посетителей заведения к финансовому благополучию. Дым – верный знак горения. Из смога вплотную ко мне выплыла обнаженная девушка, голову которой украшали накладные рога, примерно такие же, как были на фигуре быка при входе.

– У вас заказан столик? – спросила она.

– Да, меня ждут за третьим столиком у окна, – ответил я.

Девушка взяла меня за руку и повела сквозь дымную пелену к Ольге. На месте она положила мою руку на спинку стула, и я сел за стол. Лицо Ольги едва просматривалось в плотной дымке, но все же красивые черты ее лица прочитывать было можно.

– Предлагаю взять бутылку водки и шатобриан, – по-деловому предложила она.

– Сойдет, только шатобриан средней прожарки, – пошутил я.

Ольга вложила в губы сигарету, подкурила ее, и выпустила тонкую струйку дыма.

– С Владимиром Владимировичем пообщался? – спросила она.

Я дал утвердительный ответ.

– Судя по настроению, разговор получился продуктив-

ным, – улыбнулась Ольга.

– После этой встречи меня мучает один вопрос – начал я, – насколько я понял, Позер уже не имеет никакого отношения к корпорации «АйДи».

– Верно, – подтвердила Ольга.

– Но при этом он свободно живет на Кузне, я имею виду – легионерам до него нет никакого дела, – продолжил я.

– И опять в точку, – сказал Ольга, и пустила еще одну тонкую струйку дыма, – помнишь, был такой фильм «Матрица»? Один из персонажей этой киноэпопеи – оракул Пифия. Чем-то подобный сейчас занимается Владимир Владимирович. Можно сказать, что это почетная пенсия за его непомерный вклад в дело потребления.

– Не знаю, мне кажется, что последние годы его журналистская деятельность была наполнена нотками антиконтента. Вспомнить хотя бы некоторые «прощалки», посвященные православной церкви, или размышления в документальных фильмах о передовых или некогда передовых странах мира, – попытался возразить я.

– Это всего лишь верхняя часть айсберга, которая показана-

лась в тот момент, когда ледяная глыба уже готовилась пересечь Гольфстрим. Долгими годами убеждать американцев в светлой стороне силы серпа, молота и звезды, а затем вливать в неокрепшие головы бывших советских людей идеи западного либерализма – не пропаганда, а талант в деле продвижения контента, – усмехнулась Ольга, явно выражая неуважение к ветерану журналистики. Но я так не считал. Я всегда верил в силу чистосердечного раскаяния и прощения. Может, Позер и заслуживал свой ад, но признание своих ошибок, попытка исправить их, должны были делать температуру сковородки, на которой ему предстояло жариться в вечности, чуть слабее. В этот момент к нашему столику подошла официант и поинтересовалась, готовы ли мы сделать заказ. Ольга взяла инициативу в свои руки и заказала бутылку водки и две порции шатобриан – слабой и средней прожарки.

– Почему ты посоветовала мне поговорить с ним? – вернувшись к разговору, сказал я.

– Владимир Владимирович действительно был вынужден оставить работу, поскольку под закат карьеры в его речах периодически стали звучать элементы антиконтента. В качестве одного из ярчайших примеров его партизанской деятельности можно привести монолог о «глобальной ереси». Конечно, основная часть его эфирного времени служила делу потребления, но вот такие, казалось бы – незначительные

и малозаметные выпады, стали напрягать высший менеджмент. Поэтому решено было отодвинуть его от дел, при этом из уважения к прошлым заслугам, сохранив за ним определенные преференции. В частности, это касается свободного употребления крепких алкогольных напитков и лояльности легионеров. Но самая существенная льгота Владимира Владимировича – право говорить то, что он думает или считает нужным, но при условии, что его спросят об этом самого. То есть, сам подойти к человеку и выразить своим мысли он не может, но ответить на вопрос – вполне.

– Ты знаешь, о чем я его спросил? – поинтересовался я.

– Догадываюсь, – ответила Ольга.

Официант подошла к нашему столу и начала выкладывать не него содержимое своего подноса: тарелки с оригами из купюр в виде стейков, две горящие свечи, графин с водкой в виде головы быка и две граненые рюмки. После этого девушка до краев наполнила стопки и удалилась. Стейк Ольги был сделан из розоватых канадских банкнот номиналом 50 долларов, мое блюдо было из более темных фунтов стерлингов аналогичным номиналом. Ключевым символом национальной валюты Великобритании вместе с Елизаветой II выступал знак, в которой соединялось несколько букв и смыслов. Символ представлял собой латинскую букву L, верхняя

часть которой напоминала прописную литеру f. В этот момент я почему-то связал знак фунта стерлинга с Fbook и Люцифером. Ольга взяла рюмку и протянула ее в моем направлении. Я ответил на ее жест. После глухого звона, она произнесла тост: – За открытые глаза. После чего залпом опорожнила содержимое стопки. Я выпил следом. Затем мы приступили к трапезе. Ольга поднесла свечу к своему стейку, бумага вспыхнула, и она с закрытыми глазами вдохнула белый дымок. Холод Кузни еще не овладел мной, но я уже предчувствовал неминуемое приближение его ледяного дыхания. Выполнив ритуал со свечей, я наполнил свои легкие не мерзким и едким, а вполне нейтральным, даже можно сказать приятным дымком. Все-таки, ощущения стоят того, чтобы платить за них золотом.

– На чем мы остановились, – сказал я после еды, – да, о разговоре с Владимиром Владимировичем, точнее моих вопросах к нему.

– Полагаю, что суть вашей беседы свелась к нюансам работы, вернее компромиссу с совестью, на который можно пойти при исполнении служебных обязанностей, – сказала Ольга, закуривая, – я поняла это, посмотрев разработанную тобой стратегию противодействия антиконтенту – ролику «На заре» от Шабашы. На твоём месте тему храма я все же бы осветила. Нужно более тонко балансировать на гранях, здесь

же не дураки работают.

Я насторожился и внимательно посмотрел на Ольгу. Она заметила перемены в моей мимике, улыбнулась и протянула ко мне одну из своих масок, но только внутренней частью. На лбу вогнутого улыбающегося лица я рассмотрел изображение жука-скарабея с разложенными крыльями, который передними лапками сжимал золотой шар.

– Ты скарабей? – спросил я Ольгу, приглушив голос.

Вместо ответа она приставила маску к лицу и хихикнула.

– Наше общество, как ты понял, крайне закрытая организация. Многие члены ордена действуют на свое усмотрение, по своим силам и возможностям, служа делу спасения мира. Но среди скарабеев есть и лидеры, которые разрабатывают и воплощают в жизнь более серьезные планы. Таких скарабеев принято называть иерархами. Только они наделены правом носить символы жуков с расправленными крыльями.

– Так ты начальник не только в корпорации «АйДи», но и в диверсионном отряде, – пошутил я, не повышая голос.

– Можно и так сказать, – ответила Ольга.

От этой информации я, прям, воспрянул духом. Девушка, в которую я был влюблен, работала на свет. И это было лучшей новостью за последнее время.

– Почему ты решила рассказать мне об этом? – спросил я, разливая очередную порцию алкоголя.

– У скарабеев есть легенда, что навозный шар, как аллегория погрязшего в потреблении мира, толкают к обрыву мирового океана все жуки, но столкнуть его по силам только одному уникальному насекомому, которого мы называем электус, – сказала Ольга.

– Кажется, я догадываюсь, к чему ты ведешь, – сказал я, и потянул Ольге наполненную стопку, – я тот жук, который должен толкнуть шар в пропасть?

– Я и другие иерархи верят в это? – ответила Ольга, после того как мы чокнулись и выпили.

– Какие для этого есть основания? – сказал я, заметив, что мой язык из-за алкоголя становится вялым и непослушным.

– Как-то изрядно напившись, Владимир Владимирович сказал, что гегемон разрушит сменивший его стратег. Есть еще одно пророчество касательно электус, но его я говорить

не буду, поскольку оно личного характера, – пояснила Ольга.

– И что конкретно должен сделать электус? – спросил я.

– Для начала он должен максимально сблизиться с Уильямом Виндзором – стать одним из его вассалов. Только после этого электусу будут раскрыты все детали замысла скарабеев, – ответила она.

Я вновь наполнил рюмки.

– Мне пора идти, – неожиданно сказала Ольга, – у меня еще есть дела.

– Разреши я хотя бы проведу тебя, – предложил я.

– Разве что до машины, – отрезала она.

Я стал рыскать по карманам, чтобы расплатиться за ужин, но Ольга сказала, что счет уже погашен. Я нащупал на бедре пачку с купюрами долларов, достал стодолларовую купюру и быстро сложил из нее маленький самолетик, чтобы сделать официанту приятно. К тому же любому понимающему реальное положение дел в мире человеку всегда отраднее сжечь американский самолет. Я довел Ольгу до черного мерса, раскрыл перед ней заднюю дверь. Она отодвинула от лица мас-

ку с выражением безразличия, улыбнулась и поцеловала меня в щеку, одновременно вложив мне в руку какой-то предмет. Когда машина отъехала от ресторана, я раскрыл ладонь и увидел в ней коробочку. Отойдя в сторону и на всякий случай осмотревшись по сторонам, я раскрыл ее. В футлярчике оказалась золотая цепочка, выполненная плетением бельцер, с кулоном в виде жука-скарабея, который сжимал в передних лапках золотую корону с семью острыми зубцами. Мне не хотелось идти домой. Вначале я подумал взять еще бутылку водки и распить ее где-то на улице, но я уже был итак достаточно пьян, поэтому решил не усугублять свое состояние. Впрочем, эту глупую мысль я откинул, проходя «Арену Сити». Зайдя в первый попавшийся бар, я попросил бутылку чистого спирта, кинул бармену золотой и вышел на улицу с зажатым в руке бумажным пакетом. Я вновь оказался в месте, где еще не так давно стоял памятник вождю восточноевропейского и среднеазиатского пролетариата, а сейчас красовался памятник говняному шару. Сев под ним, я сделал плотный глоток спирта.

– Это особе место. Наверное, чтобы не происходило в нашем обществе, здесь непременно должен стоять памятник крайней революции или ее лидеру. А вообще очень забавно, когда революционеры уничтожают наследие своих предшественников, чьи методы и подходы словно под копирку использовали в своей борьбе. По большому счету разница

лишь в расцветке флагов, – думал я, все глубже погружаясь в алкогольный транс.

Со стороны Крещатика показались два легионера, которые бесцеремонного перешли автомобильную дорогу и остановились недалеко от того места, где я распивал алкоголь. Я отложил бутылку со спиртом в сторону и приставил к лицу первую попавшуюся маску. Лицо одного легионера было забрызгано кровью, а в глазах читалась непомерная усталость и тоска.

– Я больше этого делать не буду, – говорил он, отстраненно смотря куда-то вверх.

– Чудной ты, Петр, это работа-мечта. Херач да еби всяких чмырей, – отвечал ему второй.

– Таким как ты – да, – резко парировал легионер, покосившись на боевого товарища, – удивляюсь, как ты до сих пор не попал к преторианцам.

– Ну, да, куда нам до вас, фильдеперсовых героев интернациональных конфликтов. Видал уже таких борцов с системой. Смотри, брат, вертухаям твои регалии до жопы – быстро в строй поставят, – ухмылялся другой.

– Был бы это строй – стойло, – сказал воин, и уверенно добавил, – пробьюсь к Лонгину.

– Давай, давай, я понаблюдаю, как тебя отоварят, – захихикал второй легионер.

– Смена закончилась, так что избавь меня от своей компании, – парировал воин.

В ответ на это второй солдат набрал полный рот слюны и демонстративно сплюнул ее в направлении своего напарника. После этого он направился в сторону «Премьер Паласа». Оставшийся воин закрыл глаза и застыл в задумчивой позе. Со стороны казалось, что он молится или медитирует. Я сделал очередной глоток спирта, и встал на ноги. Услышав движение, легионер обернулся и посмотрел на меня. Взгляд его был строгим и даже суровым, из-за чего я моментально приставил к лицу какую-то маску.

– Что улыбаешься, клерк? – спросил он меня.

– Для создания иллюзии доброжелательности и позитива. Беру пример с американцев, – сказал я, догадавшись, какая маска скрывает мое лицо.

– С американцев, – сказал он с едва заменой ноткой удив-

ления, слегка протянув слово, после чего жестко добавил, – тогда вставай на колени.

– С какой стати? – возразил я.

– Тут особых причин не надо, – ответил легионер, – американцы делают это в любой ситуации, когда речь идет об ущемлении прав по половым, расовым, религиозным и еще черт знает каким признакам. Black Lives Matter, бро.

– А ты что негр, – в очередной раз неудачно пошутил я.

– Все мы тут как негры, – ответил он, – но речь не об этом. Просто сейчас будут ущемляться твои права, клерк. И чтобы с высоты полного роста не биться головой о тротуарную плитку, лучше встать на колени.

После этого легионер вынул из ножен короткий испанский меч и пошел на меня. Собравшись с силами, я отскочил в сторону, и отбежал на несколько метров от воина.

– Боец, успокойся. Давай лучше выпьем, – сказал я, протягивая ему бутылку со спиртом.

– С чертями не пью, – отрезал легионер.

– Я не черт, – ответил я.

– А рога, значит, бутафорские? – спросил он.

Я ощупал свой лоб и голову и не обнаружил никаких рогов.

– Смешно, – сказал я.

– Расхохочешься, – ответил легионер.

– Говорят, что легионеры обычно не разговаривают с клерками? – поинтересовался я.

– Так точно, – согласился он.

– Почему ты разговариваешь? – спросил я.

– Не знаю. Может, потому, что вот здесь уже эта работа стоит, – сказал он, приставив ребро ладони к горлу, – а, может из-за дебила напарника, в котором нет ничего от человека, зато много от грязного животного. А может потому что ты последнее существо с кем мне придется говорить перед тем как я свалю отсюда.

– К свету захотелось? – предположил я.

– Не смей говорить о свете, – гневно сказал легионер, резко приблизился ко мне и схватил рукой за горловину кофты. Из-за этого движения с характерным треском на кофте образовалась дыра и на всеобщее обозрение из-за пазухи вывалилась подаренная Ольгой цепочка с кулоном в виде жука-скарабей с зажатой в лапках короной. Заметив его, легионер ослабил хватку, а затем и вовсе убрал руку от моей шеи.

– Знакомый символ, – сказал я, приводя свой внешний вид в порядок, насколько это было возможно.

– Среди легионеров, которые настоящие воины, а не гены войны, как мой напарник, с уважением относятся к скарабеем, – ответил легионер.

– Почему? – поинтересовался я.

– Лонгин говорит, что, находясь во тьме, вы служите делу света, – сказал легионер.

– А кто вообще такой Лонгин? – спросил я.

– Легат пропретор, светозарный центурион, первый или небесный сотник, неофициально – Батя. Именно после его подвига, воины, сражавшиеся за Родину, получили возмож-

ность искупить пролитую кровь на Кузне, – сказал легионер, после небольшой паузы добавив, – только так воин может заслужить долгожданный покой.

– А что за подвиг он совершил? – поинтересовался я.

Легионер внимательно посмотрел на меня.

– Ты серьезно? – спросил он.

Я не нашелся, что ответить.

– Ну, хорошо, а о копье судьбы ты слышал? – продолжил он.

– Да, – оживился я, – это библейский артефакт, этим копьем римский легионер добил распятого на кресте Иисуса. Почему-то это оружие очень сильно почитал Адольф Гитлер и его приспешники.

– Все верно, этим легионером и был Лонгин, – сказал воин, – фашисты считали, что окропленное кровью Христа копьё обладает мистической силой, способной уничтожить любого врага. И в этом есть доля правда. Все зависит от того, в чьих руках находится копьё.

Не знаю почему, но в этот момент по моей спине, словно одинокий муравей, пробежала капля пота. В секунду древняя легенда приобрела черты реальной истории. Я испытал примерно те же эмоции, которые изобразил Харрисон Форд в фильме Стивена Спилберга «Индиана Джонс и Последний крестовый поход» при встрече с 700-летним рыцарем-крестоносцем, охранявшим Святой Грааль в зале с десятками чаш. Чудаковатый старик на станции метрополитена преобразился в легендарного воина, который сможет указать мне путь, не побоюсь этого слова, к спасению. Наша встреча явно была не случайной.

– Как найти Лонгина? – спросил я.

Легионер усмехнулся.

– Найти его не сложно, к нему сложно подойти? – ответил он.

– Почему? – спросил я.

– Все его контакты блокируют преторианцы, – сказал легионер.

– Да, меня в метро затолкали два легионера, когда я говорил с ним, – согласился я.

– Это были не легионеры, а гвардейцы. Тебе повезло, раз ты успел поговорить с ним. Обычно такие беседы пресекаются сразу, – сказал легионер, и задумчиво посмотрел в сторону, – хотя, если мы попытаемся подойти к нему вдвоем, у одного точно появиться шанс с ним переговорить.

– Ты что-то задумал? – спросил я бойца.

– В воскресенье его можно встретить у обелиска городу-герою Киеву на площади Победы. Он медитирует прямо под памятником. Предлагаю встретиться в 9 утра возле цирка.

– А этот памятник разве еще не снесли? – спросил я.

Воин не ответил. Мне ничего не оставалось, как протянуть легионеру руку, чтобы закрепить нашу договоренность. Он внимательно посмотрел мне в глаза, и с большой неохотой выполнил рукопожатие.

Копье судьбы

В условленное время я подошел к зданию цирка, где меня уже ожидал легионер. В этот раз он выглядел максимально эпично. На нем была надета новая туника насыщенного

красного цвета, которая смотрелась броско и даже вызывающе на фоне выцветших домов и вечно закрытого тучами серого неба. На шее воина был повязан белейшего цвета платок, который подчеркивал его решительность и готовность к подвигу. Пластичный панцирь и шлем были начищены до блеска, а за спиной из-за несильных порывов ветра периодически из стороны в сторону ходила красная лацерна. В одной руке легионер держал пилум, в другой skutum, на поясе был закреплен короткий испанский меч в красивых ножнах.

– Как на парад... или на смерть, – пошутил я.

Легионер на это никак не отреагировал, а лишь указал рукой в сторону обелиска. Возле памятника – прямо под надписью «Городу-герою Киеву» сидел знакомый старец во все том же исписанном странными символами оранжевом балахоне. Внизу ступенек, ведущих к подножию обелиска, располагались два легионера, точнее преторианца, еще двое гвардейцев дежурили с противоположной стороны памятника.

– Я зайду с левой стороны. Когда преторианцы начнут меня оттеснять, ты сможешь подойти к нему и спросить то, что тебя интересует. Только не спеши, жди, пока меня отодвинут подальше. Когда они поймут нашу хитрость, побегут к тебе, и тогда, возможно, шанс появится и у меня. Попробуем убить одновременно двух зайцев, – сказал легионер.

Я убрал от лица маску с серьезным выражением лица и кивнул. Легионер сделал разминку шеи, несколько раз поочередно наклонив голову из стороны в сторону, после чего целенаправленно пошел к Лонгину прямо через магистраль, не обращая никакого внимания на проезжающие автомобили. Движение воина преторианцы засекли сразу. Один из них, судя по гребню на шлеме – офицер, выдвинул в направлении легионера ладонь, призывая остановиться, но воин не сбавил ход, а лишь прикрыл тело крупным щитом. Преторианцы также закрылись skutумами и приготовились к обороне. Гвардейский центурион вытащил откуда-то из лат мобильный телефон, потыкал в экран пальцем, после приложил его к уху и стал что-то говорить. Двое преторианцев, которые охраняли другой подход к памятнику, также заметили легионера и поспешили на помощь своим товарищам. Пока они бежали легионер уже врезался во вражески щиты. От мощного толчка skutума преторианский офицер завалился на землю, а его напарник отскочил в сторону. Воспользовавшись удачным моментом, легионер рванул к легату пропретору, но уже успевший собраться центурион в прыжке схватил его за ногу, из-за чего воин повалился на землю. Тут же подбежавшая подмога стала пинать восставшего против системы бойца ногами. Впрочем, крепкая лорика сегментата надежно защищала его тело от этих ударов. Несмотря на сложное положение, легионер все же сумел подняться и дви-

нуть кулаком одному обидчику в челюсть, из-за чего тот сразу же сел на задницу. Но в следующий момент легионера вновь повалили на землю другие гвардейцы. Я понял, что дальше затягивать нельзя, и со всех сил рванул к Лонгину. В порыве драки преторианцы не заметили меня, и я свободно приблизился к старику. Лонгин сидел в позе лотоса с закрытыми глазами и что-то тихо бормотал себе под нос.

– Я электус? – выкрикнул я свой вопрос, чтобы не терять время на лишние слова.

Лонгин открыл глаза, внимательно посмотрел на меня и широко улыбнулся.

– Это тебе решать, – сказал он.

– Что мне надо сделать? – продолжил я.

– А что в твоих силах? – сказал старик.

– Я не знаю, – прошептал я.

– В таком случае все сгорит в огне потребления, – продолжи Лонгин, после чего продолжил с интонацией учителя, – в определенный момент все становятся перед сложным выбором, от которого зависит дальнейшая судьба человека, а,

возможно, и всего мира. Что бы изменилось, если бы я не добил Христа своим копьем? По большому счету ничего, он бы все равно умер, только помучался чуть дольше. Но что значит чуть дольше? Время, как тебе известно, относительно. Более того, благодаря этому поступку человечество получило окропленное святой кровью оружие, которое может сыграть главную роль в битве за свет. А может и не сыграть.

После последнего предложения Лонгин тихо захохотал, не размыкая губ.

– Мы живем в другом мире. Сейчас самое опасное оружие – это мышка и клавиатура, которое в умелых руках наносит больший урон, чем самое высокоточное и мощное вооружение, – парировал я.

Старик закрыл глаза, широко улыбнулся, и продолжил протяжно мычать себе под нос. Ко мне уже бежали двое преторианцев, когда к обелиску городу-героя со свистом от покрышек подъехал уже знакомый черный микроавтобус. Выпрыгнувшие на ходу солдаты в фиолетовых одеждах схватили легионера под руки и поволокли его к машине. Они уже практически затащили его в салон, когда все окружающее пространство прорезал громкий мощный голос: – Стоять.

Преторианцы повиновались и повернули головы в сторо-

ну обелиска, впрочем, как и я. Голос принадлежал Лонгину, который стоял во весь рост и суровым взором смотрел на бойцов. Он выглядел исполином – огромным и величественным, словно высеченным из камня древнегреческий герой.

– Отпустите его, – приказал старик.

Легионер выбрался из машины и уверенным шагом направился к Лонгину, по пути подняв свой пилум и skutum. Преторианцы смотрели на него, но никаких действий не предпринимали. Приблизившись к старику, легионер встал на одно колено и склонил голову.

– Твоя служба закончена, солдат. Ты свободен, – сказал ему Лонгин.

После этих слов легионер поднялся и, закинув голову, посмотрел на затянутое вечными облаками небо. А в следующий миг, расправив руки словно крылья, он стал отрываться от земли. Казалось, что какая-то сила схватила его тело и тянет в высь. Когда он был на расстоянии около 20 метров от земли, его тело стало излучать свет. С каждой секундой свет становился все ярче и ярче, и в какой-то момент на легионера стало невозможно смотреть. А после раздался громкий звонкий звук, напоминающий рикошет артиллерийского снаряда от толстой брони танка, после чего воин исчез.

Преторианцы молча наблюдали за этим действием, а у меня от удивления даже отвисла челюсть. Когда все закончилось, с характерным лязгом на землю упал пилум легионера.

– Это случайно не твое оружие? – обратился ко мне Лонгин и, хитро захихикав, добавил, – если есть копье, то и судьба найдется.

Я подошел к месту, где еще недавно преклонял колено воин, взял его пилум и пошел в сторону станции метро «Университет». Преторианцы мне никак не препятствовали. В ботаническом саду имени академика Фомина я присел на лавку и стал внимательно рассматривать копье. Это был обычный ничем не примечательный древнеримский пилум.

Древко занимало примерно две трети копья, которое входило в идеально круглый металлический шар. На нем было выполнено тиснение в виде короны с острыми зубцами. Оставшаяся часть оружия приходилась на стальной наконечник.

– Что-то в последнее время мне много корон попадается, – подумал я, и решил рассказать о случившемся Ольге. Достав телефон, написал ей сообщение: – Привет. Надо поговорить. Ответ пришел не сразу, а примерно через минут двадцать: – Давай вечером. Сегодня после семи часов

я полностью свободна. Разговор предстоял серьезный, поэтому рестораны центральной части города не подходили. Все эти места могли прослушиваться сотрудниками тайной службы. Нужно было выбрать отдаленное и укромное место. Внезапно боковым зрением я заметил приближающуюся ко мне фигуру. Это оказалась молодая девушка, на которой из одежды, традиционно, были только чулки на подвязках, прикрепленные шлейками к небольшому поясу на бедрах, и черные туфли на высоких шпильках с ярко-красными подошвами. Она подошла ко мне и протянула небольшую бумажную карточку черного цвета, на которой кислотно-зеленым цветом была сделана надпись ресторан «Панорама». С обратной стороны картонки была напечатана карта с указанием места расположения заведения и контактные телефоны.

– Приглашаю в ресторан «Панорама». Приятные цены, уют и благоприятная обстановка гарантированы, – сказала девушка, после чего незамедлительно удалилась.

Я уже несколько раз бывал в этом заведении, размещавшемся на последнем этаже высотки. Там действительно была хорошая атмосфера, удаленные друг от друга столики, тихая музыка, а главное – красивый панорамный вид на город с крытой веранды.

– Тогда жду тебя в 19.30 возле ресторана «Панорама» на

улице Шолуденко, – написал я, и дополнительно отправил метку бесплатного картографического сервиса. Ответ также пришел со значительной задержкой и состоял из стандартного «ок».

Я приехал к ресторану заблаговременно – разведать обстановку и занять хороший столик. Чтобы попасть в заведение, нужно было пройти к лифтам через фойе делового центра. Раньше здесь было пусто, теперь же в центре зала была установлена довольно крупная позолоченная скульптура. На столе, который был сбит из прямоугольных скutumов, лежала обнаженная девица с широко раскинутыми ногами. За девушкой располагалась фигура крупного фавна – рогатого мужика с козлиными ногами, на плечи которого был накинут китель советского образца с погонами, на которых виднелись три крупные звезды. Мифическое существо занималось с любовницей анальным сексом. Это было понятно, поскольку половые органы женщины располагались выше и напоминали раскрывшийся бутон цветка. Возле стола у правого копыта фавна валялась фуражка, кольчуга, сабля, пистолет системы наган и дубинка, напоминающая фалоиммитатор.

– Овидий бы одобрил, – подумал я, и зашел в открытый лифт. Кабинка быстро довезла меня на верхний этаж, где сразу возле раскрывшихся створок меня встретила админи-

стратор – эффектная блондинка, обнаженное тело которой украшали тонкие латексные полоски в области груди, бедер и гениталий, которые только подчеркивали красивые формы дамы. Ее образ дополнял широкий нашейный ремень с острыми металлическими шипами. Администратор удивленно посмотрела на меня, но все же согласилась провести к свободному столику. Войдя в зал, мне стало понятен взгляд девушки. Во-первых, в отличие от других заведений ресторанного уровня здесь было очень мало дыма – даже меньше, чем в кафе «Последний выход господина ПЖ». Во-вторых, почти все помещение было заполнено преторианцами – глаза непрерывно выхватывали фиолетовые плащи и шлемы, напоминающие немецкие каски времен последней мировой войны. В основном гвардейцы сидели за столами и выпивали, но на барной стойке творилась настоящая оргия – пять здоровых мужиков оприходовали двух голых девиц, которые напряжено стонали и кряхтели. От этой картины мне стало не по себе. В этот момент я еще раз оценил преимущество золотых масок, которые скрывали от окружающих искренние эмоции их владельцев.

– Что клерк, решил присоединиться к нашей вечеринке, – хлопнув меня по плечу, сказал изрядно подвыпивший и улыбающийся боец, который проходил мимо. Я развернулся и хотел было ретироваться, но меня остановила чья-то сильная рука. Обернувшись, я увидел двух преторианцев в полной

экипировке.

– Глеб Аркадьевич, с вами хочет поговорить наш центурион, – сказал один из бойцов.

– Простите, у меня сейчас абсолютно нет времени, – сказал я, и попытался шагнуть в сторону лифта, но рука бойца слишком сильно фиксировала мое тело.

– Это не просьба, – сказал боец, – настоятельно приглашаем.

– Ну, раз настоятельно, – сказал я, и последовал в направлении, которое указал мне гвардеец.

Преторианский центурион сидел за небольшим столом в самом конце зала, куда практически не добивал свет от ламп. На вид ему было около пятидесяти лет, белое худощавое лицо, широкие плоские губы, впалые щеки, слегка наплывающие на глаза веки, седые волосы, но при этом черные густые брови. В общем, обычный славянский мужик, если бы не взгляд. Его карие глаза смотрели с неприязнью, недоверием и даже злобой. На его темно-коричневых кожаных доспехах я разглядел небольшой овальный значок, на котором были изображены серп и молот, прорезаемый мечом.

– Присаживайтесь, Глеб Аркадьевич, – сказал он, – Маску можно убрать. Это частный душевный разговор, который не предполагает игры и фальши. Я, если позволите, хотел бы задать вам пару вопросов.

Я убрал маску и опустил на стул.

– Не буду распыхляться, чтобы не тратить ваше и мое время. О чем вы говорили с Лонгином? – спросил он.

Я улыбнулся, внимательно посмотрел на него, и ответил: – Да, я кратко пообщался с ним в метро. Знаете, бывают такие разговоры – ни о чем. Он говорил об иллюзорности и надуманности этого мира. Реальность, по его словам, плод воспаленного мозга. Собственно – на этом все.

– И вам настолько понравилась его философия, что вы решили встретиться с ним во второй раз? – спросил он, слегка дернув левым глазом.

– Вы знаете, забавные фантазии обладают таким шармом и увлекательностью, что их можно слушать бесконечно, – сказал я, продолжая улыбаться.

– Глеб Аркадьевич, вы ведете себя крайне опрометчиво, воспринимая меня, как среднестатистического потребителя

вашего контента. Таких, как вы, я за годы службы съел и переварил не одну чертову дюжину, – сказал офицер, искусственно растягивая губы в улыбке. Затем он несильно хлопнул ладонью по столешнице, и к нам незамедлительно подбежала голая девица, которая откинула скатерть с нашего стола и проворно скрылась под ней. Я почувствовал, что девица начинает стягивать с меня спортивные штаны, и попытался подняться, но стоящий возле стола преторианец мгновенно усадил меня обратно. Затем я почувствовал, что она засунула мой член себе в рот и стала полировать его языком, из-за чего он быстро стал увеличиваться в размерах.

– На самом деле, Глеб Аркадьевич, о чем вы говорили с Лонгином мне известно до последнего предлога. Меня интересует то, о чем не было сказано вслух. Зачем Лонгин передал тебе копье судьбы? – продолжил центурион.

Я не нашел ничего лучшего как сказать, что не знаю. Офицер еще раз несильно ударил ладонью по столу, после чего вместо оральных ласк в мой половой орган стали вонзаться острые зубы, при чем с каждой секундой все сильнее и сильнее. Мое лицо стала искажать гримаса боли, а попытки вырваться пресекались стоящим за спиной бойцом.

– Клянусь, не знаю зачем, – сквозь боль выдавил я из себя, после чего у меня стало темнеть в глазах. И вдруг у себя за

спиной я услышал знакомый голос.

– Ты что творишь, пес, – повышенным тоном сказала Ольга, – бафометовы клерки неприкосновенны для гвардии. Хватка девушки под столом ослабла, но не прекратилась. Центрурион показал ей свои ладони и заявил: – Ни я, ни любой другой моей боец и пальцем его не тронул.

– Мне ваши методы хорошо известны, – сказала Ольга, подошла к столу и постучала по столешнице костяшками кулака. Хватка полностью прекратилась, настольная скатерть приподнялась, и моя мучительница выбралась наружу. Ольга зло посмотрела на нее, и девушка немедленно скрылась с наших глаз.

– Беседа, которую мы вели с вашим коллегой, имеет значение корпоративной важности, – попытался оправдаться офицер.

– Покажи визу канцлера? – спросила Ольга.

– Госпожа, деликатные дела не предполагают бумаг, – ответил центурион.

– Это специалист высшей категории, он занимает в компании важную роль, поэтому в подобных случаях требуется

виза. Мне хорошо известны правила, – парировала Ольга.

Преторианский центурион поднялся и, еще раз дернув глазом, склонил голову.

– Виноват, – тихо сказал он.

Ольга зло окинула его взглядом, и, хлопнув меня по плечу, сказала: – Пойдем. Я чувствовал себя крайне неловко из-за ситуации, в которой оказался. Кроме того, болевые ощущения, пусть не такие яркие, как во время пытки, все еще продолжали мучить меня. Перед тем как выйти из-за стола, я слегка приподнялся, чтобы натянуть штаны. Все гвардейцы остановили свои дела и пристально следили за нами.

– Какого черта тебя понесло сюда? – спросила Ольга по пути к лифтам.

– Раньше «Панорама» была вполне приличным заведением? – оправдывался я.

– Я подумала, что ты задумал что-то оригинальное, хочешь чем-то удивить, пригласив в логово силовиков. А тебя, оказывается, обуяли ностальгические чувства о прекрасных былых временах, – съязвила она.

Проходя возле девушки-администратора, Ольга, протянула ей несколько стодолларовых купюр. Та улыбнулась в ответ и изящно выполнила книксен. Выйдя в фойе, я еще раз посмотрел на памятник фавну и его любовнице, и только теперь я понял, что первоначальное восприятие этого произведения оказалось ошибочным. С нового ракурса было четко видно, что фавн занимался любовью не с женщиной, а оскопленным длинноволосым мужчиной (рану я изначально принял за женский бутон), который к тому же, по выражению лица, явно был при смерти. Смысл произведения кардинально менялся. Изначальный порнографический посыл с зоологических уклоном перевоплотился в аллегория на карательную машину государства, которая для достижения своих иезуитских показателей не брезгует самыми извращенными моральными и физическими пытками. О чем дополнительно свидетельствовали рисунки на преторианских щитах, на которых происходила сцена насилия. В центре каждого скутума был изображен гербовый щит с эмблемой волчьего крюка – латинская буква N, которую по вертикали прорезала латинская буква I, срезанная наискосок в верхней части и у основания. Когда-то я читал, что похожую эмблему использовала дивизия СС «Дас Райх» и адепты некоторых сатанинских культов. С двух сторон щит с волчьим крюком удерживали стоящие на задних лапах два крупных кашмирских козла.

– Почему национализм и гомосексуализм так тесно связаны, хотя, казалось бы, должны наоборот быть по разные стороны баррикады? – невзначай спросил я у Ольги.

– Почему? – ухмыльнулась она.

– Они же за чистоту нации и традиционные ценности. – продолжил я.

– Это только для медийного позиционирования. На деле все совершенно иначе. Просто национализм – это еще один способ толкания говна в головы необразованных потребителей. Генераторы идей превосходства и чистоты нации далеко не националисты, а, скажем так, мухи, которые генерируют, точнее, разносят и множат идейное говно для личного обогащения или других выгод, – пояснила она.

На улице она закурила и предложила сигарету мне, а уже через мгновение облака дыма окутали наши лица.

– Не бери этот инцидент в голову. Ты же давно понимаешь, в каком мире живешь. Конечно, лично столкнуться с темной стороной реальности, не самые приятные воспоминания. С другой стороны, пережитый опыт делает нас умнее и сильнее, – сказал Ольга, погладив меня по плечу, – давай выпьем и расслабимся, а завтра я попытаюсь узнать, в чем

причина такого интереса преторианцев к твоей персоне.

По предложению Ольги мы поехали в «Последний выдох господина ПЖ», как она сказала – неофициальное место встреч жуков общества скарабеев. Там мы сели за самый дальний столик и заказали графин водки. Выпив несколько рюмок алкоголя, я действительно расслабился, а после еще нескольких порций мне и вовсе стало казаться, что инцидент в «Панораме» всего лишь неприятный сон. Только после этого я решил поговорить с Ольгой о том, ради чего позвал ее на встречу.

– Лонгин зачем-то дал мне копьё? – сказал я Ольге.

– Все верно, ты же электус, – ответила она.

– Я должен убить Уильяма Виндзора? – напрямую спросил я.

– Боюсь, Глеб, что ни тебе, никому другому это попросту не под силу. Хотя, если вонзить острие ровно между рогов, шанс есть – усмехнулась Ольга, после чего продолжил серьезно, – на верхнем этаже «Паруса» в специальном помещении под куполом находится специальная машина, которую мы называем «око потребления». Это очень сложное устройство, которое сводит образующийся в процессе потребления

свет каждого отдельно человека в единый поток. Выглядит это устройство так: по всему периметру купола в свод и стены вмонтированы миллионы мониторов, которые отображают умственный процесс каждого нашего клиента, включая даже потенциальных, во время потребления материальных и виртуальных благ. В ходе этой процедуры каждый монитор излучает свет – красный, зеленый или синий, в зависимости от того, что конкретно потребляет человек. Зеленый свет экрана значит, что потребляется виртуальный контент, синий – материальный, красный – физиологический. «Око потребления» сливает все световые точки в единый ослепительный белый свет с легким, едва заметным розовым оттенком. Если же человек не находится в процессе потребления, а осознает или познает себя, окружающую действительность, мир, Бога, что в общем-то одно и то же, его экран не светит вообще, точнее он испускает черный свет. Это выглядит как битый пиксель на матрице фотоаппарата, только наоборот, но рассмотреть это на общем фоне непросто. Таких черных дырочек на полотне не очень много, и с каждым днем становится все меньше. Но все же при долгом рассмотрении «ока потребления» выцепить их возможно. Они проявляются как черные вспышки на фоне залитого пространством света. Все световые пучки в едином потоке направлены в центр зала, где расположен огненный трон, на котором восседает Уильям Виндзора. Свет с тронem и являются источником силы и могущества многоликого властелина. Та-

кие машины установлены во всех филиалах Кузни, но за ними всегда сидит один и тот же козел, хотя называться и выглядеть он может совершенно иначе. Твоя миссия заключается в том, чтобы уничтожить эту машину. Для этого тебе нужно будет попасть в этот зал, обнаружить один из темных экранов – «битых пикселей» и метнуть в него копьё судьбы.

– Пока упустим нюансы, связанные с тем, как попасть в этот зал, рассмотреть черный монитор на фоне миллионов святящихся экранов и умудриться попасть в него копьем. Что произойдет, когда пилум попадет в такой монитор? – спросил я.

– Иерархи долго думали над тем, как можно нанести фатальный удар по системе. Поверь, на это ушло очень много сил и времени. Есть несколько вариантов последствий этого действия. Возможно, с повреждением монитора будет запущена цепная реакция – начнут взрываться примыкающие к поврежденному экрану табло, и затем следующие за ними, пока абсолютно все «око» не развалится. К чему это приведет? Мы ожидаем, что будут нанесен фатальный ущерб всей информационно-коммуникационной системе потребления – будет нарушена связь между человеком, его светом и машиной, которая преобразовывает потоки всех потребителей в единый луч, направленный в трон. Произойдет глобальный сбой – апокалипсис существующего потребительского геге-

мона. Люди перестанут залипать в экраны – смотреть бесполезные ролики и покупать ненужные товары. Они будто выйдут из сна и направят свой свет в себя. Конечно, потребление не исчезнет, но какое-то время его влияние на человека будет сильно ослаблено, что неизбежно приведет часть общества к более глубокому осознанию мира, а значит себя или Бога. Восстановление «ока» займет продолжительное время, и есть весьма обоснованные шансы, что при повторном запуске системы «битые пиксели» будет уже не так сложно обнаружить под куполом «Паруса». Как минимум мы выиграем бой в вечной войне и отодвинем надвигающуюся катастрофу.

– Хорошо, как попасть в «око потребления»?

– Попасть в купольный зал простой клерк не может. Для начала тебе потребуется стать рыцарем-архаром. Для этого нужно возглавить один из 13 департаментов корпорации «АйДи». Получение должности руководителя одного из основных ведомств автоматически возводит клерка в касту рыцарей. Но стать рыцарем это только полдела. Затем надо заполучить титул регента. И вот тогда у тебя появится шанс попасть в зал «ока потребления» и реализовать свое предназначение, – пояснила Ольга.

– Всего ничего, – сыронизировал я.

– Нет ничего невозможного, – улыбнулась в ответ Ольга, – На подробностях пока не вижу смысла останавливаться, нам предстоит долгий путь.

Мы еще посидели какое-то время, допили спирт под то-сты «за успех нашего мероприятия» и решили расходиться. Я предложил провести Ольгу домой, и она согласилась. Как оказалось, жила она недалеко от офисного центра – в шикарном новом доме на бульваре Леси Украинки. Я давно не был в этом районе, поэтому удивился его выхолощенному виду и пустоте. Здесь не было ни клерков, ни обычных работников, ни легионов и их жертв. За время пешей прогулки нам все несколько раз попались небольшие отряды преторианцев, которые, завидев нас, становились по стойке смирно. Возле подъезда я решил признаться Ольге, что испытываю к ней чувства глубокой симпатии. Говорить о чем-то большем было пока рано, да и страшновато. Я посмотрел ей в глаза, произнес какие-то несвязные слова, после чего сразу потупил взор, подчеркивая конфиденциальность и одновременно неловкость откровения. Она посмотрела на меня прищуренным взглядом и улыбнулась.

– Ты хороший парень, Глеб, но... – сказала она и замолчала.

– В школьные годы мы шутили, все сказанное до слова «но» – лошадиное дерьмо, – вновь нелепо попытался пошутить я.

– Я не в этом смысле. Просто сейчас у меня не самый лучший период для отношений. Надеюсь, что он скоро закончится, – сказала она, и после небольшого промедления поцеловала меня в щеку.

Наверное, такой ответ Ольги сильно бы расстроил меня, не выпей я перед этим крепкую порцию спирта. Нет, конечно, я был слегка подавлен, но все-таки надежда на взаимность у меня оставалась. А надежда эта такая штука, которая помогает держать оборону даже при невообразимом численном превосходстве вражеских сил.

Жертва

На следующий день Ольга позвала меня на обед, во время которого рассказала о том, что преторианцы действительно взяли меня в работу по поручению Степана Гаврика. Как оказалось, вечно хихикающий коллега был знаковой фигурой в системе корпорации «АйДи» – начальником тайной службы, и канцлером при ордене рыцарей-архаров. Сам он рыцарем не являлся, но при этом принимал активное участие в жизни сообщества и пользовался неограниченным

доверием генерального директора. Властных полномочий у него также хватало. Поводом для пристального внимания к моей персоне послужили последние стратегии противодействия антиконтенту, которые утратили прежний размах и акценты. Меня стали подозревать в сговоре с конкурирующей компанией – ЗАО «Генератор света». В ходе проработки выяснилось, что со мной беседовал Лонгин. Поначалу этому особого значения не предали, поскольку старик периодически ведет агитационную работу среди клерков. Но когда он передал мне копье, было решено провести со мной беседу. Впрочем, я далеко не первый конторщик, которому легат пропретор передавал копье, меч или другое колюще-режущее оружие. Поначалу всех таких клерков детально проверяли и допрашивали с пристрастием, но никаких серьезных намерений по нанесению какого-либо вреда корпорации или лично Виндзору обнаружено не было. Поэтому со времен интерес к таким клеркам пропал. Возможно, Лонгин делал так, чтобы запутать тайную службу. Но в итоге было решено просто максимально оградить общение сотрудников корпорации со светозарным центурионом. Ольга настоятельно рекомендовала мне вернуться к прежнему качеству проработки стратегий, поскольку возложенная на меня миссия гораздо важнее попытки завуалировать ключевые нарративы антиконтента. Кроме того, она сказала, что очень скоро произойдут события, которые ускорят реализацию нашего плана. Рекомендации Ольги были приняты, и жизнь моя пре-

вратилась в рутинное ожидание перемен. Я ходил на работу, разрабатывал стратегии противодействия антиконтенту, несколько раз в день сжигал выложенные из купюры оригинами и заканчивал день в алкогольной медитации. Иногда я приглашал Ольгу в ресторан, и она иногда соглашалась пойти. Постепенно мы становились ближе друг другу и однажды вечером после ужина в «Желтом море» она поцеловала меня в губы. Но после этого наши отношения вновь откатили немного назад.

В один из стандартных вечеров я прогуливался под дождем в Мариинском парке, время от времени пригубивая завернутую в бумажный пакет бутылку со спиртом. Не знаю почему, но я вспомнил о Позере. До Арсенальной было рукой подать, и я решил навестить Владимира Владимировича, хоть и понимал, что шансы застать заслуженного работника медиа на месте будут невелики. К моему удивлению, он был там. Позер сидел на том же месте под памятником рабочим арсенала, как и при прошлой нашей встрече, держа в руке бутылку из-под сухого французского вина. Я поздоровался, и присел возле него.

– Все что угодно отдал бы за глоток подлинного бордо, – сказал Позер.

– Увы, Владимир Владимирович, здесь таких напитков

нет, – ответил я.

Он внимательно посмотрел на меня, отпил из своей бутылки, и неожиданно сказал: – Не думал, что они вновь возьмут специалиста по разработке стратегии антиконтента.

– Почему? Это же важное направление работы, – парировал я.

– Оно было таковым в 70-х, 80-х, немного в 90-х. После 2000-х превратилось в чемодан без ручки. И нести тяжело, и бросить жалко. Человечество в большинстве своем потеряло способность построения логических связей, интеллектуальных диспутов, жажды открытий и познаний тайн природы, жизни, мира и человека. Сейчас общество – это биомасса бездумно и бесцельно плывущая по трендам, которые умело вводят, а потом заменяют строители пирамиды потребления. А самое забавное, что и сами творцы трендов такие же потребители, которые просто находятся на вершине своей бездушной постройке, являясь головой пожирающего себя уробороса. В наши дни сам антиконтент стал частью контента, поскольку потребители видят лишь поверхностную составляющую замыслов и посылов его авторов, лайкая и шаря эти произведения в своих социальных сетях, как и любой другой продукт «АйДи». Разрубить гордиев узел с потреблением, увы, мало кто способен.

Слова Позера породили определенные нотки сомнения в ценности моей персоны для компании, поэтому я спросил, зачем меня тогда взяли на работу? Владимир Владимирович приложил к губам бутылку и закинул ее кверху. Затем заглянул внутрь, после перевернул горлышком вниз и потряс. Бутылка оказалась пуста. Я протянул ему в ответ свой пакет. Позер брезгливо посмотрел на пакет, затем на меня и сказал, что он как француз пьет только вино с малой большой родины. Но в следующий момент он вырвал у меня из рук пакет со спиртом и сделал большой глоток. После этого Позер сказал: – Думаю, корпорация заинтересована не в твоей работе, а конкретно в тебе. Ведь последние годы «Ай-Ди» как-то обходилась без услуг стратега. Достаточно было просто найти антиконтент, нагнать туда армию ботов, которая без аргументированно и бессмысленно будет мазать его буквенным поносом, и завалить нашим контентом – рекламной, всплывающими блоками, другими роликами и так далее. Более того, сомнительна эффективность всей работы департамента антиконтента. Вот скажи мне, стратег, зачем нагонять армию ботов корпорации «АйДи» туда, где уже сидят боты ЗАО «Генератор света», ведь по большому счету разницы между ними нет. Бот уже давно не профессия, а состояние души.

Через некоторое время я спросил его: – Владимир Влади-

мирович, вы верите в электуса?

– Я верю в человека, не в человечество, а в конкретную личность, которая вопреки всему может совершить поступок, который перевернет этот мир. И для этого не нужно быть электусом, для этого просто нужно быть способным на поступок. Таких примеров в истории не мало: Мартин Лютер, Жанна д'Арк, Тиунэ Сугихара и так далее.

– Вы ведь были в зале под куполом «Паруса»? – спросил я.

– Да, – ответил он.

– Говорят, что разрушить систему можно, попав копьем судьбы в монитор потребителя, который находится в процессе осознания, то есть его экран не светится? – продолжил я.

– Я должен был метнуть в экран не копье, а боевой топор, – сказал Позер, – но невозможно сделать то, во что ты не веришь.

– Вы не верили, что можно уничтожить «око»? – сказал я.

– При чем здесь «око». Разве один монитор может серьезно повлиять на работу всей машины? – сказал Владимир Владимирович, ухмыльнувшись, – Едва. Экран – можно на-

звать стволем или объективом, который направляет свет человека в указанном направлении. То есть, когда топор или копье попадет в монитор, на самом деле удар получит человек, точнее его внутренняя оболочка – рабочее состояние ума, а не «око». Поэтому корректнее сказать о некоем внутреннем потрясении, перевоплощении или просветлении конкретного человека, но никак не машины. Понимаешь?

– Не совсем, – признался я.

– В древнеиндийских свитках сказано, что само собой просветление невозможно. Для этого нужен определенный толчок. И этим толчком должно стать прикосновение Бога. Можно назвать это актом творения, контактом, финалом или экстазом целостного и полного осознания природы реальности. На практике это означает переход или перевоплощение погруженного в процесс самосознания человека в Бога в один миг. Момент входа копья судьбы в экран, точнее в душу человека, теоретически может стать этим толчком. Что-то похожее произошло с Сиддхаттха Готама, который стал Буддой. Это момент, когда осознание достигает конечной цели. Собственно, попадание топора или копья в цель по идее должно привести к рождению Бога, который сможет своим словом и делом спасти многих людей от сгорания в огне потребления. И смысл не в том, что потребление сожжет потребителя. Человек выгорит сам. Словно сжигающая свой газ

звезда, он использует все свое внутренне топливо на бесполезный контент и материальные вещи. Но я не верю, и никогда не верил в Бога, поэтому так и не решился на бросок боевой секиры.

Вернувшись домой, я очень долго думал над словами Позера и Ольги о том, что произойдет после того как копьё судьбы попадет в черный монитор «ока потребления». Поначалу мне казалась более правдоподобной версия Ольги, потом Владимира Владимировича, и так по кругу. На следующий день я решил рассказать о разговоре с Позером Ольге. Ее ответ убедил меня в любом случае попытаться выполнить возлагаемую на меня миссию.

– Что произойдет, когда копьё пробьет монитор, неизвестно никому. Возможно, произойдет то, о чем рассказывала тебе я, возможно, то, о чем говорил Позер, а может быть и что-то совершенно другое. При этом, как моя, так и версия Владимира Владимировича содержат единый стержень – удар копья может изменить текущее положение дел, ход истории – вернет человечество на истинный путь, придаст смысл его жизни, который заключается в осознании или духовном росте, но никак не в потреблении, – объяснила она.

Ольга была права во всем. Надо было хотя бы попытаться сделать бросок. Быть, как Позер, я точно не хотел. предска-

занные любимой женщиной перемены действительно произошли в скором времени. В один из обычных рутинных дней Аннушка передала мне материал, который я, после детального изучения, пустил в работу. В этот раз мне выпало противодействовать очередному муралу, который недавно появился на одном из домов в районе станции метро Лыбедская. Ключевым персонажем картины выступала сухопутная черепаха, заходившей в озеро, чтобы добраться до несильно отдаленного финиша, изображенного в виде натянутой между двумя распорками красной линией. Передние лапы черепахи были уже в воде, а задние пока оставались на суше. Сверху на пресмыкающемся сидел белый кролик в строгом синем костюме, который держался за удила, намотанные на морде тортилы. Вода была красного цвета, на поверхности которой не часто, но и не редко виднелись обезображенные огнестрельными и колото-резанными ранами трупы белых кроликов. Некоторые были в зеленой военной форме с зажатыми в руках автоматами Калашникова, другие в обычной гражданской одежде. За финишной чертой была нарисована уплывающая на большом коричневом быке с заплетенными в рога цветочными гирляндами красивая женщина в светло-синем платье и золотой тиаре с закрепленными на ней 12 пятиугольными звездами. В руке она держала веревки, которые вели к распоркам с красной лентой, которые на самом деле отдалялись от берега вместе с быком. Перед черепахой был нарисован сверхзвуковой стратегические совет-

ский ракетоносец Т-160, который ковшом разрушал экскаватор американской компании Caterpillar. Верху над кроликом – в противоположном направлении улетал лебедь, чем-то похожий на Т-160. Стратегия противодействия этому антиконтенту с рабочим названием «Прощай, немытая Россия» строилась на видеообращении бывшего премьер-министра Яйцесюка с заявлением об успешном внедрении в стране новой экономической модели под названием «Минус 40%», основанной на деиндустриализации государства и демографической корректировке под нужды аграрного сектора, когда в коридоре офиса раздался громкий звук, похожий на хруст ломающегося дерева. Аннушка и Георгиевский встали со своих кресел и резко направились к выходу. Я последовал за ними. Возле кабинета Владимира Семеновича мы увидели около 10 работников нашего ведомства – классический офисный планктон, имена и должности которых едва вообще кто-то знал, а также четырех преторианцев в стальных латах, темных лацернах и узнаваемых нацистских шлемах. В самом кабинете происходила какая-то возня: звон струн, крики, приглушенный звук ударов. Я попытался пройти в кабинет начальника, но гвардейцы преградили мне путь, заявив, что мероприятие санкционировано канцлером ордена рыцарей ступенчатого стола. Потом они расступились, чтобы выпустить из кабинета своих побратимов, которые выносили из помещения Владимира Семеновича. Тело начальника было покрыто синяками и ссадинами, из золотого шлема

в области шеи текла кровь. В руке он сжимал гриф гитары с разбитой декой. Казалось, что Высоцкой без сознания, но когда его тело пронесли возле, он посмотрел мне в глаза, и, собравшись с силами, начал выкрикивать стихотворение:

– В стае диких гусей был второй,
Он всегда вырывался вперед,
Гуси дико орали: «Встань в строй!»
И опять продолжали полет.
А однажды за Красной Горой,
Где тепло и уютно от тел,
Понял вдруг этот самый второй,
Что вторым больше быть не хотел...

Один из преторианцев с размаху ударил Владимира Семеновича по голове рукояткой испанского меча, после чего начальник сник. Вслед за преторианцами из кабинета вышел Степан Гаврик в длинном черном плаще с золотым подбоем, лицо которого скрывала уже знакомая золотая маска с миндалевидными прорезями для глаз – без черт лица и эмоций.

– Здарова, Вадатурский, – сказал он привычно в хорошем расположении духа, явно не придавая никакого значения происходящему насилию, – хорошо, что встретил тебя, есть разговор. Давай, чтобы не затягивать, заходи в кабинет.

Закрыв за мной дверь, он подошел к столу и поднял офис-

ное кресло, на котором обычно сидел Владимир Семенович.

– Рабочая суета, – сказал он, опускаясь в кресло.

Повсюду в кабинете были видны следы борьбы – разброшенная бумага, папки, деревянные щепки от гитары, взъерошенный ковролин, перевернутая офисная мебель. В некоторых местах, особенно много возле стола начальника, в глаза бросались сгустки крови.

– Что с Владимиром Семеновичем? – просил я.

– А Владимир Семенович, Глеб, полез туда, куда не следовало, и дела то, чего не стоило. Если тебе, вдруг, когда-то захочется сделать что-то такое, что противоречит этике клерка корпорации «АйДи», рекомендую тебе хорошо подумать, поскольку последствия этого могут быть глубоко inferнальными, – сказал Степан, придвинувшись ко мне максимально близко.

На моих щеках заиграли желваки. Гаврик достал откуда-то из своего плаща портсигар, вытащил сигарету и задымил.

– Как ты смотришь на то, чтобы занять должность директора департамента антиконтента? – прервав непродолжи-

тельную паузу, продолжил он, – начальство считает, что ты вполне сможешь обеспечить плановые показатели этого ведомства.

– Кресло Владимира Семеновича еще не остыло? – спросил я довольно злобно.

– И что, попка нового начальника ведь должна быть в тепле, – захихикал он в ответ.

Мне так захотелось подскочить к нему, чтобы врезать по морде, что я уже сжал кулаки и сделал первый шаг.

– Твой начальник сам мне позвонил и во всем признался, – сказал Гаврик, чувствуя возникшее напряжение.

Я остановился.

– Вот, значит, как, – подумал я, и от этой мысли у меня по телу пробежали мурашки, – Непросто Ольга говорила о том, что скоро все изменится. Неужели Владимира Семеновича принесли в жертву общего дела? Неужели он сам пригвоздил себя к кресту?

– Конечно, обо всех своих делишках он говорить не захотел, поэтому, увы, пришлось прибегнуть к силе, – продолжал

Гаврик, – но вернемся к делу. Что скажешь на счет нашего предложения?

– Это большая ответственность, – понизив голос, пробормотал я, – постараюсь оправдать оказанное доверие.

– Ну и прекрасно. Тогда перейдем к «плюшкам». Начнем с того, что твой оклад повышается до 666 золотых. Теперь тебе не придется пользоваться общественным транспортом, у тебя появится корпоративный мерс с личным водителем. Жить ты теперь сможешь в пентхаусе на Печерских липках. Но самое приятное, – захихикал Стен, – теперь ты можешь абсолютно бесплатно пользоваться любых девочек сети «Носорог».

– Это, конечно, самая ценная плюшка к должности, – съязвил я.

– И я так считаю, – радостно согласился Гаврик.

– Кроме того, как новый директор департамента антиконтента ты будешь введен в зал рыцарей ступенчатого стола. То есть, станешь полноценным членом ордена тени кожаного крыла. В ближайшее время ты пройдешь посвящение в архары. Подробности этой церемонии тебе расскажет хранитель тайн. И еще, больше тебе не придется пользоваться маска-

ми клерков, для тебя будет отлита одна единственная золотая маска. Какой твой любимый поэт, политик, военачальник или любой другой известный исторический персонаж. Только хорошо подумай перед тем, как дать ответ? – предупредил Гаврик.

Не знаю почему, но именно этот образ всплыл в моей голове в этот момент. Не могу сказать, что я выделял этого поэта среди других. Более того, мне значительно больше цепляли строки Булата Окуджавы, Анны Ахматовой, того же Владимира Высоцкого, но почему-то в этот момент в моей голове звучали строки этого человека:

– Мне осталась одна забава:

Пальцы в рот и веселый свист.

Прокатилась дурная слава,

Что похабник я и скандалист.

Ах! какая смешная потеря!

Много в жизни смешных потерь.

Стыдно мне, что я в Бога верил.

Горько мне, что не верю теперь.

– Сергей Есенин, – сказал я Гаврику.

– Принято, – ответил он, и протянул мне карточку с телефонным номером, где традиционно перемешивались цифры 13 и 666, – это телефон твоего водителя. Звать его Роберт.

Он заблаговременно предупредит тебя обо всех действиях, которые ты должен будешь выполнить в рамках церемонии посвящения. Что касается твоей работы, ты продолжишь разрабатывать стратегии противодействия антиконтенту, но, кроме того, теперь ты будешь больше вникать и следить за работой своих подчиненных – прежде всего речь идет о поиске антиконтента и практической реализации твоих стратегий, включая маневры армии ботов. Но все же главная твоя миссией станет участие в разработке и корректировке трендов потребления. Такие вещи обсуждаются на уровне Уильяма Виндзора. Постепенно со всем разберешься. На этом пока все. Государственные дела не ждут.

Гаврик встали из-за стола, потушил окурок в кровавую лужицу возле стола и направился к выходу.

– Леночка, пусть здесь все уберут, – сказал он, выходя из кабинета, после чего остановился и, указав рукой на меня, добавил – теперь Глеб Аркадьевич ваш новый руководитель.

В коридоре слышались редкие аплодисменты.

День архара

Коллеги по департаменту отнеслись к моему повышению спокойно, если не сказать безразлично. Возможно, они про-

сто создавали такой вид, скрывая истинное отношение к ситуации с Владимиром Семеновичем, и моему внезапному продвижению по карьерной лестнице. В этот же вечер я пригласил их к себе домой, где мы распили несколько бутылок спирта, но и там после энного количества стопок они не сказали мне ничего стоящего, даже в лицо никто не плюнул. Устав слушать алкогольные разговоры на пустые темы я попросил их оставить меня, после чего допил весь оставшийся спирт, и заснул, сидя за столом. Утром у меня ужасно болела голова, к тому же сильно тошнило. Нужно было приходиться к рабочему состоянию, поэтому пришлось применять старую рабочую формулу – лечить подобное подобным. После стакана спирта, мне действительно стало полегче, но и вновь окунуло в состояние алкогольного опьянения, пусть и не такое сильное, как вчера вечером. Отыскав карточку с телефоном водителя, я набрал Ростислава. Приятный сильный мужской голос сообщил мне, что машина ждет меня напротив подъезда. Ростислав оказался худощавым молодым человеком до 30 лет с лицом, сильно напоминающим известного австралийского актера Рассела Кроу. Когда я вышел на улицу, он был не в машине, а стоял у пассажирской двери. Я протянул ему руку, он крепко сжал ее, представился и открыл заднюю дверь черного корпоративного мерса.

– Глеб Аркадьевич, ваша новая маска готова, – сказал Ростислав уже в машине, – когда хотите забрать?

– Хотя сейчас, – сказал я, и водитель, одобрительно кивнув, нажала на педаль газа.

Автомобиль привез меня к «Украинскому дому», который в прежние времена был посвящен низвергнутому вождю Октябрьской революции. Ростислав быстро выбежал на улицу, чтобы открыть пассажирскую дверь, но я опередил его. Впрочем, на заметку взял, что отныне мне не стоит утруждать себя дерганьем ручки. Вход в здание охраняли преторианцы, которые никак не отреагировали на мое приближение, вероятно, черный мерс выступил определенным маркером, подчеркивающим статус вышедшего из него человека. В темном вестибюле в глаза бросилась большая скульптура человека из белого камня, в котором читались черты Владимира Ленина, несильно замаскированного под демона – к голове Ильича были приделаны небольшие рога с заведенным назад, а затем вздернутыми кверху концами. Но в большей степени демонический эффект создавали не эти отростки, а подсветка – к подбородку Ленина крепился небольшой фонарь, который бил в голову статуи снизу вверх ярким пучком красного света, затемняя впадины и выделяя выпуклости его лица. Из-за игры света под носом, под глазами и надбровными дугами формировались темные зоны, а щеки, нос и зона над глазами наоборот были сильно подсвечены. Поэтому лицо Ленина больше походило не на человеческое, а на

глиняную маску персонажа фильма «Гости из будущего» – космического пирата Весельчака У, только с пяточком вместо носа. Впрочем, демонический вид идеально и гармонично дополнял образ вождя захлебнувшейся у западных границ империи мировой революции. За памятником располагался огромный стеллаж с бесчисленным количеством полок, на которых виднелись сотни золотых масок. Подойдя ближе, я разглядел в некоторых ликах черты известных деятелей культуры, науки и политики. Неожиданно в вестибюле зажегся свет, и я увидел перед стеллажом небольшой стол, за которым спиной ко мне сидел какой-то мужчина. Вся столешница была завалена каким-то хламом: стаканами, бутылками, бумагами, столярными и слесарными инструментами. Почувствовав мое присутствие или услышав шаги, мужик обернулся ко мне, вытянул руку, широко улыбнулся и радостно воскликнул протяжное «о». Человека я сразу узнал, но почему-то не удивился. Я давно догадался, что Кузня собирает лучших представителей культурной интеллигенции в рамках своей зоны ответственности. А это был топовый персонаж, хорошо зарекомендовавший себя в деле потребления вербального и визуального контента, как в среде либерально-гомосексуального истеблишмента, так и в рядах патристически-анальных элит. Михаил Рефремов был в форме советского подполковника времен Великой Отечественной войны. Китель его был расстегнут, волосы растрепаны, лицо опухшее, а глаза заторможенные и стеклянные. Все призна-

ки затяжного и беспробудного пьянства.

– Глеб Аркадичь, заждались, заждались. А, собственно, маска ваша давно готова. Прикажите подавать? – сказал Рефремов, прожевывая слова и глотая окончания.

Не дожидаясь ответа, он засунул указательные пальцы рук в рот и свистнул, после чего несколько раз хлопнул в ладоши. Со стороны стеллажей послышались шаги. К столу приближался еще один Михаил Рефремов, только выглядел он совершенно иначе. Актер был гладко выбрит, причесан, подтянут, но главное – трезв. В руках он нес поднос с большим квадратным черным футляром и бутылку водки. Выложив содержимое на стол, Рефремов презрительно посмотрел на свою гротескную копию. Сидящий за столом Михаил, скорчив гримасу, прожевал: – Че пялишься, черт. Пошел вон.

Опрятный Рефремов театрально закатил глаз, покачал головой и безмолвно удалился. Аутентичный Михаил резким движением смахнул со стола перевернутые пустые бутылки из-под водки, нашел стакан, дунул в него и наполнил до краев прозрачной жидкостью из нового флакона. Выпив содержимое залпом, он занюхал водку рукавом. Затем Рефремов поднял крышку чехла и в свете ламп засверкал золотой лик Сергея Есенина.

– Примерим-с? – спросил Михаил.

– Пожалуй, – сказал я и приблизился к столу.

– Повернись спиной, – сказал Рефремов.

Маска состояла из двух частей – лицевой и задней, которые соединялись между собой в верхней части специальными петлями. Для лучшей фиксации лиц скреплялся в районе ушей специальными защелками. Чтобы закрепить их, Рефремову пришлось подняться из-за стола. Закончив работу, он попросил меня развернуться к нему лицом. Внимательно посмотрев в мои глаза, он внезапно растрогался и с его глаз потекли слезы.

– Сергей Александрович, родненький, с возвращением, – сказал он, и крепко обнял меня.

– Я сам смогу снимать маску? – спросил я.

– А зачем? – удивился Рефремов.

– Чтобы окончательно не потерять себя, – зачем-то ответил я.

– Как можно потерять себя, не осознав? – спросил он.

– У вас же получилось, – съязвил я.

– Э, нет, – усмехнулся Рефремов, – думаю, еще литров 300, и все окончательно прояснится, осознается.

– Как маску снять? – переспросил я чуть жестче.

– Щелчки раскрыть, лицо поднять вверх, как забрало, и маска снимется, – сказал Михаил.

– Спасибо, архангел, – пошутил я.

Рефремов удовлетворительно кивнул головой. Вместе с маской в коробке лежала какая-то свернутая ткань. Рефремов взял ее в руки и легким движением развернул длинно-полую льняную рубаху бежевого цвета.

– Это составная часть образа. Так что, снимайте свой костюм, – сказал Михаил, – снимайте, снимайте. Все свои.

Пока я переодевался Рефремов вновь присел за стол и наполнил свой стакан, правда, теперь до половины.

– А теперь давайте поговорим о церемонии посвящения в рыцари-архары, – предложил Рефремов.

– А вы хранитель тайн? – удивился я.

– Да че уж там, хранитель, – отмахнулся от меня Рефремов, – так, пересказчик традиций.

– Внимательно слушаю, – продолжил я.

Рефремов взял в руки стакан, выдохнул в сторону и выверенным профессиональным движением опрокинул водку в глотку, опять занюхав ее рукавом.

– Церемония посвящения в архаров очень давняя и состоит из трех основных элементов, – начал Рефремов, положив голову на сложенные в замке руки с упертыми в колени локтями, – примерки латных доспехов, дуэли с магистром и рыцарского бала. Первый ритуал – примерка – проходит в джигитской. Он начинается с омовения в жертвенной ванне с кровью горного барана, и, собственно, надевании лат. После этого магистр посвящает тебя в рыцари. Происходит это по стандартной средневековой процедуре – акколаде, заключающейся в прикосновении меча к плечу, с незначительными вкраплениями современных веяний – сэлфи процесса с последующей публикацией на странице ордена архаров в [instagram](#) с обязательным лайканьем от всех рыцарей ступенчатого стола. На этом заканчивается первая часть церемонии

и начинается вторая – дуэль с магистром. Уильям Виндзор вызовет тебя на дуэль, и ты должен будешь вступить с ним в схватку. На самом деле бой – театральная постановка, которая закончится, когда магистр дотронется до тебя своим оружием, так сказать условный летальный укол клинка.

– Это несет какой-то символизм? – перебил я Рефремова.

– Естественно. У нас все несет какой-то символизм. Даже оттопыренный мизинчик при опрокидывании рюмки водки в горло, – ответил хранитель тайн с чрезмерно серьезным выражением лица, – Конкретно в этом случае смысл действия в неуязвимости магистра, в крепости и непоколебимости его власти. При чем это не голословное заявление. Даже если ты попытаешься драться с ним на полном серьезе, у тебя ничего не получится.

– Это потому что меня сразу отметелят другие рыцари? – предположил я.

Рефремов вновь рассмеялся: – Этого не потребуется, Ванька крайне вертлявый, к тому же весьма опытный дуэлянт. Уровень мастерства даже самого опытного рыцаря просто не дотягивает до класса Вилла.

Я зачем-то хмыкнул в ответ.

– Ну и последняя часть церемонии – рыцарский бал, в котором принимают участие все архары, ключевые менеджеры корпорации и гости из других филиалов Кузни. Это неформальное светское мероприятие, где можно хорошенько выпить, пофлиртовать с дамами и, при желании, кого-то помять, – сказал Рефремов, не убирая довольную улыбку с лица.

– Вопросов больше не имею, – сказал я, и в качестве знака прощания показал хранителю тайн раскрытую ладонь.

– О, – как бы опомнился Рефремов, – чуть не забыл, дурья башка, у каждого рыцаря должно быть оружие, с которым он обязан прийти на церемонию. Кто-то выбирает меч, кто-то булаву, лук. До церемонии ты должен сделать свой выбор. У меня в наличие есть полный арсенал.

– Я уже сделал свой выбор, – ответил я, на прощание кивнув Михаилу головой.

– И что же это? – спросил Рефремов.

– Копье, – крикнул я, открывая дверь.

– Прелестный выбор, – разлетелось по залу вместе с рас-

кати́стым хохотом.

На улице я сел в автомобиль, который повез меня в офис. Я смотрел на здания и людей, мелькающие за окном, а в голове звучали строки:

– Я люблю этот город вязевый,
Пусть обрюзг он и пусть одрях.
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах.
А когда ночью светит месяц,
Когда светит... черт знает как!
Я иду, головою свесясь,
Переулком в знакомый каба́к.
Шум и гам в этом логове жутком,
Но всю ночь, напролет, до зари,
Я читаю стихи проституткам
И с бандитами спирт пью.

Церемония посвящения в рыцари-архары была назначена на вечер пятницы. В обозначенное время ко мне в кабинет зашел Степан Гаврик, который был облачен в черный длинный плащ с золотым подбоем и плоскую золотую маску без черт лица и двумя овальными прорезями для глаз, накрытую капюшоном. При ходьбе из плаща то и дело выныривали ноги Гаврика в кольчужных чулках и стальных наколенниках.

– Оружие не забыл? – поинтересовался он.

Я взял в руку опертый о стену пилум и продемонстрировал его Степану.

– Странный выбор. Почти все архары предпочитают мечи, боевые топоры, в крайнем случае, моргенштерны. Хотя, ты же у нас особенный, – сказал Гаврик, и в очередной раз неприятно захихикал.

На лифте мы поднялись на самый верхний этаж, но в этот раз двери открылись не в огромном зале, а небольшом фойе, в центре которого была установлена масштабная скульптура. Худощавый человек с терновым венцом на голове и потрепанной рубахе нес на плечах огромный крест. На перекрестии сидел известный российский журналист-пропагандист Дмитрий Кисельвов, лицо которого застыло в процессе плевок. Вылетающая капля слюны, напоминающая комету, была нацелена в не менее известного российского блогера Юрия Дуря, который сидел повыше из-за своего роста и показывал Кисельвову язык. Под скульптурой размещалась табличка с надписью: «Однояйцевый поцелуй». Сразу за скульптурой располагалась огромная двустворчатая дверь, а по бокам две небольшие створки с буквами M и W.

– Сюда, – сказал Гаврик, указав на вход с литерой M.

За дверью оказалась небольшая темная комната, которую освещал только огонь большого каменного камина, выполненного в виде готического портала с резными колоннами. На них были изображены фигуры черных рыцарей в шлемах, увенчанных закрученными рогами, и со щитами, на которых размещались гербы в виде вставшего на дыбы золотого козла с красными рогами, противостоящего серой туче и торчащей из нее руки со сжатой в кулаке молнией. Козел был размещен слева, серая туча с кулаком – справа вверху. В комнате находилось два человека. Одеты они были примерно одинаково: черные папахи, красно-черные черкесски, на которые были накинута черные бурки, в руках пастушьи посохи с загнутыми в форме крюка концами. Лица их также были практически идентичными – длинные горбатые носы, черные глаза, сросшиеся черные брови и длинные черные бороды. Они внимательно посмотрели на меня сверху вниз и синхронно указали рукой на большой медный таз, который находился с левой стороны от камина. Я подошел к нему.

– Заходи, не стесняйся, – сказал один из джигитов с ярко выраженным кавказским акцентом.

Я выполнил просьбу, и сразу же был облит из ведра то ли уксусом, то ли вином или настойкой, пахнувшей странным сладковатым и терпким запахом.

– Погрейся у огня, – сказал второй с аналогичным акцентом.

Как только я обсох, мне указали на небольшой подиум, установленный вблизи камина. Я встал в круг, и один из джигитов расправил мои руки по сторонам. Другой мужчина сразу же стал натягивать на меня какую-то плотную рубаху черного цвета, которая завязывалась специальными шнурками по бокам. Как только он закончил, его напарник стал закреплять у меня на шее стальной воротник. Затем руки закрыли оплечье, налокотники, наручи и металлические рукавицы. Торс закрыл мощный нагрудник. На ноги мне натянули штаны из такого же материала, как и рубаха, а затем набедренник, налядвенник, наколленники, поножи и башмаки. Все металлические части доспеха были покрыты черной патиной. Финальным аккордом костюма стал черный шлема типа бацинет с забралом, украшенным по бокам закрученными бараньими рогами. Один из кавказцев надел его мне на голову прямо поверх маски Сергея Есенина. Когда процесс был закончен, костюмеры дали мне мой пилум, взяли под руки и провели к выходу. Доспех был тяжелым и сковывающим движения, но все же передвигаться самостоятельно в нем было можно.

– Эпично, – хмыкнув, сказал ждавший меня у двери Гав-

рик, когда я вышел из кавказской примерочной.

Также взяв под руку, он повел меня к противоположной двери. В этот раз Гаврик зашел в помещение вместе со мной. Вход вел в довольно просторный зал, в центре которого размещался весьма странный стол. Он походил то ли на ацтекскую пирамиду, то ли на зиккурат с наклонными стенами, к вершине которого вела широкая каменная лестница. По обе стороны подъема размещались небольшие ложементы. Всего их было 13 – шесть с левой и семь с правой стороны. На каждой площадке был установлен черный массивный стул с высокой спинкой. Все они, за исключением одного, были заняты крупными фигурами в четных доспехах. На вершине конструкции, в месте, где заканчивались ступеньки, был установлен огромный трон, сделанный из человеческих костей и черепов, за которым кто-то сидел. Непосредственно перед началом ступеней странной лестницы был установлен низкий пуфик из бардового бархата. На потолке на цепях висели мощные кованые люстры, напоминающие примитивные первобытные колеса со спицами. На каждой люстре было сделано по 13 подсвечников, из которых торчали горящие желтым светом свечи. Дополнительным источником света выступали готические витражи из цветного стекла, расположенные по обе стороны от стола. На витражах были изображены персонажи из популярных американских мультфильмов – губка Боб, морская звезда Патрик, Рик в образе огурчика из сери-

ала Рик и Морти, Симпсоны, Гриффины и прочие продукты детского, инфантильного и латентного потребления. Приблизившись к началу ступеней, я смог рассмотреть рыцаря, сидевшего на троне в вершине зиккурата. Он был облачен в черные доспехи, которые были полностью покрыты золотыми символами, напоминающими то ли арабскую вязь, то ли эльфийскую квенью из толкиеновского фантазиариума. Шлем рыцаря был золотым и напоминал бургиньот, козырек и наподбородник которого были выполнены в виде козлиной морды. Из макушки головного убора торчали мощные развернутые по разные стороны козлиные рога. Сидевший на троне рыцарь встал и стал величественно спускаться вниз по центральному ходу. Каждый его шаг сопровождался тяжелым и звонким ударом металлических башмаков о каменные ступени стола. При его приближении со своих стульев поднимались архары в черных латах и приклоняли бараньи головы. Когда ему оставалось до меня все несколько ступеней, я встал на колени, вытянул руку в римском приветствии, но с сжатой в кулак ладонью, и выкрикнул: – Все сторит в огне потребления.

– Сергей Александрович, не переигрывайте, – приблизившись ко мне в плотную, сказал рыцарь голосом Ивана Ухгада.

Я опустил руку и хотел подняться, но Степан Гаврик при-

держал меня. Рыцарь в козлином шлеме вынул романский меч из ножен и занес его для удара по моей макушке. Я почему-то подумал о жертвоприношении и немного отодвинул голову назад. Иван сдвинул оружие в сторону и рассмеялся: – дать бы саечку за испуг. Вслед за ним заблеяли и остальные архары. Затем он поднял козырек своего шлема, опустил подбородник и посмотрел на меня очень внимательно и, как мне показалось, злобно. Глаза его отдавали красным отливом. Он медленно дотронулся клинком своего меча до моей головы, правой руки и сердца, произнося при этом слова: – Не верь, не жалея, не прощай.

После этого он поднял меч над своей головой и сказал так громко, что его голос гулом разнесло по залу: – Встань, архар, рыцарь ночи и лунного света.

После это все рыцари, вздернув над головами свои мечи, топоры и прочее средневековое оружие, выкрикнули: – Приветствуем вновь обреченного архара.

Момент действительно был крайне торжественный и величественный, и я испытал примерно такие же чувства, даже более сильные, как в момент, когда мне в университете в торжественной обстановке вручили диплом специалиста по запудриванию мозгов. Но его испортил Гаврик, который подбежал к Ивану и сунул ему в руку смартфон. Ухгад обнял

меня, сделал снимок и вновь передал телефон канцлеру.

– Ждем лайки и репосты, – сказал Степан, – публикую фотографию в паблике.

Архары стали спускаться вниз и брать нас с Иваном в тески. В результате мы оказались в кольце – условном ринге диаметром около десяти метров. Степан Гаврик был вместе с нами в кругу, вероятно, в качестве арбитра поединка.

– Каждый вновь посвященный архар обязан вызвать магистра на бой, дабы проверить его на прочность и убедиться в праве на трон. С момента существования ордена еще никому не удавалось пошатнуть власть магистра, сможешь ли ты сделать это? – обратился ко мне канцлер.

– С чем черт не шутит, – сыронизировал я, оторвав свой пилум от пола.

– Один рыцарь, который когда-то неудачно пошутил, потом шутил очень много и очень долго, – сказал Иван, – у нас тут много шутников, только вот смешно далеко не всем.

Виндзор опер меч о плече и сделал мне призывающий жест рукой, дважды прижав пальцы к ладони. Я приблизился к нему и сделал выпад вперед, крепко зажав пилум руками.

Иван довольно легко ушел от броска, сделав просто шаг назад. Я повторно попытался сделать укол, шагнув вперед, но магистр отбил удар мечом. Двигался он очень легко и проворно, как будто его латы были невесомыми. Мне же движения давались с трудом – доспехи вроде бы были не очень тяжелыми, при этом они сильно ограничивали движения, что сильно усложняло ведение боя. Еще несколько моих попыток нанести удар не увенчались успехом, и тогда я решил использовать пилум по назначению, со всей силы метнув копье в противника.

Мне показалось, что пилум ударит магистра в голову, но в самый последний момент он сместился в сторону и разрубил копье на две части. Я даже вскрикнул от досады и удивления. Резким движением он подскочил ко мне и ударил по голове плоской частью меча, из-за чего у меня зазвенело в ушах, а после толкнул ногой в грудь, и я с характерным лязгом повалился на пол. По улюлюканьям и возгласам других архаров я понял, что битва закончилась моим поражением. Более того, из-за поломанного пилума рухнула и моя вера в электуса.

– По-прежнему – не побежден, – возгласил Гаврик.

Последнее слово рыцари хором прокричали 13 раз. Я попытался встать на ноги, но сделать это было не так просто. Как перевернувшийся на спину жук, я пытался зацепиться

конечностями за пол, чтобы подняться. Получалось у меня примерно так же как у бронированного насекомого. Ни Степан, ни Иван, ни рыцари даже не пытались мне помощь, но словно энтомологи с интересом наблюдали за моими движениями. В какой-то момент я все же сумел посильнее оттолкнуться правой рукой от пола и перевернулся на левый бок, а затем и на живот. Когда я, наконец, поднялся, канцлер сунул мне в руки две части сломанного пилума и указал на кресло за ступенчатым столом – четвертый стул по правую сторону от центрального хода.

Виндзор и рыцари уже сидели на своих местах, когда я поднимался к своему креслу. Мои движения они сопровождали хлопками в ладоши. Поскольку у всех, за исключением канцлера, на руках были стальные перчатки, зал наполняло металлическое звяканье и постукивание. Вначале я думал, что таким образом архары приветствуют нового члена ордена, но когда я занял свое место за ступенчатым столом, то понял, что чествовали они не меня, а канцлера. Гаврик метался по лестнице и раздавал рыцарям золотые бокалы, выполненные в виде классических граненых стаканов, и заполнял их дор краев какой-то зеленой жидкостью из большой стеклянной бутылки с цветной этикеткой. Когда он угощал меня, то я успел рассмотреть на наклейке изображение девушки в коротком зеленом платье с прозрачными зелеными крыльями, похожими на стрекозы. В каждый бокал канц-

лер вставлял коктейльную трубочку, чтобы рыцари могли выпить жидкость сквозь прорези в стальных головных уборах. Когда все стаканы были наполнены, Степан спустился вниз и по-турецки сел на упомянутый бардовый пуфик. Себе он угощение не налил. У магистра бокал отличался от стаканов рыцарей. Это была высокая чаша в форме человеческого черепа на резной ножке, инкрустированная различными драгоценными камнями. Иван раскрыл свой шлем, поднял кубок и произнес: – Каждый город – Вавилон. Каждый порок – Вавилонская башня. Огонь – очищение. После чего он одним махом опорожнил весь немаленький бокал.

– Очищение, – хором повторили рыцари, после чего засунули трубочки в отверстия своих шлемов и стали всасывать зеленую жидкость. Получалось это не очень быстро, к тому же смотрелось весьма забавно – взрослые мужики в устрашающих доспехах втягивают жидкость через тонкие трубочки. Впрочем, я делал аналогично. По вкусу напиток напоминал «зеленую ведьму», но был менее сладким. Когда последний архар допил свой стакан и поставил его на стол, раздался симфонический оркестр. При чем это явно не была запись – музыка была живой. Невидимые музыканты исполняли произведение норвежского композитора Эдварда Грига «В пещере горного короля». Под эту музыку в метрах пяти от начала ступеней с потолка стала спускаться круглая площадка, удерживаемая четырьмя довольно мощными цепями. Це-

пи уходили в специальные ниши в потолке, где, вероятно, располагался механизм, приводивший конструкцию в движение. Весь процесс сопровождался характерным хрустом и переливом металлических звеньев, который завершился громким ударом площадки об пол. Сверху на конструкции размещалась копия Вавилонской башни, точнее вариант этого здания в версии нидерландского художника Питера Брейгеля, высотой примерно три метра. Присмотревшись внимательно, я заметил, что башня была сделана из различных купюр мировых валют – от американских долларов до турецких лир. В следующий миг вся конструкция вспыхнула желто-красным огнем, одновременно с чем Ухгад стал резко увеличиваться в размерах, при чем его шея стала сильно вытягиваться вперед. Буквально за секунды он стал в несколько раз больше, чем был, а за его спиной возникли огромные кожаные крылья, которые совершали пульсирующие движения. Золотые символы на доспехах стали расползаться по его телу, превращаясь в ромбовидную чешую. Вскоре существо стало тусклого желтого цвета, словно выцветшая позолота на советских погребальных плитах. Шлем в виде козлиной морды выдвинулся вперед и превратился в живую голову, напоминающую китайского дракона с красными козлиными рогами и густой красной гривой на шее. Чудовище придвинуло голову к башне и стало жадно вдыхать производимый в результате горения белый дым. Как огромный мощный пылесос дракон всасывал смог, и вскоре догорающая башня

потухла, а оставшийся черный каркас сгоревшей дотла конструкции рассыпался в труху. В этот же момент музыка прекратилась. Чудовище издало мощный рев, после чего стало резко уменьшаться в размерах, пока на его месте вновь не оказался магистр ордена рыцарей ступенчатого стола. Иван внимательно осмотрел своих вассалов и произнес:

– Не кровь и пот труда,
И даже не усилия ума в процессе осознания себя,
А лживые желания и чаяния,
Зачахшие над золотом глаза,
Питают рыцарей холодные сердца

Конструкция вновь пришла в движение, потащив площадку обратно вверх.

– Господа, архары, бал не ждет, – сказал Гаврик, вставая со своего пуфика.

Рыцари стали вставать со своих кресел и спускаться по ступеням вниз. Уильяма Виндзора среди них не было. Трон его также пустовал. В какой момент он исчез, было непонятно. Все 13 архаров, включая меня, вышли в фойе. Степан проследовал к двустворчатой двери, возле которой в этот раз уже дежурили двое лакеев в красных парадных livреях, украшенных аксельбантами, галунами и тесьмой. Голову прислужников покрывали белые парики с завязанными чер-

ными бантами хвостами. Каждый из рыцарей считал своим долгом подойти к одному из лакеев, похлопать его по щеке, и всунуть ему в карман какую-то банкноту. При этом слуги вели себя достойно и даже высокомерно, не обращая внимания на фамильярное поведение рыцарей, смотря на происходящее высоко задрав нос. У меня купюр с собой не было, никто об этом не предупреждал, но я не смог отказать себе в удовольствии похлопать одного из лакеев по щечке металлической перчаткой. Дверь вела в бальный зал, который размещался в знакомом помещении с готическими сводами и колоннами со скульптурами рыцарей, которые были свидетелями моей первой встречи с Иваном Ухгадом. Правда, в этот раз в помещении было немного светлее, видимо, яркость тянувшихся по всему залу светодиодных нитей регулировалась по желанию администрации. Сегодня здесь было много людей, преимущественно, клерки – вероятно, узкие и значимые специалисты, а также преторианцы – без шлемов и оружия, но в фиолетовых тогах и лацернах, а также в сверкающих лориках хаматах. Также было много обслуги – голых девиц и лакеев в зеленых ливреях, которые перемещались по залу с большими золотыми подносами, на которых были расставлены в форме пятиконечной звезды хрустальные бокалы с горячительными напитками. В конце зала сразу под скульптурой крылатого рыцаря расположился симфонический оркестр, состоящий исключительно из мужчин в черных смокингах и белых рубашках. Вероятно, их я и слышал

в зале рыцарей ступенчатого стола. Мужская часть корпорации «АйДи» была в традиционных синих спортивных костюмах и кроссовках от именитого немецкого производителя. У всех лица закрывали золотые маски с улыбающимися выражениями лиц. Прекрасная половина компании была также в офисной одежде – с белыми парадными бантами и советской школьной форме, которая была настолько выстирана и отглажена, что выглядела не хуже бальных платьев. Лица девушек и женщин также закрывали улыбающиеся маски. Преторианцы, по выражению лиц и сканирующему взгляду было件件, что это офицерский состав, подсознательно сбивались в группы по три-четыре человека и символично формировали посты возле колонн – у ног скульптур рыцарей. По всему залу стоял шум от разговоров под аккомпанемент музыкантов, которые играли лучшие произведения Шуберта. В один момент музыка прекратилась, и вслед за ней все замолчали. Послышались тяжелые скрипучие шаги, которые принадлежали дефилирующему по залу Ивану Ухгаду. В этот раз магистр не был в латах. Наряд его был лаконичен и строг: черные галифе с тонкими белыми лампасами, начищенные до блеска черные сапоги, черный китель с газырями, верхнюю часть которого скрывала накинутая на плечи козлиная шкура, и черно-красная фуражка с белым черепом и костями. Иван остановился в центре зала. Окинув взглядом толпу, он сказал: – Первый танец рыцарей. Дамы и господа, прошу.

Все сотрудницы корпорации «АйДи» выстроились в одну шеренгу с левой стороны зала. К каждому из архаров подошли по два лакея. Один прислужник помогал рыцарю снять шлем, другой держал в руке пустой поднос, куда затем помещался тяжелый головной убор и другие элементы амуниции. В итоге все архары остались в своих традиционных одеждах. Кто в военном кителе, кто льняных штанах и свитере, кто смирительной рубашке. Все рыцари, как и я, были в золотых масках с лицами конкретных людей. Некоторых я узнавал, например, украинского анархиста Нестора Махно, актера Богдана Ступку в образе Богдана Хмельницкого из кинофильма Ежи Гофмана «Огнем и мечом», борца Ивана Поддубного, художника Казимира Малевича, предводителя украинских националистов Степана Бандеру, писателя Михаила Булгакова, генерала армии, освобождавшего Киев, Николая Ватутина. Другие лица я вспомнить не мог. Когда процесс переодевания, точнее раздевания был завершен, архары стали прохаживаться вдоль строя и выпирать себе партнерш. Я последовал их примеру. Во время этого процесса одна из девиц дотронулась до моей руки. Я поймал ее взгляд через маску и почувствовал импульс в сердце. Это была Ольга. Я вывел ее из строя, и она в знак признательности выполнила книксен. Чтобы было удобнее выполнять танцевальные па, она прицепила золотой лик к специальному ремешку на талии. Также сделали и другие выбранные рыцарями дамы. Заиграл вальс композитора Петра Чайков-

ского из балета «Спящая красавица», и пары закружились в танце. Не знаю, как так получилось – я раньше никогда не танцевал вальс, но мне казалось, что получается у меня весьма недурно.

– Ты сегодня очень красиво и стильно выглядел в латах, – сказала Ольга.

– Ты всегда красиво и стильно выглядишь, – ответил комплиментом я.

– Осталось еще совсем чуть-чуть и наша цель будет достигнута, – сказала она шепотом, прислонив лицом к моей маске.

– Все может быть, – ответил я.

– Я верю в это, – сказала Ольга.

– Здесь надо не верить, а делать, – сказал я.

Музыка закончилась, и все танцующие пары остановились. Барышни поклонились своим партнерам, а рыцари ответили резкими кивками.

– Танцуют все, – выкрикнул Иван Ухгад.

Заиграл вальс Иоганна Штрауса «На прекрасном голубом Дунае» и теперь по залу вместе с рыцарскими парами закружились и обычные клерки. Преторианцы, как и прежде, оставались у ног рыцарских статуй. Я смотрел в глаза Ольги и утопал в их глубине и цвете, когда боковым зрением заметил приближающуюся к нам фигуру Ивана Ухгада. Подойдя вплотную, он нарочито громко кашлянул, и мы остановились.

– Глеб, не уступите даму на танец? – спросил он, улыбаясь.

На моих щеках заиграли желваки, но реакцию лица на беспредельную наглость скрыла маска Сергея Есенина. Беззвучно я прочел четверостишие:

– Не тужи, дорогой, и не ахай,
Жизнь держи, как коня, за узду,
Посылай всех и каждого на хуй,
Чтоб тебя не послали в пизду!

В слух же произнес: – если дама не будет против.

Ольга отпустила мою руку, поклонилась Ивану, и он незамедлительно схватил ее за талию. Вновь сформированная пара закружились в танце. Злоба переполняла мое сердце, и чтобы не разжигать огонь ненависти, я решил не смотреть на

них, а утопить свое возмущение в стакане со спиртом. Проходя возле одной из голых девиц с подносом, я схватил с него два бокала и отошел к стенке. Но выпить желанный напиток я не смог. Забыв о маске Есенина, я не взял одну из отдельно лежавших на подносе трубочек – заливать спирт в щель для рта было сложно, к тому же неэффективно – жидкость в рот практически не попадала. Я хотел было вернуться к девушке с подносом, но потом как бы опомнившись, что руки заняты бокалами, решил положить на подоконнике ближайшего витража, где стояла какая-то одинокая девушка. Разглядеть ее мешала тень от колонны.

– Я ненадолго оставлю здесь стаканы, – обратился я к неизвестной барышне, – вам не сложно будет посмотреть, чтобы их не увели.

– Можно сделать проще, – сказала девушка голосом Аннушки, – просто снять маску.

– Точно, – сказал я, услышав знакомый голос и улыбнувшись, – так действительно будет правильной. Поможешь снять?

Аннушка приблизилась ко мне и начала расстегивать защелки лица Сергея Есенина. Несколько манипуляций и мое настоящее лицо было высвобождено из оков.

– Тебе хорошо в латах, – сказала Аннушка.

– Спасибо, – отметил я, протянув коллеге один из бокалов со спиртом, – мне уже говорили об этом.

– А ты знаешь, как скарабеи называют орден рыцарей-архаров? – спросила она.

Я сжал губы и покачал головой.

– Козлиный архарат. По принципу устройства государства со времен шумеров. Во главе системы стоит козел или группа козлов, которые опираются на баранов – касту госуправленцев и религиозных лидеров, отдельно силовой блок. Ниже клерки и остальной более мелкий планктон. Тебе кто ближе халдеи или патриции, в смысле посвященные рыцари или клерки? – спросила Аннушка.

– А тебе? – ответил я, уловив иронию в вопросе коллеги.

– Мне ближе Джордано Бруно, – ответил она, улыбнувшись, после чего ее лицо вновь приняло серьезный вид, – скарабеи верят, что спасти мир может только одно.

– Электус? – спросил я.

Аннушка вновь улыбнулась, и покачала головой: – любовь.

– За это предлагаю выпить, – сказал я, вытянув в направлении коллеги свой бокал.

– А давай на брудершафт? – предложила Аннушка.

– Давай, – согласился я.

Наши руки сплелись в связке, как звенья одной цепи, и мы синхронно выпили дерущую горло жидкость. После этого Аннушка разбила свой стакан об пол и поцеловала меня в губы.

– Глеб, мне кажется..., – началась говорить Аннушка, но неожиданно осеклась.

К нам подходила Ольга с покрасневшимся из-за танцев лицом и учащенным дыханием.

– Добрый день, Ольга Владимировна, – приветствовала ее Аннушка.

– Привет, Аня, – ответила она.

– Глеб, зачем ты снял маску? – сказала Ольга, посмотрев на меня удивленным и беспокойным взглядом.

– А в чем проблема, – поинтересовался я.

Ольга взяла меня под руку и отвела немного в сторону, чтобы Аннушка не слышала наш разговор.

– Так ты можешь разрушить связь с твоим духовным идолом, – объяснила она.

– А у меня есть связь? – спросил я.

– У тебя в голове рождаются стихи Есенина? – прошептала она.

– Несколько раз было, – ответил я.

– Твоя связь с этим писателем не случайна. Все архары выбирают определенную историческую личность, которую они подсознательно ассоциируют с собой. В этот период жизни ты духовно привязываешь себя к Есенину. Вероятно, это связано и с хулиганской романтикой, любовью к родине, жизни, природе, женщине, и поиску выхода из порочного круга метаний русской души – от разгульного веселья до поиска Бога на дне стакана. В каком-то смысле ты высту-

паешь тотемом или ваханом поэта, ваша связь происходит через маску, которая является подобием антенны, принимающей его сигнал. Снимая лик писателя, тырываешь эту связь.

– Но зачем нужна эта связь? – поинтересовался я.

– Каждый рыцарь нуждается в духовном покровителе, который помогает ему преодолевать душевные переживания, связанные с делом служения. Справиться с этим самостоятельно невозможно. Чтобы заглушить душевную боль практически все рыцари крепко подсаживаются на алкоголь или наркотики. Без покровителя через некоторое время они просто превращаются в овощи. Для избегания этого нужна симбиотическая связь архара с какой-то яркой личностью в истории, которая помогает преодолеть разрыв души в результате рабочего процесса. Ты же прекрасно знаешь, чем мы тут занимаемся. Это, конечно, полностью не избавляет от алкоголя и наркотиков, но помогает сохранять человеческий вид.

Я молча надел маску Есенина на голову, а Ольга помогла закрепить защелки.

– Маску можно снимать перед сном, а надевать утром, – продолжила Ольга.

– Только во сне можно быть самим собой? – посетовал я.

– Боюсь, что в наше время быть собой привилегия, которая, пожалуй, недоступна никому даже во сне, – парировала Ольга, – надоел мне этот бал, поехали лучше развеемся, здесь становится слишком томно.

Я обернулся в сторону Аннушки, чтобы попрощаться, но ее уже там не было. Мы уже подходили к выходу, когда зал прорезал громкий гул, напоминающий то ли гудок парохода, то ли голос огромного горна. Двустворчатые двери распахнулись, и в зал стала входить коробка преторианцев с выставленными вперед и по бокам фиолетовыми скутумами и той же символикой, которую я видел на скульптуре в здании ресторана «Панорама». В центре коробки двое крупных гвардейцев вели под руки какое-то окровавленное тело в забрызганной кровью золотой маске. Я приблизился к коробке, чтобы рассмотреть происходящее. Впрочем, я уже догадывался, что преторианцы завели в зал моего бывшего руководителя Владимира Семеновича. Иван Ухгад, который стоял ближе к концу зала, дважды хлопнул в ладоши, и бойцы остановились примерно в центре танцевальной площадки. Он хлопнул еще раз, и воины из передней части коробки разошлись в стороны.

– Владимир Семенович, дорогой, ну как же вы так. Двум

богам не служат. Так сказать, надо либо крестик снять, либо трусы надеть, – сказав это, Иван захихикал, после чего заливной смех всех участников рыцарского бала раскатился по залу.

Затем магистр щелкнул пальцами и преторианцы, которые заводили Владимира Семеновича в зал, сорвали с него маску. Ожидаемо под ней не был культовый советский артист, поэт и бард. Лицо человека оказалось мне незнакомым. Это был взрослый мужчина с рыжими волосами и бородой, частично прорезанными сединой.

– Эх, Владимир Семенович, оставалось совсем ничего, чтобы стать великим. Чтобы лицо на маске стало живым. Жил бы сейчас как Позер – в уважении и алкогольном, пардон, наркотическом трансе, беды бы не знал. Но выбор сделан. По Сеньке и шапка, – сказал Иван, и по залу громовым эхом вновь разлетелся смех.

Ухгяд стал хлопать в ладоши, а вслед за ним рукоплескать стали все остальные участники бала, кроме меня и Ольги, возможно, еще кого-то, кто не попадал в поле моего зрения. Под аплодисменты два преторианца занесли в зал заточенное с одного края длинное бревно и установили его напротив бывшего руководителя департамента антиконтента. Двое конвоиров положили Владимира Семеновича на пол,

и стали приматывать к его ногам широкие длинные кожаные ремни. Затем четверо гвардейцев положили перед бревном большой мощный камень, куда уперли кол. Один солдат встал над бревном, приподнял его двумя руками и нацелил острие между ног моего бывшего руководителя. Концы ремня взяли в руки по пять преторианцев и под команду офицера пошли к скульптуре крылатого рыцаря, медленно потянув бедолагу в направлении кола. Я не видел самого момента контакта, но услышал разрыв плоти, когда кол начал входить в тело бедняги, и отвернулся. А потом я услышал спокойный и уверенный голос Владимира Семеновича:

– Он настиг меня, догнал,
Обнял, на руки поднял.
Рядом с ним в седле беда ухмылялася.
Но остаться он не мог,
Был всего один денек,
А беда на вечный срок задержалася.

Когда я обернулся, кол уже был поднят, и подперт камнями со всех сторон. Вздернутый на нем человек уже молчал, а тело его тряслось.

– Бал продолжается. Вот Семенович уже танцует, – выкрикнул Ухгад, улыбаясь.

Заиграла музыка, кажется венгерский танец №5 Иоганне-

са Брамса, и пары вновь пустились в пляс, вокруг умирающего в муках бывшего руководителя департамента антиконтента. Вырвавшись из бального зала, мне не хотелось ничего, кроме как напиться до состояния амнезии. Сцена пытки Владимира Семеновича и его последние слова не уходили из моей головы, повторяясь, словно зацикленный кусок фильма. Ольга чувствовала мое состояние, поэтому приказала своему водителю отвести нас в какой-то ресторан. Мы зашли в очередной накуренный зал, упали на диван, официантка оперативно доставила нам бутылку спирта, я, сорвав с себя маску, налил полный стакан тягучей прозрачной жидкости и залпом выпил его. Большая порция спирта практически моментально сделала свое дело. Я сильно захмелел, и пытка Высоцкого стала казаться нереальным сном, который прочему-то причудился мне в этот странный во всех отношениях вечер. Я выпил еще стакан, и затем Ольга неожиданно предложила поехать к ней в гости. В любой другой момент я бы встретил это предложение с большим воодушевлением, но сейчас безразлично кивнул головой. Двери в подъезд красивой новостройки возле Центральной избирательной комиссии нам открыл швейцар в красной ливрее и с каким-то странным орденом в виде лилии с зелеными лепестками. Квартира Ольги располагалась на верхнем этаже с большим залом и панорамными окнами. На стенах гостиного зала висели портреты различных писателей и поэтов, среди которых я узнал Федора Достоевского, Антона Чехо-

ва, Уильяма Шекспира, Марка Твена, Владимира Высоцкого и Сергея Есенина. В центре зала стоял довольно широкий журнальный столик и огромный кожаный диван, в который я сразу же завалился.

– Выпить хочешь? – спросила меня Ольга.

– Пожалуй, нет. С меня уже достаточно, – ответил я.

Ольга села рядом и взяли мою руку в свою ладонь. Мы просто молча сидели и смотрели в окно на заливаемый дождем древний город, который за свою историю видел много страстей, страданий и чаяний, побед и поражений, предательств и подвигов, измен и чистой любви. В какой-то момент она стала целовать мое лицо – щеки, лоб и губы, а затем стала стягивать с меня белую рубаху. Я стал помогать ей высвободиться из школьной формы, и вскоре наши тела слились в один полыхающий страстью организм. Это были мои самые счастливые и одновременно горькие переживания за время пребывания в Кузне. С этими эмоциями я и заснул.

Райский сад

На следующий день я все же решился переехать в положенную мне по статусу служебную квартиру на Печерских липках, чтобы быть ближе к Ольге. Отсюда до ее дома было

буквально рукой подать. После неожиданной близости мы не виделись несколько дней, но я постоянно думал о ней. Следующий любовный контакт произошел уже у меня в квартире, и было это еще с большей страстью и огнем, чем в первый раз, поскольку в нашей крови алкоголя было не слишком много. Взаимность окрыляла меня, делала счастливым, но при этом отдаляла все остальные цели и задачи на второй и даже на третий план. В какой-то момент я поймал себя на мысли, что не хочу быть электросом – проводником копья судьбы, который нанесет удар по устоявшейся системе. У меня была любимая женщина, высокооплачиваемая работа, статус рыцаря со всеми вытекающими обстоятельствами. Да, мир, в котором я жил был весьма уродливым и даже ужасным. С каждой секундой человечество все больше всасывалось болотом потребления и затягивалось путиной бесцельного прожигания жизни, вознося на алтарь корпорации «Ай-Ди» единственную свою ценность – свет или душу. Но мне стало плевать на это. Личное счастье в тот момент было для меня важнее блага какого-то незнакомого, к тому же глупого незнакомца, миллионов ему подобных, да и всего человечества в целом. Ольга наоборот часто говорила со мной о подвиге, который я должен совершить во благо всех. Для вида я поддерживал ее настрой, и выказывал готовность совершить судьбоносный удар, а по факту делать этого мне не хотелось. Она даже принесла к себе в квартиру мишень из дерева и сена, чтобы я мог совершенствовать навыки метания пилума.

Это обстоятельство породило во мне надежду, что я смогу сбросить с себя оковы электуса. Я вспомнил, что пилум мой был сломан во время дуэли с Виндзором и пылился к шкафу рабочего кабинета, и, изобразив печаль в голосе, рассказал ей об этом. Она стала успокаивать меня, сказав, что конкретное копьё не имеет никакого значения. Судьбоносным его делает поступок героя. Но я отбрасывал эти доводы, подчеркивая, что наконечник этого копья окроплен кровью Христа – и в этом его основная сила. Тогда она пообещала восстановить сломанное копьё, заверив, что оно будет не хуже предыдущего. Через несколько дней она действительно передала мне мой пилум с выбитой на шаре остроконечной короной. Чтобы не огорчать ее, мне пришлось начать тренировки. И действительно, с каждым разом у меня получалось попадать в цель все лучше, а через некоторое время я добился чрезвычайной точности, поражая мишень четко в яблочко. На работе дела у меня шли ни шатко, ни валко. Я стал разрабатывать стратегии все медленнее, объясняя это начальству сложностью тем, детальным анализом и глубокой проработкой. При этом я стал чувствовать, что надо мной довлечет рок. Не могу точно объяснить эти переживания, что-то словно грызло меня изнутри, заставляло метаться из одного душевного терзания в другое. Мне стало казаться, что я схожу с ума. Вместе с наполнившей мое сердце любовью в душе поселился страх, которые активно подогревали воспоминания о мучениях Владимира Семеновича. Какое было настоящее

имя моего бывшего руководителя, я так и не узнал. В такие моменты я сильно пил – до потери ориентации в пространстве, до прекращения мыслительного потока и полного отключения сознания. И тогда мне казалось, что я опускаюсь или возношусь до какого-то нечеловеческого уровня, когда желания и переживания абсолютно теряют смысл. Я будто становился радиоволной, которая бесцельно несется в бесконечности навстречу ничему. Все, включая Ольгу, в такие периоды исчезали из моей жизни. А потом эту волну ловил какой-то приемник, тем самым, нарушая мою внутреннюю гармонию и равновесие, и реальность сжимала меня в своих удушающих объятиях. Так произошло и тот день, когда Леночка сообщила, что меня вызывает на рабочее совещание Уильям Виндзор. Не помню, сколько дней подряд я пил, что делал все это время, как попал на работу. Тем не менее, надо было брать себя в руки и идти на встречу. Эта мысль отрезвила меня, а в следующий момент я почувствовал дичайший холод, от которого сводило пальцы на руках и ногах. Я судорожно стал нащупывать карман на рубашке, доставать из него американские банкноты, мять и жечь их, жадно вдыхать серый мерзкий дым, а после кашлять до тошноты. Впрочем, это помогло, в короткое время я смог привести себя в относительно человеческий вид. По крайней мере, мне так казалось. Я поднялся на верхний этаж «Паруса» на лифте, и вновь попал в трехнефный сумрачный готический зал с фигурами рыцарей и цветными витражами. Меня встре-

тила красивая обнаженная девушка, которая пригласила последовать за ней. В конце зала – за фигурой крылатого воина обнаружилась небольшая деревянная дверь с резьбой, на которой был изображен полумесяц с человеческим лицом, заключенным в большой правильный треугольник. По периметру двери был сделан сложный узор, напоминающий скандинавский орнамент, нанесенный на тело змеи. Девушка открыла дверь и жестом указала мне путь. Войдя в помещение, в глаза мне ударил яркий белый свет, который был повсюду – заполнял собой все пространство. Из-за его силы и интенсивности я даже плотно закрыл глаза. А затем я услышал знакомый голос Ивана Ухгада, который звучал чуть громче и сопровождался несильным эхом.

– Скоро все пройдет, периодически открывай глаза, моргай, и привыкнешь, – сказал он.

Действительно, проделав манипуляции с глазами, дискомфорт от света стал исчезать. Через некоторое время я стал различать полосы на белом фоне, которые разделяли тысячи, а может сотни тысяч или даже миллионы экранов. Позже я стал замечать даже те экраны, которые не испускали свет. Действительно, это напоминало битый пиксель на матрице фотоаппарат или монитора, но наоборот – черное на белом. При этом на общем фоне таких мониторов казалось мало, но, если считать их по отдельности, то набиралось их

все же достаточно. Также было видно, что периодические некоторые мониторы гасли, а гаснувшие наоборот зажигались. Затем я увидел относительно небольшой трон в центре зала, и сидящего за ним генерального директора корпорации «АйДи». Ухгад был в строгом черном костюме, а голову его покрывала маска в виде настоящей головы крупного белого козла кашмирской породы, между рогами которого была закреплена золотая корона с острыми зубцами. При чем закреплена она была так искусно, что создавалось впечатление, будто корона парит между рогов. Перед тронem я рассмотрел тот же пуфик, на котором сидел канцлер Степан Гаврик во время моего посвящения в архары в зале рыцарей ступенчатого стола, и небольшую обычную табуретку с протертой белой краской в области сиденья.

– Присаживайся, – предложил мне Иван, указа рукой на табурет.

После этого Ухгад щелкнул пальцем, и к нему быстро подбежала очередная обнаженная девица.

– Ну, где этого черта носит? – спросил он у нее.

– Я уже тут, магистр, – раздался неприятный голос Степана Гаврика с ярко выраженными сладкими нотками.

Гаврик был в традиционной лацерьне канцлера и в маске без черт лица. Он присел возле меня на свой бардовый пуфик, и тут я заметил, что вокруг меня на табуретах сидят другие рыцари-архары – Степан Бандера, Михаил Булгаков и Николай Ватутин.

– Коллеги, последние аналитические отчеты показывают резкое падение спроса в обществе на тренд «руки Кремля». Мы наблюдаем эту тенденцию последний год, но сейчас показатели достигли критического уровня. Мы теряем клиентов общественно-политического контента. Нам срочно надо искать альтернативные тренды, – сказал Виндзор, – у кого-то есть какие-то предложения?

– Сейчас в обществе политические темы вообще отходят на второй план. Людей начинает тошнить от одних и тех же лиц, слов и идей. Такая же ситуация и на многих других международных рынках. Поскольку, как известно, все новые тренды – это хорошо забытые старые, предлагаю использовать прежние лекала, в частности, запустить какую-нибудь пандемию с активным вовлечением политического истеблишмента, гражданскую войну, революцию, в крайнем случае перевыборы – хотя эти тренды в последнее десятилетие уже использовались, поэтому эффект от них будет непродолжительным. Мое предложение – пандемия, какая-нибудь новая чума XXI века, – сказал архар в белом медицинском ха-

лате и золотой маске с чертами лица Михаила Булгакова.

– У кого еще есть какие-то предложения? – спросил козел.

– Я бы попробовал легализовать однополые браки, – предложил рыцарь в вышиванке, бусами на шее в виде початков кукурузы и маской пожилого человека с большой проплешиной.

– С козырей заходишь, Никита Сергеевич, – ухмыльнулся Иван, – этот тренд на нашем рынке пока запускать рановато, мы два года тому даже гей-парады решил притормозить. Тренд толкателей говна, в хорошем смысле этого слова, оставим на тот момент, когда вообще пусто будет.

– Жалко негров у нас нет, сейчас в западных филиалах Кузни хорошо заходит тема борьбы за права чернорожих? – сказал рыцарь с лицом Степана Бандеры в длинных коричневых шортах и зеленой армейской рубаше с кучей каких-то скаутских значков.

– Если надо, у нас свои негры найдутся, – сказал Иван, – но тренд ущемления прав по национальным, религиозным и культурным вопросам здесь точно не востребован – сейчас у нас это норма. Еще есть предложения?

Архары молчали.

– В общем, думайте, если возникнет оригинальная идея, приходите, как вы знаете, я всегда на месте. Смена тренда в сфере общественно-политического потребления назрела давно, а мы затаили, активнее, господа, – сказал Иван.

Рыцари встали со своих табуреток и направились к выходу, хотя где он был, из-за обилия света было непонятно, поэтому я просто плелся за фигурами коллег. В готическом зале меня кто-то дернул за руку. Обернувшись, я увидел Гаврика.

– Архар, который задаст новый тренд, сможет войти в сад 72 гурий. Даже 100 девочек из клуба «Носорогов» в искусстве плотской любви не сравнятся с одной повелительницей сада. Я, по старой дружбе, готов подсказать тебе идею тренда, который может стать ключевым в общественно-политическом дискурсе на ближайший период, – сказал Гаврик, и едко захихикал, – но с одним условием.

– Ты не поверишь, Степан, но мне нахрен не нужны твои гурии, – сказал я, выдернув руку из его хватки.

– То есть Ольгина дырочка тебя полностью удовлетворяет, – захихикал Гаврик.

В этот раз я не сдержался, и со всей силы толкнул канцлера руками в грудь, из-за чего он завалился на пол, сильно ударившись затылком.

– Пошел ты, пидар, – сказал я, и направился к выходу.

– Ты на кого рычишь, пес? Не забывайся, сопляк, – зашипел Гаврик, – я помог тебе добиться всего, что ты имеешь. Также и могу опустить тебя на дно.

Я не стал ничего отвечать на это, а просто продолжил идти дальше. Вечером я рассказал об этом инциденте Ольге.

– Зря ты с ним закусился, – ответила она, – его предложение может сыграть нам на руку.

– Чем? – спросил я.

– Архар, который задаст новый тренд, в период его приоритетного использования помимо доступа в сад гурий, о чем говорил Гаврик, получает статус регента. По сути – становится правой рукой Уильяма Виндзора. Что это дает? Периодически руководители всех филиалов «АйДи» проводят общее собрание, во время которого обсуждаются и утверждаются общие глобальные тренды, которые затем действуют

на территории всех субъектов Кузни – от общемировых челенджей до новой операционной системы iOS или Android с продвинутыми системами слежения за пользователями. Эти собрания поочередно проходят на территории всех филиалов, и туда отправляются топ-менеджеры абсолютно всех представительств. Встречи эти проводятся раз в месяц. Соответственно на время отсутствия Виндзора световой поток «ока потребления» должен кто-то улавливать. В такие моменты эта функция возлагается на регента. Вообще регентов два, в крайнем случае – три, чаще всего они представляют два направления – материальное и виртуальное или контентное потребление. Но бывают и исключения. Сейчас регентом является Степан Бандера, который предложил тренд «Руки Кремля», а также Николай Ватутин, который был идеологом создания нового мессенджера с уникальной системой защиты данных пользователей, который быстро распространился на все филиалы «АйДи» и помог привлечь много новых потребителей нашего контента, которые не доверяли традиционным площадкам, – пояснила Ольга.

– Конечно же, защита эта оказалась фикцией, – добавил я.

В ответ Ольга лишь улыбнулась.

– «Око потребления» постоянно должно быть направлено на кого-то? – спросил я.

– Естественно. В противном случае теряется целесообразность всего процесса. Собственно, для этого Виндзору и нужны регенты, непрерывно сменяющие друг друга на троне подкупольного зала в момент его отсутствия, – сказала Ольга, и задумчиво посмотрела в сторону, – хотя, я думаю, что это просто дань традициям. Подозреваю, что световой поток улавливает не седок, а само кресло, которое напрямую связано с Виндзором. Или же корона между рогов козла, которая служит антенной, принимающей сигнал. Седок выступает проводником или заземлением. Но это не точно.

Ольга настоятельно порекомендовала наладить отношения с Гавриком, и узнать какой тренд он задумал. Конечно, сам я бы не стал восстанавливать отношения со Степаном, я давно хотел послать его к чертям, но отказать любимой женщине я не мог. Поэтому на следующий день я позвонил ему, принес извинения за свое поведение, объяснив его усталостью, а также продолжительным пьянством, и предложил встретиться в удобном для него месте. Встреча состоялась в тот же вечер в ресторане «Желтое море». К этому заведению Гаврик явно испытывал слабость.

– На первый раз прощаю, но впредь подобные выпады не отпущу, – начал разговор Гаврик, придвинувшись ко мне максимально близко, чтобы можно было видеть мои глаза

через густую пелену ресторанного дыма.

Я молча кивнул головой, после чего сразу перешел к делу: – С каким условием ты готов рассказать мне о тренде, который может стать основным в ближайшей перспективе?

– Не лукавь, Есенин, – захихикал Гаврик, – ты все понял. Я хочу попасть в сад с гуриями, и ты как регент сможешь меня туда провести.

– Без вопросов, сделаю, – согласился я, – расскажи мне о тренде.

– Ах, эти тренды. Ничего нового в этом мире не происходит. Великий змей движется по спирали и веками показывает нам одни и те же фокусы, – усмехнулся Степан, после чего продолжил, немного понизив голос, – давненько в обществе не муссировалась тема отделения Украинской православной церкви от Московского патриархата. Как минимум на годик можно запустить очередную религиозную войну со всеми вытекающими захватами храмов и драками прихожан разных франшиз. Параллельно можно начать волну гонений на религиозные секты – всяких там свидетелей седьмого дня или шестой субботы. Атеистов при этом можно вовлечь в процесс с помощью мемов и трештока на тему религиозной борьбы, – сказал Гаврик.

– Не знаю, – признался я, – идея неплоха, но все же не огонь.

– Для нас, брат, огонь только один – огонь потребления. Кстати, ты знаешь, почему наш девиз «все сгорит в огне потребления»?

Я отрицательно помахал головой. Гаврик захихикал.

– Как ты знаешь, во время потребления человек направляет свой внутренний свет в противоположную Богу сторону. У света этого есть источник, который условно можно назвать душой. Собственно, свет появляется тогда, когда загорается душа, в переносном, конечно, смысле. Речь идет о рабочем состоянии ума. Этот процесс можно сравнить со звездой, которая светит за счет сжигания своего газа. Что-то похожее происходит и с человеком. В процессе потребления и осознания он сжигает свой газ, так сказать выгорает. Финал зависит от того, куда человек направляет свой свет. Когда выгорает или сгорает звезда, она может превратиться в белого карлика, нейтронную звезду, в конце концов, в черную дыру. У человека также есть несколько вариантов сгорания. Наша задача, чтобы человек потратил свое топливо на потребление, чтобы затем слиться с холодной пустотой вечности, – сказал Степан.

– Что происходит в противном случае? – спросил я.

– Есенин, такие вопросы задавать канцлеру ордена рыцарей ступенчатого стола как минимум неприлично, – рассмеялся он в ответ, – но вернемся к тренду. Мой вариант выгодный еще и потому, что ему сложно что-то противопоставить. Знаешь, почему ЗАО «Генератор света» никогда не противодействует церковному контенту?

– Почему? – спросил я.

– Да потому что церковь к свету, или Богу имеет такое же отношение, как фастфуд к прима-балерине, – сказав это, Гаврик громко рассмеялся.

Не знаю, зачем, но я стал размышлять о том, какие еще тренды можно было запустить взамен «руке Кремля». Чтобы еще могло задать тон в общественно-политическом дискурсе в ближайшей, а может быть и средней перспективе? Первым мне в голову пришла тема контрреволюции или реванша. Мол, к власти хотят прийти силы, которые потеряли кресла и портфели, а и то и вовсе покинули пределы государства в результате последней революции. Но этот тренд также не отличался оригинальностью по сравнению с предложением канцлера. Это было еще одним витком вечного Уро-

бороса – любая революция всегда проходит стадию реванша. Также я поразмышлял на тему чипирования населения с целью полного контроля деятельности каждого индивидуума, и подавляющих сознание и волю вышек нового поколения мобильной связи. Однако из-за схожести этого тренда с типичным контентом «Бесогона», который не очень жалую в нашем филиале, все же решил отказаться даже от озвучивания этой идеи. Хотя, в других соседних отделениях «АйДи» этот тренд вполне мог иметь право на жизнь.

Ольга рекомендовала мне не затягивать с презентацией тренда Виндзору, поэтому на следующий день с самого утра я направился на этаж генерального директора корпорации «АйДи». Проходя по пустому центральному нефу, я подошел примерно к тому месту, где во время рыцарского бала был замучен Владимир Семенович, точнее тот бедолага, который поддерживал духовную связь с бардом. Всмотриваясь в пол, я зачем-то искал углубление, которое должно было остаться от кола, или хотя бы следы потертостей от камней, удержавших его. Но на плитах не было и намека на недавнюю пытку. Впрочем, возможно, подсветка помещения, которую формировали тянущиеся по залам красные и оранжевые светодиодные нити, умело скрывала все дефекты поверхности. В голове у меня зазвучал стих:

– Я обманывать себя не стану,
Залегла забота в сердце мглистом.

Отчего прослыл я шарлатаном?
Отчего прослыл я скандалистом?
Не злодей я и не грабил лесом,
Не расстреливал несчастных по темницам.
Я всего лишь уличный повеса,
Улыбающийся встречным лицам.

Пройдя за скульптуру крылатого рыцаря, я вновь оказался у старинной резной двери с изображением заключенного в правильный треугольник полумесяца с человеческим лицом. Однако в этот раз сразу под треугольником я заметил небольшого белого кролика с овальным щитом в руке и копьем, который явно хотел атаковать лунный лик. Этот образ сильно диссонировал с общей конвой резьбы, и казался неуместной шуткой творца. Поэтому, рассматривая кролика, я улыбался. Открыв дверь и войдя в зал, я вновь был ослеплен ярким белым светом, источником которого было абсолютно все пространство. Но затем глаза стали привыкать к этому потоку, и я вновь стал замечать границы мониторов, погасшие экраны и трон в центре зала, на котором сидел натуральный крупный козел кашмирской породы, укутанный в шотландский плед. Мне показалось, что животное само испускает яркий белый свет, но, думаю, такой эффект возникал из-за того, что потоки света всех мониторов были направлены в эту область. Какое-то время Уильям Виндзор сидел в неподвижной позе и наслаждался светом, не обращая на меня ника-

го внимания. Но потом он все же посмотрел на меня, прыгнул с трона и, подойдя ко мне вплотную, проблеял. Я догадался, что козел хочет, чтобы я представил ему свой тренд. И я заговорил, практически слово в слово повторив слова Гаврика. Когда я закончил, Уильям Виндзор повторил тот же трюк, который продемонстрировал мне при нашем первом знакомстве. Огромный козел поднялся на задние лапы, и внимательно всматриваясь мне в глаза, обрушил в мой лоб свои мощные рога. Я увидел вспышку света еще более яркого, чем в зале «ока потребления», которая за долю секунды свернулась в непроглядную тьму, в которую я погрузился без эмоций, чувств и мыслей. Очнулся я от какого-то невообразимого удовольствия, которое нельзя было сравнить ни с чем. Это было одновременно и моральное, и сексуальное, и физическое, и духовное, и черт знает еще какое-то удовлетворение, экстаз на пике реакции или процесса. Еще даже не отрыв глаза, я ощущал мощный поток света, который бил в меня отовсюду. Почему-то я был уверен, что поток этот был разноцветным. Я сидел на троне Уильяма Виндзора и принимал сигналы со всех светящихся мониторов. Потоки света сходились прямо в моей голове, подозреваю, что это был самая центральная точка зала, и в месте слияния всех лучшей свет действительно становился радужным. Я понял, что готов просидеть в этом кресле до скончания веков, не отвлекаясь абсолютно ни на что. Ко мне пришло осознание, что ничего в этом мире не имеет ни смысла, ни значения, ни

цели. Есть только радужный поток, который освобождает от всех цепей, которыми сковывает себя человеческий разум в процессе жизни, точнее существования. А потом я услышал звук приближающихся шагов. В зал вошел человек, в котором по мере приближения я распознал Степана Гаврика в костюме канцлера. Он остановился недалеко от трона и поклонился. Мне не хотелось отвлекаться на его персону, но его присутствие стало сильно раздражать меня. Я спрыгнул с кресла и на четвереньках пошел к нему. Приблизившись вплотную, я поднялся на задние лапы и с неистовой злобой обрушил в его маску свои мощные огромные рога. От удара у меня самого потемнело в глазах, я зашатался, после чего без чувств повалился на пол. Все исчезло.

Следующий раз я открыл глаза у себя в квартире на Печерске. Меня сильно тошнило и вообще – было такое ощущение, что незадолго до пробуждения меня казнили способом «дьявольского ветра», который английские солдаты применяли против восставших сипаев в Индии. Сектантов привязывали к жерлам выстроенных в ряд пушек, после чего одновременно производили выстрел, который разрывал тела жертв на куски. Физические муки сопровождались и душевной болью: пустотой, отчаянием, тоской и безудержным горем. Я с трудом поднялся с кровати, и решил пройтись по комнате. Но получалось у меня не очень. Я шатался, падал, полз на корточках, при этом меня рвало и трясло, слезы гра-

дом катились по моим щекам. С трудом я вернулся на кровать, нащупал телефон и набрал Ольгу, которой с большим трудом – обрывочными фразами и паузами попытался объяснить свое состояние. Она пришла довольно быстро, и сразу же преподнесла мне стакан с чистым прозрачным спиртом. Я выпил его, и мне действительно стало немного легче, хотя в целом мое состояние было как после очень тяжелого и даже фатального отравления алкоголем, наркотиками или другим еще более сильным ядом. Я вкратце пересказал ей встречу с Уильямом Виндзором, вхождение в световой поток и инцидент с канцлером.

– Самое главное, что твой тренд одобрен. Соответственно теперь ты регент или десница генерального директора корпорации «АйДи» со всеми правами и обязанностями, – сказала она.

– С чего ты взяла? – спросил я.

– В радужный поток может войти только регент, – пояснила Ольга.

– Что со мной происходило, когда я сидел в троне? – продолжил я.

– По поводу радужного потока – точно ничего сказать не

могу. Как ты понимаешь, испытать подобные ощущения могут даже далеко не все рыцари-архары, не говорят об остальных клерках. Говорят, это можно сравнить с ощущениями топового блогера, например, Олега Могола, который с жизненного дна взлетел на вершину обожания и купается в лучах славы, виртуального, морального и финансового благополучия. Выход из потока сопоставим со стремительным падением блогера обратно на дно потребительского интереса. И чем дольше блогер находился в свете софитов, тем больнее происходит его падение на дно рейтинга. Для таких людей нет ничего хуже забвения. Эксперты говорят, что отчасти это можно сравнить с ломкой наркомана. Впрочем, падение блогера с точки зрения психического, соответственно и физического состояния бывает значительно хуже. Как говорят исследователи революций – кто был никем, тот станет всем, а потом снова никем, правда, уже без головы. Только если у блогера этот процесс растянут по времени, восседающий на троне человек получает этот заряд в сильно сжатом виде – как концентрат эйфории, так и последующей ломки. Подозреваю, что ты сидел в троне несколько секунд, – сказала Ольга, – ходят слухи, что Владимир Семенович пристрастился к героину как раз после того, как побывал регентом. Когда его тренд сошел, в шприце с ядом он нашел примитивную и весьма отдаленную замену луча «ока потребления». Поэтому очень прошу тебя относиться к своим новым обязанностям очень аккуратно.

В ответ я одобрительно моргнул двумя глазами. Ольга повторно наполнила стакан спиртом, и протянула его мне. Выпив лекарство, я заснул. Меня разбудил звонок телефона. Я снял трубку и приставил ее к уху.

– Ну что, Серега, когда к гуриям поедem? – весело поинтересовался Гаврик.

– К каким гуриям, – сказал я, но сразу же вспомнил, – ах, да, девам из сада.

– Говорил тебе, что тренд зайдет, – продолжал Гаврик.

– Послушай, Степан, а мы с тобой виделись в тот день, когда я представлял концепцию Уильяму Виндзору? – перебил я его.

– Было – хихикнул Гаврик, – не бери в голову. Это часть церемонии инициации регента. Мы называем это печать десницы – почетное прикосновение царственной особы.

– Понятно, – сказал я.

– Так как на счет гурий? – не унимался Степан.

– Да хоть сейчас, – ответил я.

– Отлично, я за тобой заеду минут, эдак, через 30, – сказал Гаврик.

– Давай лучше через час, – ответил я.

– Договорились, – согласился Степан, и положил трубку.

После разговора я какое-то время просто лежал и смотрел в потолок, но затем все же стал пытаться приводить себя в порядок. Давалось это нелегко. Негативные последствия луча «ока потребления» окончательно не прошли. Глубокая тоска, отрешенность, безразличие и полная апатия по-прежнему наполняли мое сердце, тем не менее, позитивная динамика все же была – я уже мог относительно нормально передвигаться и говорить. Завершив утренний туалетный мочикон, я сжег несколько 100 долларовых купюр, которые просто скомкал и кинул на тарелку. Вдохнув грязный дым, заключенных в бумагу человеческих чаяний, страданий, радостей и разочарований, я долго не мог прокашляться. К гуриям мне ехать не хотелось, но вопрос с Гавриком нужно было закрыть. Время встречи приближалось, поэтому я надел ненавистную белую рубаху, до половины наполнил стакан со спиртом, залпом выпил его, после чего застегнул на голове маску лица Есенина и вышел из своей шикарной квартиры

в мерзкий вечно дождливый город. Гаврик уже сидел в машине, и, завидев меня, помахал рукой. В этот раз кардинал тайной службы был не в форме канцлера ордена козлиной головы, а в одежде обычного клерка со спрятанным под улыбающейся золотой маской лицом. Я сел на задний диван, и машина сразу же тронулась в направлении Днепра.

– Пока твой тренд будет основным в повестке общественно-политического дискурса, тебе надо будет носить атрибуты регента, – сказал Гаврик, протянув мне достаточно крупный дорогой футляр нефритового цвета. В нем оказалась золотая медаль на массивной орденской цепи, состоящей из 13 чередующихся звеньев, соединенных небольшими кольцами. На самой медали была изображена перевернутая пятиконечная звезда черного цвета, в которую помещалась выпуклая голова козла из похожего на перламутр материала с красными рубинами вместо глаз. Звенья были вдвое меньше медали и представляли собой золотые щитки треугольной формы с изображениями меча, копья, лестницы, тернового венка, обнаженной женщины, обнаженного мужчины, змеи, черепа, фигурки, похожей на анальную пробку, бича, игральных костей, петуха и золотых монет. Закончив рассматривать регалии десницы, я надел цепь на шею и уставился в окно. Ехать оказалось недолго. Корпоративный мерс Гаврика повернул на улицу Бастионную и въехал в ворота ботанического сада имени Гришко. Автомобиль остановил-

ся у стеклянного здания, напоминающего ограниченный бриллиант, и вместе с Гавриком мы направились к его входу. Возле дверей дежурили четыре преторианца, с нехарактерными для легиона рисунками на щитах. Вместо молний в виде стрел, крыльев, полумесяцев и других традиционных узоров времен Римского легиона каждый skutum гвардейцем украшали три цветка – в правом верхнем углу – лилия, в левом верхнем углу – мак, а по центру внизу – роза. Рассмотрев на моей груди регалии регента, один из гвардейцев ударил в подвешенный к зданию китайский колокол, створки стеклянных дверей разъехались в стороны, и мы вошли внутрь. В просторной прихожей, стены которой были обшиты деревом с тончайшей резьбой в виде восточного узора, нас встретил высокий лысый пухлый мужчина в красном халате и такого же цвета тюбетейке, украшенной белыми лентами кружева. Он очень низко поклонился и жестом указал нам направление, в котором следовало идти. Мы шли по мягкому ковру с изображением удивительных растений и причудливых животным, и с каждым шагом до нас все отчетливей доносилось пение птиц, журчание воды и ненавязчивая музыка арфы. Наконец мы уперлись еще в одну дверь, над которой был закреплен огромный мраморный барельеф с телами голых девиц, которые переплетались друг с другом слово листья густой кроны дерева.

– Ровно 72, – сказал Гаврик, внимательно рассматривая

выпуклый рельеф скульптуры, – говорят, что на следующий день после соития у гурий восстанавливается девственность.

Я оставил его реплику без комментариев. Смотритель подбежал к двери, открыл ее и, поклонившись нам, еще раз сделал пригласительный жест рукой. Мы вошли в громадный светлый зал, который больше походил на роскошный сад с невероятным количеством дивных растений, разноцветных птиц, мраморных фонтанов в виде цветов, мягких песочных дорожек и множеством невероятно красивых обнаженных девиц. Сквозь стеклянный купол весь сад заполнял яркий солнечный свет. Каменные столы ломились от фруктов и амфор с напитками. Увидев нас, гурии стали грациозно бегать по саду, запрыгивать и присаживаться на низкие ветки широких деревьев, сопровождая передвижения звонким смехом. Рассматривая эту картину, я почувствовал небывалое облегчение. Последствия вхождения в световой поток «ока потребления» исчезли как капля воды на жарком солнце. Сад явно обладал какой-то магической, очищающей или даже освобождающей силой. Гаврик также пребывал в бодром расположении духа. Он откинул в сторону все свои маски и стал снимать кроссовки, а затем стягивать с себя спортивный штаны. При этом Степан интенсивно дышал и ухал. Полностью оголившись, Гаврик подбежал к двум черноволосым красавицам, и одновременно хлопнул их по голым упругим ягодицам ладонями. Сад озарила мощная вспышка све-

та, сразу после которой раздался сильный хлопок, будто в землю ударила молния. Гаврика с невиданной силой откинуло от девиц в обратном направлении метров на десять. Когда он сел, волосы его торчали в разные стороны и при этом дымились. Взгляд был пустым и неживым. Гурии смотрели на него и радостно хихикали. Ко мне подошла одна из девиц – высокая стройная блондинка с огромными изумрудными глазами.

– Господин, сладкий плод доступен только истинному шахиду, регенту, царю, помазаннику, венценосному, что, впрочем, всего лишь разные оттенки одного понятия, – сказала она, протянув мне бокал с напитком насыщенного лаймового цвета и длинной красной трубочкой.

К моему удивлению, впервые за долгое время напиток оказался не разбавленным спиртом, а настоящим сладким фруктовым шербетом. Поэтому я пил его с неподдельным удовольствием и даже жадностью. Присмотревшись к девушке, я заметил на ее шее небольшой ремешок черного цвета с вшитой диодной полоской зеленого цвета. У других гурий на шеях были такие же ремешки, правда, их полоски горели красным цветом. Я догадался, что произошло с Гавриком, и для проверки своего предположения дотронулся до девушки с зеленым диодом на шее. Ничего не произошло. Затем я жестом подозвал к себе еще несколько девиц. Когда они

приблизились ко мне, свет их диодных полосок на ремешках поменялся с красного на зеленый.

– Что желаешь, господин? Мы можем воплотить в реальность все твои самые сокровенные желания, – шептали гурии, обнимая и глядя меня по спине.

– Забавная система защиты, – подумал я, – вероятно, чип, который разблокирует ошейники гурий, вшит в одно из звеньев орденов цепи звезды Бафомета, если не в саму медаль. Современные технологии уверенно перекачывают и в сферу плотских утех. Доступ к телу теперь зависит от ценности сотрудника для компании. Правда, остается вопрос надежности соединения ордена с ремешком гурии. Интересно, если во время соития сигнал пропадет?

Я подошел к Гаврику, который все еще оставался в прежней позе.

– Не все так просто, Степан. Как говорится, дьявол кроется в деталях. Попасть в сад гурий – не значит испытать источник наслаждений. Но самое обидное, что купить это право нельзя, его можно только получить вместе со статусом, – сказал я, продемонстрировав ему медаль.

Ко мне подбежала дюжина девиц, и, взяв за руки, пове-

ли глубже в сад. Мы пришли на небольшую полянку, окруженную невероятно крупными платанами. В ее центре – в тени кроны самого мощного дерева находились руины древнего греческого или римского храма, а может быть дворца – некоторые белые колонны лежали на земле вместе с осыпавшимися стенами, несколько колон и часть кладки с аркой все еще сохраняли изначальное положение. Внутри развалин стояла огромная высокая кровать, застеленная белой шелковой простыней и засыпанная лепестками роз. Гурии положили меня в центр этой кровати и стали ласкать мое тело касаниями своих рук, губ и тел. Меня накрыла волна вожделения, и поглотил огонь страсти. Одна гурия, как мне показалось, самая прекрасная из всех девушек – с заплетенными в конский хвост черными, как смоль волосами и глазами цвета голубого моря, запрыгнула на меня, раздвинула ноги и приготовилась сесть на мой возбужденный член, но в момент контакта я остановил ее. Не знаю почему, но в этот момент я подумал об Ольге.

– Жизнь полна соблазнов, перед которыми очень сложно устоять. Но что будет потом, когда все закончится? Удовольствие мимолетно, а чувства подлости и предательства останутся в моей памяти навсегда, – почему-то подумал я. При этом в голове зазвучали и другие доводы: – самые красивые женщины мира готовы разделиться с тобой ложе. Такого шанса больше никогда может не возникнуть. Я колебал-

ся. Закрыв глаза, я стал мысленно возводить в памяти черты Ольги – овал лица, губы, нос, глаза. Она не только была не хуже гурий, она давал им фору всем вместе взятым. Помимо прекрасных внешних данных, она была умна, сдержана и приятна в общении. Мы с ней одинаково думали, одинаково ощущали этот мир и чувствовали другу друга, как во время интимной близости, так и после нее. Гурии могли подарить только плотскую утеху, которая после пика соития неизбежно сводится к пустоте, безразличию и одиночеству. К тому же гурии раздвигали свои ноги не передо мной, а перед висящей у меня на груди звездой Бафомета. Я поднялся с кровати, и под удивленные взгляды самых красивых женщин этого мира направился к выходу из сада гурий.

Микаэл

Вечером после моего посещения сада гурий ко мне пришла Ольга. Она подарила мне одну из самых сладострастных и ярких ночей с момента нашей близости. Я понял, что так моя возлюбленная благодарила меня за волевое решение, которое я принял в окружении 72 самых прекрасных нимф, справившись с искушением и возвысив ее над всеми женщинами мира. После акта любви мы долго лежали в обнимку и молча смотрели в окно, за которым горели окна далеких домов и, как всегда, моросил дождь. А потом она заговорила: – Глеб, я боюсь за тебя.

– Почему? – спросил я.

– Скоро Виндзор поедет на территорию соседнего филиала «АйДи», где соберутся генеральные директора всех представительств корпорации. Приближается момент истины, – сказала она.

– Четно говоря, я периодически думаю об этом. И чем дольше размышляю, тем мне меньше хочется выполнять подвиг, – ответил я.

Ольга встала с кровати, подошла к своей сумочке, достала из нее пачку сигарет с зажигалкой и закурила.

– Что будет со мной после броска копья судьбы? Не знает никто. Что если мне придется вечно переживать невыносимые мучения. И черт с ним, если это приведет к чему-то светлому – тотальной победе над тьмой. В лучшем случае мы выиграем бой. Ради кого? Потребителей, которые давным-давно превратились в уткнувшиеся в голубые экраны зомби, и самое страшное, чрезвычайно довольные этому, – сказал я, взяв у нее подкуренную сигареты, – я люблю тебя, мы счастливы и нам никто не мешает жить. Неужели стоит разрушать это ради иллюзии, которая может растаять как мираж в пустыне в одурманенных обезвоживанием глазах

пилигрима.

– Ты не прав, – парировала Ольга, – не все люди превратились в зомби. И удар копья судьбы может вернуть к истинному предназначению человека множество заблудших душ.

– В чем истинное предназначение человека? – спросил я.

– Ты получил ответ на этот вопрос в саду гурий, – сказала Ольга, после чего стала быстро одеваться.

Конечно, Ольга была права. Я прекрасно знал и понимал это, но как обычному человеку мне хотелось удерживать свое счастье как можно дольше. Впереди была пугающая неизвестность. Впрочем, ждать развязки оставалось недолго. Несколько дней спустя ко мне в кабинет в одеянии канцлера явился Степан Гаврик, который сообщил, что Уильям Виндзор на день уедет в командировку, поэтому на это время мне придется разделить трон в зале «ока потребления» со вторым регентом.

– Первую половину дня сигнал будет принимать Николай Вагутин. Ну а затем эта честь или ноша, зависит от твоего восприятия, выпадает тебе, – ухмыльнулся Гаврик.

По словам Степана, перед тем, как взойти на трон, мне

необходимо будет пройти еще один обряд, который должен помочь мне справиться с негативными последствиями процедуры.

– Это не просто дань традициям, а важный элемент защиты от побочного эффекта, который возникает при вхождении в световой поток «ока потребления», – предупредил Гаврик.

Я попытался уточнить детали этой церемонии, но Степан отмахнулся, сказав лишь, что в ней нет ничего особенного. Он предупредил, что завтра будет ждать меня ровно в 18.00 у лифта на моем этаже, и, выходя из кабинета, зачем-то показал мне рукой жест «козы», выставив вперед мизинец и указательный палец, сжав к ладони все остальные пальцы.

– Вот и все, – подумал я, – настал момент истины.

Остаток дня я провел с Ольгой, которая пребывала в каком-то возбужденном состоянии, и постоянно твердила: – ничего не бойся. Свет не оставляет своих воинов даже в самых темных местах вселенной.

Весь следующий день я просидел в рабочем кабинете, сжимая в руке пилум. Поначалу я старался ни о чем не думать, но получалось у меня не очень. Поэтому я сосредото-

чился на счастливых воспоминаниях своей жизни, и значительную часть в этих воспоминаниях занимала Ольга. Перед тем как покинуть кабинет, я наполнил стакан заранее подготовленным спиртом и одним глотком опорожнил его. В голове слегка закружилось, и граничащая с безразличием уверенность раскатилась по телу.

– Зачем тебе копьё? – усмехнувшись, спросил меня Гаврик, который уже ожидал меня у лифта.

– С ним как-то уверенней себя чувствую, – ответил я.

Степан хмыкнул, нажал на знакомую кнопку, и лифт понесся вверх. Как и во время рыцарского бала, мы вновь оказались в небольшом фойе с масштабной скульптурой в центре зала. Однако теперь скульптура была несколько другой. Теперь вместо Кисельвова и Дуря на кресте, который нес худощавый человек с терновым венцом на голове, сидели животные – птица, напоминающая павлина, змей с гребнем, как у рыбы, полосатый кот, черепаха, муха, которую за конечности и отростки удерживали 12 муравьев, волк похожий на лису, или лиса, похожая на волка – с костью в зубах, а также белый козел с огромными рогами. Всех этих животных накрывали крылья громадной гарпии с некрасивым женским лицом. Гаврик указал мне на дверь со знакомой литерой М. Внутри меня встретили те же кавказцы, которые надевали на

меня рыцарские латы во время церемонии посвящения в рыцари-архары, правда, в этот раз они были в папах, черкесках и бурках белого цвета. Один из джигитов опять указал мне на небольшой подиум, установленный вблизи камина. Я повиновался, после чего второй подошел ко мне с подносом, на котором стоял большой и вычурный кубок, наполненный до краев какой-то черной жидкостью.

– Пей, – прозвучал кавказский акцент.

Я взял довольно тяжелый кубок в руку. Фужер был выполнен из хрусталя на золотой ножке, на которой были изображены такие же животные, как и на скульптуре в фойе. Я долго не мог оторвать взгляд от игры языков пламени из камина в гранях хрустальной чаши.

– Пей, – повторил голос.

Я пригубил. Напиток оказался тягучим, маслянистым и кислым. Не могу сказать, что пить его было невозможно, но приятного в этом было мало.

– Надо, брат, надо, – приговаривал один из джигитов.

Когда я закончил, меня чуть не стошнило, но я все же сдержался. Я поставил кубок обратно на поднос, и хотел,

было, спуститься с подиума, но прислужник остановил меня. Картинка в глазах поплыла, а предметы в комнате стали яркими и выразительными. Второй джигит накинул мне на плечи шкуру какого-то животного, подозреваю, что козла, и специальными завязками закрепил на теле. Затем он развернулся и взял со стула козлиную голову. Это был своеобразный шлем, созданный таксидермистом с головы настоящего животного, с виду ничем не отличающийся от реального кашмирского козла, но полый внутри. Один их прислужников надел этот убор мне на голову, второй с помощью специальных ремней закрепил его к телу. Кавказцы свою работу знали – голова и шкура козла держались на мне так крепко и надежно, что у меня создалось стойкое впечатление, что это было мое настоящее тело. Я относительно свободно двигался в этих латах, и даже мог делать наклоны. Прислужники выпроводили меня из своей коморки, и я вновь оказался в фойе. Гаврик встретил меня неожиданно. Он подошел ко мне, встал на колени, поцеловал руку и сказал: – ваше величество, трон ждет.

Мы двинулись в направлении двери с литерой W. Справа от двери в боковой стене было вмонтировано зеркало, в нем я увидел большого черного кота и белого козла, но в следующую секунду они исчезли. Подойдя к зеркалу, я внимательно посмотрел в него. В зеркале отражался козел с человеческими ногами и руками, а между рогами животного пылал огонь

в форме короны с острыми шипами. Я поднес к головному убору руку, но огонь нисколько не обжигал меня. Гаврик открыл двустворчатые двери, поклонился, жестом указывая мне путь, и я вновь оказался внутри трехнефного готического собора с витражами из цветного стекла и скульптурами рогатых рыцарей. Когда мы приближались к центру зала, раздался звук открывающихся дверей. Со стороны скульптуры рыцаря с крыльями дракона к нам двигалась процессия. Четыре девушки в просвечиваемых кольчугах, одетых на голые тела, и шлемах с закрепленными с боков орлиными крыльями несли на большом круглом щите обезглавленное тело мужчины в козлиной шкуре. Сразу за ними шла обнаженная прислужница, которая несла на подносе голову козла со следами крови. От этого зрелища у меня приподнялись волосы на затылке, а также моментально пересохло в горле.

– Что здесь происходит? – спросил я с возмущением.

– Умер король, да здравствует король, – хихикнул в ответ Гаврик, – Не придавай значения, это формальность, давняя традиция. Дело в том, что его мессенджер окончательно потерял интерес у потребителей. И он, как придумавший этот тренд менеджер, растворился в небытие вместе с ним. Надо всегда держать руку на пульсе тренда, чтобы не потерять голову.

Колона прошли возле нас, и я увидел торчащую из головы козла золотую маску с лицом боевого генерала Николая Ватутина, освободившего древнюю столицу моей страны осенью 1943 года.

– Дальше мне идти нельзя. Сюда могут входить только венценосные особы, – сказал Гаврик, и, хихикнув, продолжил, – а также проверенные уборщицы.

Дверь открылась, и я шагнул в слепящий свет. В зале никого не было, но я на всякий случай обошел его по кругу, внимательно всматриваясь в светящиеся мониторы. Кинув взгляд на трон в центре зала, я испытал непреодолимое желание сесть на него и вновь испытать невообразимое блаженство эзотерической составляющей процесса потребления материальных и виртуальных продуктов. Мощный световой пучок манил меня и даже в какой-то мере гипнотизировал. Я даже не понял, как мои ноги зашагали в направлении стула. Они подчинялись не мне, а какому-то внутреннему сознанию, которое существовало отдельно от моей воли или ума. Но затем я заметил пятна крови на белом полу, вероятно, принадлежащие Ватутину, и разум тут же возобладал над телом, взяв его под контроль. Адреналин все-таки сильная штука, а главное всегда с собой. Чтобы не искушать судьбу, я решил не тянуть со своей миссией. Сжав в руке пилум, я стал внимательно выискивать потухшие экра-

ны зловещей световой машины. С одной стороны, рассмотреть темные мониторы в залитом светом пространстве было непросто. Впрочем, это была не самая главная проблема. Даже когда в потоке света удавалось сфокусироваться на черноте, фактически уже в момент броска монитор вспыхивал белым светом. Поскольку копье у меня было одно, это могло бы привести к фатальному результату: миссия провалена, а я разоблачен. Около 10 раз я чуть не попался на этом, но в самый последний момент мне все же удавалось останавливать руку. Казалось, что «око потребления» играет со мной, как заключенный в башню Саурон с Фродо Бэггинсом. Наконец я выделил один экран, который долгое время не изменял темноте. Я несколько раз для вида изображал бросок пилума, но монитор ни разу не зажегся огнем потребления. Наконец, решившись, я со всей силы метнул копье в черную точку залитого светом зала. С еле слышным шипением, которое рождалось от разрезаемого острием воздуха, копью пронеслось по пространству и с не очень громким хрустом вошло в темный экран чудовищной машины. В первый момент казалось, что ничего серьезного не произошло, но в следующий миг раздался мощный взрыв, все экраны в один момент разорвались, и я почувствовал, как в меня врезаются мелкие осколки составных частей мониторов – стекла, пластика и металла. После чего меня поглотила непроглядная темнота. Вдруг я почувствовал вибрацию у себя в кармане, а затем услышал знакомую мелодию, сопровождающую вы-

зовы в одном из моих мобильных мессенджеров. Я достал из кармана своей белой рубахи мобильный телефон и принял видеозвонок с неизвестного номера. В экране появилась картинка с Ольгой, которая почему-то была с ярким макияжем и с оголенной грудью.

– Как все прошло? – спросила она.

– Все получилось, – ответил я, – «Око» погасло, но каковы последствия этого броска я не знаю.

– Последствия самые охуенные, – сказала она, и рассмеялась каким-то странным диким смехом, после чего продолжила с серьезным видом, – ежегодно все иудеи празднуют Йом-Киппур – день покаяния или искупления. Это происходит на десятый день месяца тишрей. В этой день вершиться великий суд. Сегодня как раз такой день.

Камера дернулась в ее руке, и в кадр вошел Иван Ухгад, который также был с голым торсом.

– Увы, дорогой Глеб Аркадьевич или Сергей Александрович, впрочем, это не столь важно, но сегодня подсудным выступаешь ты, – сказал генеральный директор корпорации «АйДи», – дело в том, что согласно сложившейся традиции, в ритуале на Йом-Киппур неизменно принимают участие два

козла. Одного приносят в жертву. Второй принимает на себя все человеческие грехи, и его отпускают в пустыню вечной пустоты. Но если ты думаешь, что таким образом козел освобождается, то сильно ошибаешься.

Камера вновь дернулась, в этот раз в левую сторону, и в экране показался Степан Гаврик.

– Козла в пустыне может ждать все что угодно, – захихикал Гаврик, – от садистов ментов с палками-проникалками до таинственных змей, высасывающих мозги своих жертв.

В смартфоне вновь показалась Ольга.

– На самом деле все прозаичней. Каждый год осенью происходит великая битва добра и зла, в которой победу всегда одерживает свет. Хотя победа эта так – фальшивка, как попытки ЗАО «Генератор света» вернуть человечество к духовному росту. Банкротство этой компании неизбежно. Вопрос времени. А все потуги – агония умирающего гиганта. Человечество уже давно перешло духовный Рубикон. Люди, словно свиньи, способные только потреблять то, что навалит им в корыто производители контента. Всем плевать, что за эту похлебку чуть позже с них возьмут по самому высокому тарифу – шкурой, мясом, костями, а главное – внутренним светом, – сказала она.

Смартфон вновь перехватил Иван.

– Тебе выпала честь сыграть свою главную роль – изобразить крылатого воина, бросившего вызов самому Микаэлу. Еще один эпизод вечной битвы, еще одно поражение тьмы. Но не переживай, все произойдет очень быстро. Когда бой закончится, ЗАО «Генератор света» объявит триумф, а я вновь скромно сяду в свой трон, – сказал Ухгад, улыбаясь, – Световой поток дает самое большое удовольствие – превосходство, силу, власть и безграничное блаженство. Он как наркотик, к которому легко пристраститься и невозможно отказаться. И уже очень скоро все человечество – до последнего жителя отдаст мне весь свой внутренний нектар.

Смотря в экран и слушая эти слова, меня переполняли чувства горечи и безысходности. Я осознал, что с первого дня в Кузне меня вели к этому дню как тупого осла, который шагает вперед из-за маячащей перед ним морковки, подвешенной на удочке в руках сидящего на спине погонщика. Меня ловко обвели вокруг пальца, создав иллюзию великого подвига, который я должен совершить во имя света. Но самым горьким и обидным было то, что в этой махинации первую скрипку играла та, которую я любил всем сердцем.

– А теперь мы покажем тебе контент, который пользует-

ся самым высоким спросом с момента появления цивилизации, – сказал Иван, и поставил телефон на отдалении, так, что всех участников видеоконференции стало видно во весь рост.

Все действие происходило в небольшой комнате, похожей на обычную спальню с большой кроватью, устеленной золотой простыней. Ольга встала на кровать на четвереньках и принялась активно заглатывать возбужденный член Ивана, который встал справа от камеры смартфона. Сзади к ней подошел большой белый козел, который закинул передние лапы ей на ягодицы, стал тыкать своим половым органом в ее промежность. Гаврик не принимал участие в этой вакханалии, а сидел вблизи на своем бардовом пуфике и внимательно наблюдал за происходящим. От этой картины у меня потемнело в глазах и кольнуло в сердце. Я был раздавлен и уничтожен, одновременно неистовая злоба, ненависть и нечеловеческое горе разрывали меня изнутри. Мне хотелось одновременно кричать, плакать и нещадно рубить своих врагов мечом или топором. Я со всей силы швырнул телефон об пол, из-за чего он разлетелся на куски, и одновременно лишившись сил, упал на колени, схватившись рукой за сердце, в которое, как мне показалось, кто-то вогнал острый стилет. Преодолевая физическую и душевную боль, я попытался сорвать с себя козлиную голову, но у меня ничего не получалось – кавказские мастера выполнили свою работу безупречно.

но. От отчаяния я стал выкрикивать строки:

– Пой же, пой. На проклятой гитаре
Пальцы пляшут твои вполукруг.
Захлебнуться бы в этом угаре,
Мой последний, единственный друг.
Не гляди на ее запястья
И с плечей ее льющийся шелк.
Я искал в этой женщине счастья,
А нечаянно гибель нашел.
Я не знал, что любовь – зараза,
Я не знал, что любовь – чума.
Подошла и прищуренным глазом
Хулигана свела с ума.
Пой, мой друг. Навейай мне снова
Нашу прежнюю буйную рань.
Пусть целует она другова,
Молодая, красивая дрянь.

Внезапно все пространство вновь озарилось сильным белым светом, я поднял голову и увидел, как с потолка спускается человеческая фигура. Это был уже достаточно пожилой мужчина в кожаных черных доспехах с полосками-шлейфами на плечах, напоминающими лорику линтею. Во весь торс воина проходил большой серебряный крест, который, вероятно, выступал в качестве дополнительной защиты кожаных лат. В одной руке он держал меч, который пылал желтым ог-

нем, в другой – овалный щит черного цвета с большим серебряным крестом, напоминающим знак тевтонского ордена. Голову мужчины окружал металлический белый нимб, который крепился к задней части доспеха. За спиной развились огромные крылья, которые ближе к телу были окрашены черным цветом, а к концам – белым. Лицо воина показалось мне знакомым. У него была прическа, популярная в 70-х годах: явно выкрашенные темно-каштановые волосы опускались чуть ниже шеи, а челка едва касалась бровей. Лицо было впавшим и изрезанным многочисленными морщинами, на шее выделялся небольшой кадык. При этом его можно было назвать приятным и даже привлекательным.

– Поднимись, Бафомет, сегодня свершится твоя судьба, – сказал он с явным английским акцентом.

– Кто ты? – спросил я воина.

– Миг Джа Ггер, – сказал он, делая непродолжительные паузы между словами.

В ответ я отрешено улыбнулся и пропел:

– Pleased to meet you
Hope you guess my name
But what's puzzling you
Is the nature of my game

Воин также улыбнулся, и сделал жест, призывающий меня встать.

– Ну, что ж, мой час пришел. Встречу его достойно, несмотря на раздавленную душу. Наверное, это лучший выход из сложившейся ситуации, – сказал я себе, после чего выпрямился во весь рост.

Миг Джа Ггер стукнул рукоятку огненного меча о щит и прямо передо мной упал мой пилум, которым я пытался свершить предназначение электуса. Я поднял его и, сжав двумя руками, приготовился к битве с небесным воином, заранее зная ее финал. Архангел подпрыгнув взвился ввысь и стремительно рванул в мою сторону. Я даже не пытался заблокировать его удар, не старался встретить его острием пилума, а, смирившись, ждал своей гибели. Небесный воин приземлился прямо передо мной и со всего размаху ударил щитом по лицу. Столкновение была настолько сильным, что меня откинуло на несколько метров назад, при этом козлиную морду, которая казалось намертво слилась с моим телом, оторвало и отбросило значительно дальше. У меня стало темнеть в глазах, и я понял, что вот-вот умру. Мне не было больно и страшно, я вообще не испытывал никаких эмоций к своей гибели кроме безразличия. Более того, я был рад, что все закончилось и больше ничего плохого со мной не

произойдет. Я закрыл глаза. Однако через мгновение я отчетливо услышал покашливание, которым обычно люди пытаются обратить на себя вниманием. Открыв глаза, я увидел перед собой Миг Джа Ггера. Музыкант был без доспехов, за его спиной не развивались крылья, а в руках не было оружия. На нем была простая белая лацерна с наброшенным на голову капюшоном, а в руках простой деревянный посох.

– Что произошло? – спросил я.

Миг Джа Ггер хмыкнул в ответ, и сказал на чистом русском языке: – собеседование. Довольно успешное. Поздравляю, ты зачислен в ряды ЗАО «Генератор света».

– Как? – удивился я.

– Чтобы не тянуть кота за хвост, вкратце объясню тебе суть происходящего, – ответил музыкант, – но перед этим сделаю лишь одно небольшое отступление. Сергей Александрович, столько много размышлений посвятить женской душе и так попасться на элементарную уловку. Воистину, нет предела коварству и подлости этих существ, не без исключений, конечно. Да, настоящую любовь ты не увидел, зато красивое личико, стройное тело и изощренный ум полностью обезоружили все твои системы защиты.

В этот момент я почему-то вспомнил об Аннушке, о наших беседах и попойках, о рыцарском бале и прерванном разговоре, который, впрочем, не сулили ей ничего хорошего.

– Ну да бог с ним. Сколько бабочка не обожжется, все равно летит на огонь, – продолжил архангел, – не буду скрывать, мы действительно проигрываем конкурентную борьбу корпорации «АйДи». Не все так плохо, как пытаются представить это наши конкуренты, но все же в последние 100 лет мы просели неслабо. Отчасти это происходит по вине самого человека, которым легко манипулировать и выгуливать на поводке по созданным этими чертями ментальным границам, виртуальным зонам и материальным ориентирам. С другой стороны, мы испытываем колоссальный дефицит кадров, и это, пожалуй, куда более весомая проблема. Дело в том, что современные сильные креативщики в виду своей деятельности, которая к свету не имеет никакого отношения, а также образа жизни, зачастую построенного на потребностях, сформированных все той же корпорацией «АйДи», не могут попасть на Мельницу, соответственно – претендовать на любые должности в ЗАО «Генератор света». Таковы правила, сам понимаешь. Чтобы попасть к нам на работу надо пройти ритуал очищения. Собственно, именно поэтому очень давно была придумана схема, позволяющая нам пополнять свои ряды высококвалифицированными специалистами. Условно мы называем это собеседованием. Офици-

ально – «встреча козла отпущения». Опять же, не буду сильно вдаваться в детали и эзотерические основы этого процесса. Еще с незапамятных времен между светом и тьмой была достигнута договоренность о великой битве, которая происходит один раз в год. Проигравшей в этой битве должен отводить свои войска подальше от границ духовного влияния на человечество. И так действительно происходило. Чтобы напрасно не жертвовать рядовыми бойцами, битва происходила в виде дуэли между руководителями корпораций, можно сказать – главнокомандующими. Воинство света всегда возглавляет Мик, а рыцарей тьмы, как единоличный и властный диктатор – Бафомет. Шансов на победу у ООО «АйДи» нет, таков баланс был определен еще в момент создания Кузни и Мельницы, поэтому устав от поражений, тьма стала выставлять на поединок подставного козла. Это позволило Бафомету с одной стороны сохранить договоренность, с другой – не тратить силы на восстановление после поражения, соответственно – не уменьшать влияние на человечество. Чтобы все выглядело правдоподобно, подставной козел должен быть наделен истинным королевским статусом, который могут получить только лица из ближнего круга Бафомета – рыцарей ступенчатого стола. Конечно, подставные козлы могут создаваться специально – их могут вести от рядового клерка до руководителя департамента и вице-президента корпорации, как в случае с тобой, чтобы затем принести в жертву великой битве. Однако в процессе создания «козла отпущения»

ния» избранный неизбежно получает знания, которые делают его крайне серьезным экспертом по контенту и антиконтенту. Перед финальной битвой на козла отпущения возлагаются все грехи человечества, что максимально очерняет бойца в глазах воина света. Но на самом деле – это ключ к его очищению. Как Христос своей смертью на кресте искупил грехи человечества, так и клерк избавляется от пут мрака вместе с оторванной козлиной головой.

– Что мне надо будет делать? – спросил я.

– Примерно то же, что ты делал на прошлой работе. Только теперь ты будешь создавать антиконтент, – ответил Миг Джа Ггер, и протянул мне руку.

– Я сейчас ничего не хочу, – ответил я.

– Раненое сердце заживет, – сказал Микаэл, – направь лучше свои мысли на ту, которая ответит тебе взаимностью.

У меня в голове вспыхнули черты Аннушки, которые в этот раз показались мне очень выразительными и привлекательными.

– Настоящие скарабеи катят свой шар исключительно к свету, и в конце этого пути всегда происходит долгожданная

встреча, – сказал воин и подморгнул мне.

Я захотел снять с себя маску Есенина, но ее на голове не оказалось. Не знаю почему, но это заставило меня улыбнуться, а затем я сжал руку Миг Джа Ггера и мы пошли в направлении света.